

АНАСТАСИЯ МАНДРОВА

Неостывший
ЛЕД

Анастасия Мандрова

Неостывший лед

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70460821

SelfPub; 2024

Аннотация

В этом мире Лес разделяет все поровну. Север – мир вольных ветров, холода и беспросветных туманов. Юг – мир солнца, раскаленной пустыни и обманчивых миражей. Более двухсот лет назад северяне поработили южан. Мне повезло родиться на Юге. Почему повезло? Да потому что я полное олицетворение южан, горячая, безрассудная и ненавидящая северян. Они – наши враги. И никто не сможет разубедить меня в этом. Но с появлением в моей жизни одного человека вся незыблемость моих убеждений рассыпается, как зыбучие пески пустыни. И моя ненависть тает, как лед...

Анастасия Мандрова

Неостывший лед

Законы природы суровы
И спорить тебе бесполезно.
Снимаются все покровы
С тайн лесных и небесных.
И плавится лед холодный
Слезой кристальной и чистой.
И сильный огонь горячий
Становится пылью искристой.
Но вдруг наступает время
И рушатся все постулаты.
В ничто превращается бремя
Законов замысловатых.
И льется огонь, как речка,
Прохладу неся на пути.
И лед становится свечкой.
Теплее какой не найти.
Ты только поверь без сомненья,
Сердцем своим познай.
Разом прими решение
И выходи за край.

Глава 1

– Давным-давно, когда лес напоминал радужное море, а все вокруг цвело и благоухало, жили-были Король с Королевой. Они правили мудро и справедливо. Все жители были счастливы, не было войн и...

– Леона, ну сколько можно! Хватит читать свои сказки!

Я сердито взглянула на брата. Сколько можно меня прерывать, хотелось спросить мне. Но мои глаза опустились на что-то кричащее в его руках.

– Ох, Экберт, ты нашел его!

Моей радости не было предела. В руках моего брата сидел мой новый пушистый друг, мой любимый грифончик Ру. Я обнаружила его пару недель назад, умирающим от голода, под огромным фиолетовым дубом в Лесу. Но, понятное дело, я никому не сказала, откуда именно Ру появился у меня. В Лес мне ходить запрещалось, и если бы кто-нибудь прознал об этом, например, мой старший братец, то мне было бы несдобровать.

– Иди ко мне, мой сладкий! Сколько можно убегать от своей хозяйки! – сказала я и протянула руку к Ру. – Где же ты был?

Грифон еще не умел летать, но попытался взмахнуть крыльями, давая понять, что не прочь вернуться ко мне. Я лучезарно улыбнулась, когда Ру оказался в моих руках и заурчал от удовольствия.

– Я нашел его по дороге с рудника. Он орал, как ненор-

мальный. Покоорми его! – произнес Экберт и направился в дом.

Мой брат всегда был немногословен, и многие думали, будто ему нечего сказать. Но это не так. Просто в отличие от всей нашей семьи, Экберт больше думал, чем озвучивал свои мысли вслух.

– Спасибо! – сказала я ему вслед. – А ты пойдешь со мной, – обратилась я уже к Ру. – И обещай больше не убежать, если услышишь, как рядом летит дракон. Он все равно безобидный и не тронет тебя.

Я направилась на кухню, где мама готовила аппетитно пахнущий обед. Грифоны ели исключительно мясо и рыбу. Но в нашей семье такая пища была большой редкостью, поэтому я приучила Ру есть то же, что и мы. А мы питались всем, что росло на нашем огороде. По сравнению с жителями других районов Юга, моя семья жила в почти идеальном месте. Близость к Лесу означала тепло и немного осадков, а солнце светило ярко так же, как и в других местах. Мы могли заниматься выращиванием овощей и фруктов, что-то продавать на ярмарке для ненавистных северян, что-то оставлять себе. Будь моя воля, я бы продавала еду жителям Пустыни, но им доставалась лишь искусственно выращенная еда. Им вообще не повезло: постоянная нехватка воды, ужасающая жара, скудная еда и изнурительная работа быстро приводили к тяжелым болезням и недолгой жизни. Мы же жили около Леса. И в нашем мире это считалось самым привилегирован-

ным местом. Климат был мягким и располагающим к долгой и благополучной жизни. Рядом текла река, росли фруктовые деревья. Все было здесь хорошо, кроме одного – близости к Северу.

– Лео, ты рано пришла. Еще не готово, – произнесла мама, помешивая овощное рагу.

– Мама, можно я возьму для Ру кусочек хлеба?

– Опять нашелся? Ну возьми, только немного, а то муки почти не осталось.

– Я совсем чуть-чуть, – сказала я, отламывая небольшой ломоть хлеба и шепотом пообещав своему питомцу, что непременно угощу его своей порцией рагу.

– Ох, когда ты повзрослеешь, Лео. Тебе совсем скоро восемнадцать, а ты все не тем занимаешься. – Мама показательно глубоко вздохнула.

– Я не могла его бросить умирать, мама. И теперь не могу не заботиться о нем.

– А где ты говоришь его нашла? – поинтересовался мой брат, заходящий на кухню и хорошо пахнувший свежими травами после душа.

Он уже переоделся в чистую одежду, и ничто не напоминало о том, что еще час назад он трудился в шахте вместе с другими рабочими, дыша пылью и грязью. Лишь усталость в глазах, которую нельзя было скрыть, явно показывала, что жизнь Экберта в его неполные двадцать совсем нелегка.

– В нашем саду, – быстро отчеканила я, смотря как Ру

быстро расправляется с хлебом.

– Но грифоны не живут в садах. Они живут в горах. – Экберт не унимался. – Откуда он там взялся?

– Ну я не знаю...

Брат задумчиво смотрел на меня, как будто взвешивал что-то в уме.

– Ты знаешь, Барк сказал, что видел тебя около Леса.

– Лео, это правда? – тут же испуганно спросила мама, чуть не уронив ложку.

– Да вы что! – воскликнула я громко, испугав бедного Ру, который тут же забился под стол. – Я никогда не была там. Мне же нельзя туда ходить!

– Но Барк сказал, что это была ты.

– Он слишком много болтает. Ну мало ли с кем он мог меня перепутать!

– Рыжие длинные волосы, серое платье и синий браслет на руке... Разве это не ты?

Я машинально потрогала браслет на левой руке. Гладкий, сияющий синевой неба в предгрозовой день, мерцающий во мраке ночи, словно светлячок, браслет был подарен мне папой перед тем, как он отправился на свой пост на Край. Он сказал мне, что это память, которая забыта давным-давно, но которую стоит хранить в своем сердце. Я до сих пор не понимала значение его слов, но послушно носила браслет на своем запястье. А сегодня он меня подвел. Вот ведь какая неудача! Столько раз ходить в Лес и не попасться... А потом

случается этот Барк, чтоб его! Я заморгала под пристальным взглядом моей семьи. Врать было бесполезно. Но я все же попробовала.

– Ну я собирала ягоды...

– Леона, ты что действительно ходила в Лес?

Когда мама называет меня полным именем, мои дела становятся совсем плохи.

– Только на поляну. В сам Лес я не заходила.

– Ох! – Мама схватилась за сердце. – Что ты наделала? Самый главный запрет в твоей жизни – это заходить в Лес. И ты его нарушила!

– Мамочка, прости. Я только чуть-чуть. Взглянуть одним глазком.

Вообще-то, я заходила в Лес уже много раз. Но если я начала лгать, то нужно продвигаться по этому пути, пока это возможно, и не ранит близких еще больше. Кажется, в этом я не преуспела. Мама сползла в немом рыдании на пол, и я тут же кинулась к ней.

– Ну что ты! – Я обняла ее крепко, насколько могла. – Ничего же не случилось!

Мамины глаза смотрели на меня с молчаливым укором, и слезы ручьем текли по ее морщинистому лицу. Гнев на того, кто стал причиной всему произошедшему, должен был найти выход.

– Ну что ты наделал, Экберт!

– Я? – устало переспросил он, забирая подбежавшего к

нему Ру на свои колени. – Это все ты.

– Почему всем можно ходить туда, а мне нет?

Этот вопрос давно крутился в моей голове. Лет в шесть, когда мне разрешили гулять на улице с друзьями, в Лес мне ходить не разрешали. Другьям, правда, тоже. До их шестнадцати лет. Но мне скоро будет восемнадцать, другья давно гуляют в Лесу, рассказывают мне о его красоте, а я – нет. Точнее, совсем недавно уже – да, но это тайком, украдкой. Никто об этом не знал, кроме моих лучших друзей, Ренаты и Роя. И, как теперь оказалось, еще и Барка.

– Мне кажется, уже поздно отвечать на этот вопрос. – Мама провела своей шершавой рукой по моей щеке и посмотрела на меня изможденным взглядом. Мы так и сидели на полу. Я вдыхала знакомый запах меда, исходящий от ее уже наполовину седых волос. – Значит, так тому и быть, – произнесла она, смотря уже сквозь меня, будто видела то, что другим не приметно.

– Мама, может, обойдется? – спросил Экберт, глядя моего Ру по голове.

Маленький предатель вместо того, чтобы жалеть меня, уютно устроился на коленях моего брата и урчал, сытый и уже не реагирующий на наши громкие голоса.

– Да что поздно? Что обойдется? Почему вы мне ничего не говорите?

– Лео, я растила тебя для лучшей жизни. Мы поэтому не уехали отсюда, чтобы быть спокойными и счастливыми. Ты

не мучаешься жаждой, как жители Пустыни, не голодаешь, как жители Пустоши. Равнина – самое лучшее, что есть на Юге. Ты здорова, весела и беспечна. Зачем тебе нужно было нарушить мой запрет?

– Потому что мне одной это запретили! Все мои друзья уже сто раз были в Лесу, одна я не ходила...

– Твое любопытство, твое неблагоразумие сработали против тебя, – подытожил Экберт грустным тоном.

И этот его тоскливый голос, нравоучительные нотации мамы вместо определенных ответов на мои вопросы, рассердили меня слишком сильно.

– Да иди ты! – огрызнулась я и резко встала. – Знаете, мне это все надоело. Вы ничего мне не рассказываете. Ну и не надо!

Я направилась к двери. Мама встала вслед за мной, но не так быстро, как я.

– Леона, не смей уходить!

– Твоя вспыльчивость тоже не доведет тебя до добра! – услышала я голос брата и постаралась хлопнуть дверью как можно сильнее, чтобы он понял, насколько я бываю вспыльчива.

Куда могла направиться, обиженная на весь мир, семнадцатилетняя девушка? Конечно, к своей лучшей подруге. Ренату я нашла посреди неоновых цветов в ее саду. Она рыхлила землю, и не заметила бы меня за своим увлекательным занятием, если бы я не дышала, как огнедышащий дракон от

переполнившей меня обиды.

– Лео, ты меня напугала! – воскликнула Рената, отряхивая руки от земли.

– Извини. Я не хотела.

– Что-то случилось?

– Мои прознали про то, что я ходила в Лес.

– Как они узнали? – ахнула Рената и поднялась с помощью моей протянутой руки.

– Барк, будь он неладен! Он видел меня там.

Рената разразилась порцией отборных ругательств, предназначенных новоявленному персонажу. Я даже чуть улыбнулась, глядя, как миниатюрная смуглая девушка ругает здорового силача Барка. Я села на скамейку рядом с кустом прозрачных роз, которые выращивала моя подруга. Они пахли так чудесно, что я прикрыла глаза. Аромат напоминал что-то давно забытое, из далекого детства, когда все вокруг было огромным и волнующим.

– Тебя наказали? – поинтересовалась Рената, присаживаясь рядом.

– Не успели. Я убежала первой.

– И что тебя ждет, как думаешь?

– Не знаю.

Я пожалала плечами и вдруг поняла, что мне все равно, что будет. Я так устала от нескончаемых переглядываний мамы с братом, когда речь шла обо мне.

– Они мне ничего не говорят. Почему мне нельзя ходить

в Лес, когда все вокруг спокойно ходят? Там нет никаких опасностей. Границу я и сама бы никогда добровольно не перешла. Да никто из нас не хочет на ту сторону! – сказала я и встретила с насмешливым взглядом карих глаз. – Ну кроме тебя и еще нескольких ненормальных, – поспешно добавила я, опомнившись. – Да, ты как раз стремишься на ту сторону.

Рената кивнула, чему-то улыбаясь. То ли моей горячности, то ли моим глупым выводам. Но я-то была права. Мы все ненавидели тех, кто жил на другой стороне Леса. Мы хотели, чтобы северяне навеки заморозились в своих сверкающих жилищах. Чтобы они не указывали нам, как жить, и снисходительно не смотрели на наших бедных мужчин, работающих за гроши на рудниках и заводах. Мы обеспечивали северян всем, хотя самые главные богатства, доставшиеся им, были именно на наших землях. Своим роскошным зданиям, изобилием еды, утонченными драгоценностями на их дамах – всем этим они обязаны нам. После Великой Войны, когда они одержали победу более двухсот лет назад, нам оставалось лишь влачить жалкое существование, зная, что там у них все, а у нас – ничего. Но больше всего я ненавидела их за то, что по их закону все наши мужчины после пятидесяти лет должны были отправиться на Край, чтобы охранять наш мир от посягательств чудовищ, появляющихся из Бездны. Мой папа тоже отправился туда несколько месяцев назад, и до сих пор от него не было никакой весточки.

– Ты сейчас заплачешь, потому что я хочу к ним?

– Нет. – Я моргнула несколько раз, чтобы убрать непрошенные слезы. – Просто вспомнила причины, из-за которых я ненавижу их больше всех.

– Я тоже не испытываю любви к ним, – тяжело вздохнула Рената и посмотрела на небо.

Там проплывало пушистое оранжевое облако. Ренате только недавно исполнилось восемнадцать, и она смогла поселиться в небольшом домике, доставшимся ей от милостивых северян только потому, что она с юных лет занималась редким для нас видом садоводства – выращиванием декоративных и уникальных видов цветов, которые так любили наши властители. Через неделю, когда начнется Отбор среди всех восемнадцатилетних юношей и девушек Юга, Рената в числе первых перейдет на ту сторону Леса, чтобы заниматься садами богатых и знаменитых северян. Такой Отбор совершался раз в год. Приходили посланники с Севера и забирали самых лучших из нас, самых успешных и потенциально пригодных для работ там. Так говорили те, кто хотел попасть туда, уйти от нищеты и тяжелой работы к светлому будущему. Но многие из нас не согласились бы с этим. Мы не считали, что работать у северян, у тех, кто истребил наш народ более половины в годы Великой Войны, было в почете у южан. Мы помнили нашу историю и были преисполнены ненависти к тем, кто лишает нас свободы до сих пор. Самые умные из нас, наоборот, предпочитали тяжелую работу в полях или на рудниках унижениям и раболепию на Севере.

Но одновременно с этим я понимала и Ренату. У нее не было семьи. Ее подкинули в приют Храма, когда ей было меньше года. Она росла сама по себе, ни от кого не зависев, и с детства увлекалась ботаникой. Это было смыслом ее жизни, а здесь, на Юге, это не дало бы никакого заработка и уж тем более совершенствования в своем деле. А если смысл ее жизни находился на Севере, то у Ренаты не было никаких причин оставаться на Юге.

Моя подруга была уникальной девушкой: спокойной, терпеливой и работоспособной. Я была полной ее противоположностью, но мы легко сдружились и всегда были не разлей вода. Мне сложно даже думать о том, что вскоре нам предстоит долгая разлука. Вполне возможно, что мы вообще больше не встретимся в этой жизни, потому что те, кто уходил на Север обычно не возвращались. В нашем районе среди тех, кто ушел восемнадцатилетними на Север, вернулась одна лишь Мерлоу. Она уединилась в заброшенном домике у самого Леса и ни с кем не хотела общаться. Никто не знал, почему она вернулась и вела жизнь отшельника. Но одно все знали точно – она пробыла на Севере долгих тридцать три года.

– Леона, а ну быстро домой! – раздался громкий голос моей мамы у калитки.

Я вздрогнула и торопливо обняла Ренату. Убегать из дома и прятаться у подруги было не самой лучшей идеей.

– Надеюсь, тебя не сильно накажут, – шепнула мне Рената

и дернула за мои волосы, чтобы это действительно сбылось.

– Я тоже этого бы хотела, – сказала я и направилась к маме.

Надо сказать, что мои надежды не оправдались. А дергания за волосы, любимый прием Ренаты, чтобы все, что она хотела, сбылось, в этот раз не сработал.

Глава 2

– Лео! – Вначале тихо, как будто зашелестел лес от сильного порыва ветра, затем, уже намного громче, раздалось под моим окном.

Я вскочила с кровати и приоткрыла оконную раму, стараясь не шуметь, но она все равно громко скрипнула в тишине ночи. В темноте было не разглядеть, что за мужская фигура стояла под моим окном.

– Ну наконец-то! Это я, Барк. Я уж думал тебя прибили!

– Сейчас я тебя прибую! – воскликнула я, уже не заботясь о соблюдении тишины. – Пошел вон от моего дома, Барк!

Если бы я только могла спуститься к нему! Ох и не поздоровилось бы этому предателю... Но я не могла. Моим наказанием было сидеть в своей комнате взаперти вплоть до моего восемнадцатилетия, которое должно состояться через три дня. И даже тогда меня выпустят только, чтобы отпраздновать мой день рождения, а потом я буду вынуждена сидеть в своей комнате и дальше. Сколько это должно продолжаться, мама не сказала.

– Лео, я пришел извиниться...

– Какая я тебе Лео! – прошипела я. – Для таких, как ты, я – Леона.

– Ты уж прости меня. Я хотел как лучше.

– Ну вот оно, твое "лучше"! Доволен?

– Кто бы тут ни был, в такое позднее время сюда лучше не приходить! – громко проговорила мама, пугая нашего ночного гостя.

Барк, не смотря на свой двухметровый рост, тут же метнулся к забору и ловко перепрыгнул через него. Мне только оставалось пожелать ему счастливого пути. С сарказмом, конечно. Если бы не его болтливость, мои дни проходили бы куда лучше, чем сейчас.

Я вновь прилегла на кровать, стараясь не потревожить спящего на моей подушке Ру. Хитренький, выбрал самое мягкое место и спокойно спал, не думая о том, что его хозяйка вынуждена лежать без подушки. Мои глаза уже закрылись, и мне почти снился Лес во всем своем многообразии красок и текстур, как вдруг внезапный звук потревожил мой полусон. Я села, не понимая, что происходит. Звук повторился, и только теперь я поняла, что кто-то кидал камушки в мое окно.

– Да вы издеваетесь! – пробурчала я и высунулась в полуоткрытое окно. – Ну кто там?

– Это я, Рой.

Я тихо вздохнула в клубящейся темноте. Рой был смуглым парнем с очаровательными черными кудряшками на голове

и огромными глазами темно-коричневого цвета. Многие девочки из нашей школы тайно вздыхали по его обаятельной улыбке и невероятно длинным ресницам. А я просто с ним дружила, и все его чары совершенно не действовали на меня.

– Рой, что ты тут делаешь? – прошептала я так, чтобы не потревожить маму вновь.

– Пришел тебя навестить. Я тебя не видел уже два дня.

– Потому что меня закрыли тут...

– Да, я знаю. Я скучал. В школе без тебя все не так. Уроки намного длиннее. Да и день кажется бесконечным.

Я не успела ничего ответить. На этот раз сердитый голос Экберта рассек ночную тишину:

– Да что же это такое происходит? Ох, я сейчас выйду и...

– Рой, уходи, – тихо сказала я и с улыбкой наблюдала, как друг, отсалютовав мне, быстро скрылся в ночи.

– Леона, скажи своим друзьям, чтобы приходили днем, а не ночью! Кому-то рано вставать на работу и очень хотелось бы поспать.

– Хорошо, Экберт. Извини, – смеясь, сказала я, все еще не отходя от окна.

Не знаю, может, я ждала третьего посетителя этой ночью, а, может, мне просто хотелось подышать свежим ночным воздухом и посмотреть на танцы светлячков в чернильном небе. Спать уже не хотелось. Сегодня была особенно темная ночь, в которой ничего нельзя было увидеть. Лишь маленькие горящие точки, движущиеся в только им известном на-

правлении. Иногда один светлячок встречал другого, и они начинали вальсировать, не пугаясь тьмы, потому что сами несли в себе свет.

Я вздрогнула от резкого звука внизу и вдруг увидела лицо Роя прямо перед собой.

– Как ты...

– Тсс, – прошептал он, и мне пришлось отойти назад, чтобы он пробрался в мою комнату через окно.

Какое-то время мы стояли друг против друга, слыша, как наши сердца отбивали быстрый ритм. Больше всего я боялась, что сейчас в комнату придет мама и запрет меня в ней на всю жизнь. Я даже немного злилась на Роя за то, что тот решился на такой компрометирующий меня поступок. Как будто он не догадывался, что сейчас не лучшее время для встреч. Хотя судя по его лицу, все же догадался. Не зря Рой стоял, как камень, и не издавал ни звука. В доме стояла полнейшая тишина, лишь часы на стене напротив оглашали комнату ровным постукиванием.

– Лео, я правда скучал, – прошептал Рой и притянул меня к себе.

Его волосы пахли хвоей и смолой, потому что его дом стоял совсем рядом с Лесом, а там росли высоченные, почти соприкосавшиеся с небом, сосны. Отец Роя работал дровосеком и учил Роя всем премудростям этой нелегкой работы. Только он знал, какие деревья можно рубить в Лесу, а какие нет. Через год он тоже отправится на Край, а Рой станет

главным добытчиком в семье вместо него.

– Рой, как ты сумел подняться ко мне?

Не могла не поинтересоваться я у своего друга, когда мы разомкнули объятия.

– Ловкость рук...

– Брось! Это вообще немного пугает. Тогда каждый может вот так взять и залезть ко мне в комнату.

– Экберт оставил лестницу у яблони, – весело проговорил Рой, наблюдая за моей реакцией на его слова.

– Ах вот оно что! – громче, чем нужно, сказала я и закрыла рукой свой рот.

Ну что за растяпа! Конечно, Экберт сильно уставал на работе, поэтому забывал о некоторых вещах. Но это все равно не меняло всей комичности ситуации – именно из-за оставленной им лестницы Рой сейчас находился в моей комнате.

– Хорошо, что ты здесь. Мне очень скучно в этих четырех стенах.

– Что, даже книги не помогают? – Рой кивнул в сторону покосившейся набок стопки книг на моем прикроватном столике.

– Ну нельзя же все время читать!

– И это говоришь мне ты, которая не спала три ночи, пока не прочитала до конца "Морскую поэму"...

– Она была очень интересной.

Улыбаясь, мы сели на пол у моей кровати. Моя голова тут же легла на крепкое плечо Роя. Как здорово, что у меня есть

такой друг. Он никогда не обижал меня, не предавал, не позволял другим говорить обо мне плохо. Это же настоящая находка, когда есть человек, которому можно доверять так же, как самому себе. А в моей жизни было два таких человека. И помимо полного доверия, Ренате я могла поведать абсолютно все. Даже мои странные сны.

– Я так рада, что у меня есть ты. – Я озвучила свои мысли вслух и взяла руку Роя в свою.

– Ты – самое лучшее, что есть в моей жизни, – тут же откликнулся Рой и наклонил свою голову к моей, все еще покоящейся на его плече.

Наши пальцы сплелись, и мы замолчали. Каждый думал о своем, но наверное, это "свое" было почти одинаковым. Мы столько всего пережили рядом. Именно его руки обнимали меня, когда уезжал папа. В тот момент Рой держал меня так крепко, что мысли побежать за машиной, увозящей моего отца, рассыпались осколками по пыльной дороге. Именно я была рядом с Роем, когда его шестилетний брат Берни ушел в Лес и не вернулся. Нам с Роем тогда было по четырнадцать. Рою еще было запрещено ходить в Лес, и от своего бессилия он был в ярости, а я старалась эту ярость погасить. Мы были верными друзьями, которые через все преграды и невзгоды старались сохранить в себе все лучшее, что было в нас.

Я знала, что у моих родителей и родителей Роя год назад состоялся серьезный разговор, в котором они обсуждали наше будущее. Они все сошлись на общем знаменателе, что как

только нам с Роем исполнится по восемнадцать лет, они нас поженят. Ради общего благополучного будущего. Моему папе было спокойнее покинуть нас, зная, что его мятежная и своенравная дочь будет в надежных руках, а в надежности Роя он не сомневался. Сомневалась я. И не потому что не доверяла своему другу, наоборот, даже слишком. Для меня Рой всегда был другом и вообразить его в роли жениха я не могла, хотя честно пыталась. Даже сейчас, сидя рядом с ним, чувствуя его близость, я не понимала, что с ней делать дальше. Самое интересное, что мы ни разу не говорили о решении своих родителей. Знал ли он, или когда-то это станет для него открытием, таким же, как и для меня, когда папа в день своего отъезда на Край, сообщил эту новость. Тогда, лишенная всяких мыслей, кроме тревожного сигнала в голове: "Он уезжает навсегда!", я просто приняла это, как данность. Мне все равно никто не нравился из здешних ребят, а Роя я хотя бы хорошо знала. Но сейчас, когда мысли почти пришли в порядок, я понимала, что ни за что не хочу выходить замуж за Роя. Рядом с ним мое сердце стучало спокойно, всегда хватало воздуха, и мой внутренний светлячок не желал вальсировать вместе с ним. Дружить – да. Но не любить.

– Ты засыпаешь? – спросил Рой, чуть отстраняясь от меня.

– Нет. Просто задумалась.

Позади нас что-то тихо прорычал Ру. Наверное, ему снилось, как он охотится или летит высоко в небе, рассекая крыльями облака.

– Интересно, кем он себя считает больше, орлом или львом? – поинтересовался у меня Рой.

– Он себя считает обычным грифоном, – с улыбкой произнесла я, зная, что Рой тоже улыбнулся.

Наши руки сами собой разомкнулись. Я подняла голову с его плеча, чтобы всмотреться в его лицо. При тусклом свете свечей, стоящих на столике, выражение его было задумчивым. Рой был, пожалуй, самым красивым из наших парней, самым сильным за исключением Барка. Многие девушки Равнины хотели бы быть рядом с ним и бесконечно любоваться большими карими глазами, обрамленными длинными черными ресницами. А я вот не хотела. Ну что со мной было не так? А с ним? Рой ни с кем не встречался, не отвечал на флирт других девушек, проводя свое свободное время в обществе меня и Ренаты, хотя последняя ему совсем не нравилась из-за своей мечты уехать на Север. Он презирал таких людей и старался приходить ко мне, когда точно знал, что Рената работала в своем саду. Получается, Рой проводил большую часть своего времени лишь со мной. Но если бы я нравилась ему, то наверняка когда-нибудь он уже сделал бы попытку меня поцеловать. Да вот хотя бы сейчас...

– О чем думаешь?

– О тебе, – честно ответила я.

– И что тебе пришло на ум?

– Рой, а с кем ты еще дружишь, помимо меня?

– С Ренатой...

– Не смейся меня! Ты общаешься с ней лишь потому, что я дружу с ней.

– Да, ты права. Значит, получается лишь с тобой. – Рой улыбнулся краешком губ.

– А почему ты больше ни с кем не дружишь?

– Мне хватает общения с младшими братьями. А дружба в моем понимании слишком серьезна.

– Значит, у нас все серьезно? – насмешливо спросила я и несильно ткнула Роя в бок.

– А то! Серьезнее некуда.

Рой повернул ко мне свое лицо и вглядывался в мое. Что он там видел? Боязнь услышать что-то нехорошее на мой поллушутливый, но на самом деле слишком серьезный вопрос, или заинтересованность в том, что произойдет дальше? Я не ждала никаких признаний от него, не хотела поцелуев, с которыми не знала, что делать дальше. Или все-таки хотела? Мне скоро восемнадцать. Я заперта в четырех стенах, и мне безумно скучно. А там, за стеной кипит жизнь: танцуют светлячки, встречаются и весело проводят время парочки. И все мимо меня. Так почему бы не поцеловать своего друга? Вот он сидит совсем рядом со мной...

– Мне пора, – сказал внезапно Рой, быстро поднимаясь с пола.

Я поднялась следом за ним, наивно думая, что он обнимет меня как обычно на прощание. Но в этот раз я ошиблась.

– Я навещу тебя. Не скучай, – поспешно проговорил Рой

и исчез в окне.

Что за ночь такая странная, темная, волнующая? И мысли ей под стать. Я потеряла свой лоб, чтобы успокоиться. Мне просто очень одиноко. Только этим все и объяснялось. Я вдохнула ночной воздух всей грудью, закрыла окно и рухнула на кровать.

Вначале мне снился страшный, полный беззвучного крика и бессилия, сон. В нем папа уезжает вновь и вновь, а я ничего не могу сделать. Его темно-зеленые глаза смотрят на меня и плачут, хотя слез нет. Просто я вижу в них застывшую печаль вперемешку с чем-то еще, непонятным для меня. Как будто папа чего-то ждет от меня, но боится сказать. И во сне я осознаю, что еще не доросла до простой и одновременно сложной истины. Вот она, на поверхности – но не для меня. Для кого-то другого. Потом появляется Экберт, и я понимаю, что он-то все знает. Потому что он вот такой рассудительный и спокойный, словно глубокое озеро, гладь которого может нарушиться одним лишь камешком, но проходит совсем небольшое время, и озеро возвращается к своему естественному состоянию затишья. А я – быстрая река, текущая с гор, в которой все бурлит и кипит желанием двигаться вперед, познавать как можно больше и чувствовать себя живой. Бросьте в эту реку камень, и вода будет бить его волнами и брызгами. Река хочет течь и дальше, и никаким камням никогда не перекрыть ее течение. И волны не стихнут, потому что жизнь – это борьба.

Мне особенно обидно наблюдать, как Экберт подходит к отцу и берет в руки какой-то маленький предмет. С того места, где я стою, мне не видно, что это. Но я понимаю, что для папы важно – отдать перед отъездом именно эту вещь. Отец смотрит на меня проницательным взглядом, а меня переполняет обида, особенно когда я вижу, что этот предмет – мой браслет. Мне хочется крикнуть: "Да это же мое! Отдайте!" Но папу сажают в машину и увозят. А я бегу за машиной, забыв о браслете и обиде, лишь бы догнать ее и еще раз увидеть отца и сказать, как я его люблю. Потом я падаю, машина исчезает за поворотом, и я бесшумно рыдаю, хватая руками пустоту.

Мои сны слишком жестоки, чтобы кончаться на этом. Следом за папой я попадаю на Край. Черную землю и ярко-оранжевые всполохи из Бездны я слишком хорошо знаю из учебника по географии. Небольшие землянки, похожие на гнезда ласточек, расположились по всему Краю вдоль Бездны. Я знаю – в одной из них мой отец. Мне нужно найти его как можно быстрее. Потому что я точно помню, благодаря таким же снам: сейчас появится чудовище. Я уже слышу, как оно карабкается вверх. А я так незащитна перед ним. Никакого оружия, никаких сил, чтобы бороться, потому что усталость накапливается во мне каждую секунду пребывания здесь. И тут из землянки в десятках метров от меня появляется папа. Но и чудовище тоже появляется. Я вижу, как оно вылезает из Бездны. Но сегодня оно не слишком пуга-

ет. Это не Кракен, не ужасный тролль или великан-людоед. Сегодня мое подсознание пожалело меня. Высокое, худое, сливающееся с сумерками бездны и лишь изредка озаряемое оранжевым светом, оно медленно идет ко мне. Пара шагов – и я вижу огромные крылья за спиной. Еще несколько – и я понимаю, что головы у него нет. Лишь два больших глаза на месте, где должна быть шея. Вот теперь появляется липкий страх. Я оглядываюсь на папу, но тот, хотя и бежит по направлению ко мне, все еще далеко. А когда я вновь смотрю на чудовище, оно уже рядом со мной. Только сейчас я понимаю, что его глаза закрыты, как будто оно спит. Но чудовище бодрствует, потому что через мгновение его глаза рубинового цвета открываются, и оно начинает кричать. Этот невыносимый звук, напоминающий стон и рык одновременно, заставляет вжаться в землю и закрыть ладонями уши. Но лучше бы я закрыла глаза, потому что крылья чудовища распахиваются, и оно бросается на меня.

– Леона, проснись! Это сон, всего лишь сон!

Голос Экберта и его руки, глядящие меня по голове, прогнали прочь остатки кошмарного сна, но я еще ощущала на себе зловонное дыхание монстра. Папа опять меня не спас. В моих кошмарах он никогда не успевал добраться до меня первым, чудовища всегда оказывались проворней.

– Принести тебе воды?

– Нет, – прохрипела я. – Спасибо.

Мне не хотелось оставаться в колючей темноте одной.

– Все тот же кошмар?

– Все тот же. Экберт, ты боишься оказаться *там*?

Мой брат сразу понял, о чем я его спрашивала.

– У меня еще вся жизнь впереди, – отшутился он.

– А вот и не вся.

– По крайней мере лучшая ее часть.

Конечно, он никогда не признается. Экберт такой: даже если страдает, то молча, не жалуясь никому. Прямо как папа.

– Я скучаю по нему.

– Я тоже.

Мы замолчали. Экберт все так же гладил меня по голове. А я лежала, прислушиваясь к ночному уханью совы. Это отдаленно напоминало звуки, издаваемые чудовищем из сна. Жив ли еще мой отец? И сколько можно оставаться живым около Бездны? Наверное, совсем недолго.

– Я пойду спать, – произнес Экберт, вставая с моей кровати. – Тебе зажечь свечу?

– Не нужно. Я уже не маленькая и не боюсь темноты, – упрямо сказала я, хотя на самом деле желала одного – чтобы наступило утро, и солнце развеяло ужас ночи.

– Спокойной ночи.

– И тебе!

Дверь за Экбертом закрылась, и я укрылась с головой в одеяло. Я думала, что рядом с Ру будет не так страшно, но он все так же спал на моей подушке, кажется, даже похрапывал по-грифоньи. Никакие звуки, громкие ли или тихие, его

не будили. Хотела бы и я так провести остаток этой ночи. Я небожно дернула себя за волосы (Все как учила Рената!) и крепко зажмурила глаза. Я засну. И мне приснится хороший сон. Я это заслужила. Я засыпа...

Глава 3

Восемнадцатилетие – это большой праздник на Юге. Ты можешь больше не ходить в школу, потому что тех скудных знаний, что давались там, вполне достаточно для работы, которую обычно выполняли южане. Мужчины работали на заводах и рудниках, женщины – на фабриках и в других местах, где предполагалось, что труд чуть легче. Некоторые семьи занимались фермерством и животноводческим хозяйством, что считалось очень прибыльным делом, потому что натуральные продукты очень ценились северянами. Пробриться на Юге и стать полноправными хозяевами своей жизни могли лишь единицы. А остальные беспрекословно выполняли малооплачиваемую работу и принимали все это, как данность. Нужны ли южанам знания по астрофизике при такой жизни? Конечно, нет!

Учиться в школе после восемнадцати лет оставались лишь те, кто хотел перебраться на Север. Они хотели вобрать в себя все, что только мог дать учитель. Для этого они ходили в школу вплоть до самого Отбора. И еще в школу ходили такие, как я. Те, кто впоследствии хотели сами стать учителями. Я мечтала дарить детям свет и радость от получаемых знаний. Я надеялась, что с таким учителем, как я, детям бу-

дет не скучно учиться, и они не будут бояться задавать вопросы на интересующие их темы.

Я и сама любила узнавать что-то новое. Но из-за запрета мамы выходить из своей комнаты, я уже несколько дней пропускала школу. Много ли я пропускала? Не слишком. Образование для южан было набором простых истин, практически как дважды два. Новые знания я черпала из книг, которые мне давал Эллиот, монах, живущий в Храме. В подвале здания была целая библиотека, состоящая из энциклопедий, учебников и книг по истории и искусству. Многие из этих книг были под запретом на Юге. За двести лет северяне хорошо позаботились, чтобы мы стали необразованной толпой, ничего не понимающей ни в языках, ни в новых технологиях. Никаких высокоинтеллектуальных развлечений у нас тоже не было. Балет, опера, театральные постановки, чтение хороших книг, в конце концов, – все было на Севере. А у нас лишь пошлые спектакли с участием ростовых кукол, музыкальные концерты, состоящие из повторения двух-трех нот, да спортивные мероприятия. И все это я не могла смотреть, пугаясь толп, а в них орущих и полупьяных людей.

Нас поработили, уничтожили наши возвышенные желания, доведя их до низменных и ничтожных, и мы позволили это с собой сделать. Из книг, которые мне можно было читать лишь тайком, я узнала, что до войны некоторые южане были успешны во многих профессиях. Например, картины одного известного в те времена художника, покупались

за огромные деньги, а популярный архитектор строил у северян здания искусств. А теперь мы даже обычные дома не можем построить без инженера, приезжающего к нам с другого края Леса.

Вот такие странные мысли лезли ко мне в день моего восемнадцатилетия. Все потому, что я пол ночи, мучаясь от бессонницы, читала книгу из Храма, в которой мы когда-то были сильными, благородными детьми Солнца, у которых горели глаза ярким светом от переполняющего тепла. Но и северяне были там намного лучше, чем я представляла их сейчас. Дети Луны, ценители красоты и гармонии, они были спокойными и мудрыми людьми, а превратились в деспотов и убийц. Даже с нашими драконами северяне провели серию генетических экспериментов, и теперь драконы не извергали огонь, стали размером с барашка, и летали себе такие барашки мирно в небе. И только из книг я узнала, какими величественными и гордыми созданиями они были в далеком прошлом. Я бросила взгляд на раскрытую книгу на кровати. Там, на развороте, неизвестным художником были нарисованы два дракона. Один, весь светящийся золотом, с ярко зелеными глазами, был увеличенной копией того, от кого совсем недавно спасался Ру, убегая в кусты. Второй, как будто сделанный из льда и мерцающий серебром, казался настоящим произведением искусства. Оба дракона были одинакового размера, они смотрели друг на друга, готовые сразиться в последней схватке. Наверняка, никто из них не победил

бы, потому что силы были равны. Огонь растапливает лед, а лед сковывает огонь.

– Лео, выходи уже! Скоро гости придут, – произнесла мама, приоткрывая дверь в мою комнату!

Вид у нее был утомленный, хотя я все утро помогала маме с приготовлениями к моему празднику. Да и ждали мы только Роя и Ренату. Никто из южан не устраивал больших праздников со множеством гостей, нам этого не позволяли северяне. Поэтому свадьбы, юбилеи и дни рождения отмечались в узком кругу родных и друзей. Но мне и не хотелось больше никого видеть. Бабушки и дедушки не дожили до моего совершеннолетия, других родственников у меня не было. Единственное, о чем я жалела, было отсутствие папы на моем празднике. Но даже этим я бы поступилась, если бы только точно знала, что он жив.

Мама подошла ко мне и заправила непослушную прядь волос за ухо.

– Твои волосы такие же беспокойные, как и ты сама.

– Вот такие мы, – хмуро подтвердила я.

– Лео, милая моя, потерпи еще чуть-чуть взаперти. Все для твоего блага.

– А какое оно, мое благо?

– Ты все узнаешь позже, когда придет время. – Мама улыбнулась мне мягко и нежно.

– Ох, мама! Какие заезженные фразы. Я так устала их слышать! – воскликнула я и прошла мимо мамы к двери.

Моим самым плохим качеством было даже не упрямство, не своеволие, не излишняя эмоциональность, а неумение ждать. Я никогда не понимала, как папа и Экберт могли часами сидеть на берегу реки и ловить рыбу. Я даже как-то пробовала посидеть с удочкой вместе с ними, и меня хватило минут на двадцать. Потом я побежала купаться в этой же реке, спугнув всю рыбу, и на этом моя рыбалка была завершена. А мамины фразы про нужное время вообще выводили меня из себя. Даже Экберт знал что-то важное про меня, но все молчали и ждали какого-то правильного момента. Интересно, дождусь ли я его сама.

Я спускалась по лестнице, старой и скрипучей, и каждый мой шаг отдавался в голове тихим шепотом: "Успокойся". В конце концов, сегодня был мой день рождения. Нужно веселиться, шутить и не позволять себе впадать в упадническое настроение. Еще успею, когда меня вновь запрут в моей спальне.

Внизу уже стояла Рената в ее единственном праздничном платье. Ей очень шел бордовый тон, оттенявший загорелую кожу и хорошо сочетающийся с темными волосами. У меня тоже было всего одно платье для торжества, ярко-голубое, длинное и воздушное. Но в честь восемнадцатилетия мама подарила мне, бережно хранимое до этого в сундуке, свое свадебное платье. Не то чтобы это была традиция, но многие южане дарили своим детям на совершеннолетие свадебное платье или костюм. Потому что такая нарядная одежда была

у нас большой редкостью и стоила огромных денег, которых у нас не было. Я не думала ни о какой свадьбе, но все равно была рада надеть мамино платье. Невесомое, похожее на полупрозрачное облако, оно будто было продолжением меня.

– Лео, с днем рождения! Какая ты красивая! – восторженно проговорила Рената. – Ну ка дай тебя рассмотреть...

Пока подруга крутила меня в разные стороны, я наконец-то почувствовала, что этот день по праву мой, и ничто не должно омрачить его.

– Спасибо. Ты тоже очень красивая! – сказала я Ренате и в одно мгновение очутилась в ее объятиях.

От нее пахло розами. И даже подарок, который она вложила мне в ладони был связан с этими цветами. Это была бронзовая заколка для волос, сделанная в виде розы с шипами.

– Рената, она прелестна!

У меня не было слов. Мне хотелось спросить, где она достала такую красоту, потому что декоративные вещи на Юге были такой же редкостью, как и праздничные платья. Но я просто любовалась заколкой, лежащей на моей ладони.

– Я хотела подарить тебе мерцающие розы, но ты бы все равно за ними хорошо не ухаживала...

– Ну да! У меня руки не из того места растут.

– Это точно! – подтвердил Экберт с порога.

Он пришел с работы раньше, чем обычно. Наверняка, бежал всю дорогу ради меня, и это было так мило, что я ки-

нулась к нему и обняла, как в детстве крепко-крепко. Именно Экберт первым поздравил меня с днем рождения. Ранним утром, когда солнце только появилось за горизонтом, он разбудил меня привычным поглаживанием по волосам. И я должна была бы злиться на него, потому что в эту ночь мне снились только хорошие сны, и он прервал один из них, но я не могла. Ведь это Экберт, который не мог не поздравить сестру и не подарить ей первый за сегодня подарок – книгу о грифонах. Где он ее сумел достать, я даже не догадывалась.

– Ээ... полегче! Я и так еле на ногах стою, – сбивчиво произнес он, восстанавливая дыхание.

Я все равно поцеловала брата в щеку и потрепала за темные волосы. Экберт смущенно улыбнулся Ренате, извиняясь за такую по-детски смешную сцену между нами.

– Смотри, что мне подарила Рената!

Я раскрыла ладонь, чтобы Экберт мог рассмотреть красоту заколки, но он лишь кивнул и быстро направился к себе, обронив по пути, что скоро вернется.

– Почти все в сборе. Где же Рой? – поинтересовалась Рената, провожая взглядом Экберта.

– Опаздывает, как и всегда!

– А где твой Ру?

– Гуляет в саду. Ему же можно выходить, в отличие от меня, – произнесла я обиженным тоном.

– Ну он-то не нарушил главное правило! – громко сказала мама, спускаясь по лестнице.

Она переделалась, и вместо будничной одежды на ней было платье благородного зеленого цвета. В моей голове тут же мелькнула мысль, что к нему подошли бы изящные сережки с изумрудами. Но у нас была только бижутерия. Зато мы оставались самими собой, и никакой блеск не отвлекал нас от того, что находится внутри.

– Мама, ты прекрасна!

– И правда, Элевиса, вы прекрасно выглядите!

– Девочки, засмущали! В мои годы уже нельзя выглядеть хорошо.

– Мама, ну что ты такое говоришь!

– Ладно, идите погуляйте по саду. Скоро позову к столу.

Я с огромной радостью исполнила волю мамы, потому что так давно не была на свежем воздухе. Теплый день еще с порога поприветствовал меня ярким солнцем и легким ветерком, играющим с моими волосами. Я скучала по всему этому. Ру нигде не было видно, и я не стала тратить время на его поиски. В конце концов, он все равно когда-нибудь меня покинет. Уж лучше сейчас, чем, когда моя привязанность к нему будет слишком крепка.

– Твоя кожа стала бледной, как у северян, – с насмешкой сказала Рената, когда мы дошли до потрепанных временем деревянных качелей, на которые я тут же присела.

– Не говори мне про них, – произнесла я сквозь зубы и прислонила голову к перекладине.

Воспоминания детства нахлынули на меня, и при всем же-

лании их невозможно было остановить. Отец смастерил качели, когда мне было три года, и это первое мое отчетливое воспоминание о раннем детстве, это ощущения чуда и настоящего счастья, когда папа стесывал сучки, а я сидела на крыльце нашего дома и смотрела на него. Я и тогда не умела ждать, мне не терпелось покачаться на качелях и ощутить полет в воздухе, но я была заморожена зрелищем папиной работы. В его руках обычное дерево превращалось в произведение искусства. Мне, трехлетней девочке с двумя рыжими косичками и веснушками на щеках, именно так и казалось. После это произведение искусства стало чем-то обыденным, не претендующим на необычность и уж тем более на чудо. Но ради папиной улыбки я все равно садилась на качели, и ноги сами собой увлекали меня ввысь.

С высоты был виден Лес. Его разноцветные деревья манили меня и увлекали за собой. И однажды я не выдержала, нарушила запрет родителей, и тайком пробралась дальше дома Роя, дальше поляны с пестрыми цветами и ягодами земляники, дальше перелеска. Я зашла в Лес. Он встретил меня, как старого друга, которого так давно не видел. Я чувствовала, как спокойствие разливалось во мне теплыми волнами с первыми шагами вглубь чащи, как радостное упоение этим моментом совершенно не пропало из-за чувства вины перед родителями. Лес ждал меня, он показывал свои самые лучшие стороны. Этот запах, что кружил надо мной, запах хвои, смолы и мха, обволакивал и давал уверенность в том,

чтобы я шла дальше. Разноцветные листья, шелестящие от легкого ветра, как будто пели мне колыбельную из детства. Белки прыгали с ветки на ветку, сопровождая меня, и благодаря им, мне не было одиноко. Я шла и шла, сама не зная куда. Лес сам вел меня, как будто я была важным гостем, и ему необходимо было показать все самое лучшее, что есть в нем. Наконец, я вышла к огромному фиолетовому дубу, обхватить ствол которого смогли бы человек десять или даже больше. Я провела рукой по шершавой коре и прислонила лоб к стволу, приветствуя этот старый дуб. Его фиолетовые листья шелестели у меня над головой, здороваясь в ответ. Рядом с этим деревом у меня возникло то же непонятное ощущение, что я чувствовала, когда читала старые книги из Храма, что-то потерянное, но летающее прямо передо мной в воздухе. Мысль, которую пока что нельзя разглядеть ни среди букв, ни среди сплетенных веток.

Так, в свои неполные семнадцать, я нарушила главный запрет в своей жизни, но не жалела об этом. Лес не таил в себе никакой опасности для меня, наоборот, он словно охранял меня. С тех пор я много раз бывала там, заглядывая в самые потаенные его уголки и не испытывая никакого страха. Это был мой второй дом.

– Угадай, кто!

Теплые ладони закрыли мне глаза, и запах хвои ударил в ноздри. Нетрудно догадаться, кто. Трудно вырваться из воспоминаний.

– Это наверное Ру! – пошутила я и сбросила руки Роя с лица.

– Почти угадала, – со смехом произнес мой друг и подошел ко мне спереди. – Какая ты красивая, Лео!

– А то! Я почти невеста.

Только спустя несколько секунд, глядя на выражение лица Роя, я поняла, что сморозила глупость. А еще я поняла и другую вещь – он знал о планах наших родителей касательно нас.

– Это тебе...

Рой опустил на колени передо мной и вложил небольшую коробочку в мои ладони. Зачем он встал на колени? Его лицо ни о чем не говорило. А мое? Видна ли паника в глазах? Если в этой коробочке обручальное кольцо, то я уже сейчас готова бежать куда подальше. Рой, ну только не это! Ты же мой друг! А наваждение той ночи, когда мне хотелось поцеловать его, давно прошло, и объяснялось обыкновенной скукой и ничегонеделанием.

– А что там? – спросила я, оттягивая момент открытия, только бы не видеть кольцо.

– Открой и узнаешь.

Рой многозначительно переглянулся с молчавшей и загадочно улыбающейся Ренатой. Да они в сговоре! Еще одна пара близких мне людей что-то знают, но не говорят. Дрожащими руками я открыла коробочку и выдохнула. Кажется, я даже засмеялась от облегчения, глядя на оранжевую дере-

вянную брошку, сделанную в виде белочки с пушистым хвостиком.

– Рой, неужели ты сам это сделал? Такая красивая, как будто настоящая!

– Все для тебя!

Рой помог мне прикрепить брошь к платью и поднялся с колен. В моих волосах красовалась роскошная заколка, на плече скакала белка, и я чувствовала, что жизнь, полная энергии и задора, снова возвращается ко мне. Рой поклонился мне, пародируя аристократические привычки северян. Я тут же встала с качелей и поклонилась в ответ. В этом платье легко было представить себя... А кем же я хотела себя представить? Становиться северянкой я точно не желала. Просто мне всегда казалось, что и мы, южане, были до Великой Войны кем-то значимым, могли заниматься чем-то великим, о чем потом писали бы в книгах. Например, девушка вроде меня вполне могла быть знаменитой певицей и выступать перед публикой вот в таких красивых платьях. И самое главное, она бы пела о возвышенном и глубоком, а не о том, о чем поют у нас. Самой популярной песней у наших парней на Равнине была песня о том, как старина Ларри пошел на рыбалку и поймал двух карасей. К счастью, Рою она тоже не нравилась, иначе я с ним бы не дружила.

– Сегодня Лео задумчива, как никогда, – с усмешкой произнесла Рената. – Стареешь!

– Дамы, среди вас я оказался самым молодым! – сказал

Рой, обнимая нас с Ренатой за плечи.

– Ничего, через два месяца тоже постареешь, – приободрила я друга.

– Давайте к столу! – проговорил незаметно подошедший Экберт. – Может, вам трости дать, а то вдруг не дойдете?

На нем была кипенно-белая рубашка, которая так хорошо смотрелась на загорелом теле. Что и говорить, мой брат – красавчик. Жаль, что он еще не нашел девушку, которой мог бы предложить всего себя.

– Мы не дойдем, а добежим! Кто первый – тому два куска пирога! – воскликнула я и стартовала раньше других.

Мы вбежали в дом почти одновременно. Экберт, видимо, недостаточно устал на работе, потому что сумел обогнать всех нас и первым появился на пороге гостиной. Смеясь, мы сели за стол и накинулись на еду, словно стая голодных волков. А накинуться было на что, потому что с самого утра мы с мамой кудесничали на кухне. На столе был овощной салат, заправленный вкуснейшим соусом по старинному рецепту, бутерброды с нежнейшим сыром и свежеприготовленной бужениной, запеканка из сладкого батата с тыквой и обжаренная до золотистой корочки курица. Все было так вкусно, что наше настроение стало еще более веселым, и наши шутки звучали все громче. Мама с улыбкой наблюдала такое оживление. Последний раз наш небольшой дом наполнялся таким весельем, когда Экберту исполнилось восемнадцать. Тогда с нами был еще папа. Я вдруг осознала, что с отъезда папы я

больше не качалась на деревянных качелях до сегодняшнего дня, потому что он покинул нас, потому что я больше не видела его улыбки.

В конце ужина мама принесла яблочный пирог. Я на правах хозяйки разрешила его на ровные части. Экберт сразу получил заслуженные два куска, как самый быстрый среди нас. Пирог был восхитительным. Мама готовила его на каждый семейный праздник, и я все свое детство ждала, когда же наша гостиная наполнится ароматом яблок и корицы. Эти ароматы по праву я считаю лучшими и сейчас.

– Элевиса, это был чудесный пирог, – подытожила Рената, когда все вышли из-за стола. – Да и вообще все было очень вкусно, настоящий праздник живота!

– Рада, что вам понравилось, ребятки!

– Не то слово, мама! – подтвердил Экберт, а следом за ним и мы все.

– Но знаете, для полного счастья нам не хватает одного... – сказал Рой таким просящим тоном, что я уставилась на него, не понимая к чему он ведет. – Отпустите сегодня Лео с нами прогуляться до речки. Мы за ней присмотрим...

Вот это настоящий друг! Я с благодарностью посмотрела на Роя, а потом на маму, уже с молящим взглядом.

– Мама, пожалуйста! Экберт с нами тоже пойдет...

– Я? – переспросил брат, и получил легкий удар локтем в бок от меня. – Ах, да! Я пойду тоже.

– Ну хорошо. В честь дня рождения, – согласилась мама

со всеми. – Только, Лео, возвратиться нужно до темноты. И завтра ты опять под замком.

– Спасибо, мамочка!

Я быстро обняла ее и, взяв за руку Роя, моего освободителя, направилась к двери, боясь, что мама может передумать. Только подходя к реке, искрящейся бликами предзакатного солнца, я поняла, что никто не в силах сдержать мою неумную жажду жизни. В моей комнате, за запертой дверью она поддерживалась книгами и видом из окна, а здесь, посреди чудесной поляны, она насыщалась открытым пространством, новыми запахами и звуками. Где-то в кустах алого шиповника пели птицы, а в изумрудной траве стрекотали кузнечики и жужжали пчелы. Как же я любила эти звуки все свое детство, как часто мы с Экбертом ходили сюда купаться. Именно он научил меня плавать и нырять, и теперь я не боялась темной глубины воды.

– Девочки направо, мальчики налево, – скомандовала Рената и первая начала пробираться обходить кусты шиповника в нужную сторону.

– До встречи в реке! – крикнул Рой, заходя за раскидистую желтую иву.

Я поспешила за Ренатой, которая уже проворно скидывала с себя платье на землю.

– Похоже, я сейчас буду первой!

Моя подруга побежала по воде, но брызги с левой стороны, означали, что Рената была уже второй. Экберт, ловко

поднырнув у берега, через несколько секунд очутился в середине реки.

– Так нечестно! – услышала я слова Ренаты и засмеялась.

Я запуталась в подаренном мамой платье и тщетно пыталась выбраться из него. От этого было еще забавнее.

– Лео, ты последняя!

Ну, Рой, погоди! Я никогда не была последней. Но и правда, когда я была только по колено в воде, ребята уже всю плескались и ныряли. Чтобы не показать, как меня это задело, я, пройдя еще несколько метров, нырнула и вынырнула только у противоположного берега. Откинувшись на спину, я доверилась реке, и та держала меня на своей поверхности. По небу плыли пушистые облака. Одно из них напоминало дракона, по размеру сопоставимого с теми, кто существовал до генетического эксперимента северян.

– Как ты так быстро плаваешь? – спросил Рой, выныривая рядом со мной.

Его дыхание было сбивчивым и тяжелым. Я лишь пожала плечами и попробовала достать пальцами ног до дна. Мне это удалось, только приходилось стоять на цыпочках. Оглянувшись назад, я увидела, как Экберт и Рената уже выходили на берег.

– Помнишь, как мы здесь играли в камешки? – Голос Роя был почему-то грустным.

– Глупая была игра.

– Нет, хорошая. Мне нравилась. – Рой придвинулся ко

мне, и я смотрела, как оранжевое солнце играет в его кудрявых волосах. – Я всегда выбирал для тебя самые красивые и особой формы камни. Чтобы ты их точно нашла.

– А я самые неприметные, чтобы ты их не нашел, – улыбнулась я, вспоминая, как часто я выигрывала в этой игре.

Мы бросали камни в реку и ныряли за ними. В выигрыше был тот, кто их находил. Я всегда старалась бросить камень Роя подальше, чтобы было потруднее достать. Только сейчас я поняла, что он и не хотел их находить, потому что ему было приятнее, когда побеждала я.

– Лео, – начал Рой и замолчал на мгновение. Одинокая птица пролетела над нами и скрылась за ивой, прежде, чем Рой продолжил: – Ты же знаешь, *что* решили для нас родители?

– Да, – честно ответила я. – Когда ты узнал?

– Сразу после того, как они договорились. А ты?

– В день отъезда папы.

Как странно! Мы могли говорить о множестве вещей, а о самом главном так и не сказали друг другу. Вплоть до этого момента. Я смотрела на Роя и ждала закономерного вопроса после наших признаний, но он не прозвучал. И тогда спросила я:

– Ты хочешь этого?

По глазам Роя я поняла, что лучше бы не спрашивала, что молчание намного лучше, чем ответ на этот вопрос. Он покачал головой так, что с его мокрых волос взметнулись кап-

ли воды и рассыпались по плечам. Я подумала, что Рой ошибочно полагает, что тем самым он ранит меня, и поспешила его обрадовать:

– Рой, так ведь и я не хочу! Ты мой друг, так же, как и Рената. Я не вижу тебя своим мужем. Пыталась представить, но это плохо выходит даже в моем воображении.

– Но той ночью, когда я пробрался к тебе, ты хотела меня...

– Поцеловать? Да. Но лишь для того, чтобы убедиться, что это неправильно. Да я с ума сходила, сидя взаперти!

– Ох, Лео! Я же мучился угрызениями совести...

– Почему?

– Потому что думал, что ты влюблена в меня. А я... не смогу стать тебе мужем. Я буду монахом.

Теперь уже замолчала я и смотрела на Роя во все глаза. Вот это поворот событий!

– Я что-то не поняла. Ты же хотел быть дровосеком.

– Нет. Этого хочет отец. И я поработаю в Лесу до того, как мне исполнится двадцать. Только в этом возрасте принимают в монахи.

– А с чего вдруг... – Я не закончила фразу, потому что рядом с нами вынырнула небольшая рыбка и, сверкнув ярко-оранжевыми плавниками, ушла под воду.

– Я никому не рассказывал об этом. Но я уже давно хожу в Храм и перенимаю знания Эллиота.

– Неужели ты веришь во все эти сказки?

Рой сразу стал серьезным.

– Назови причины не верить.

– Ну никто больше не верит, Рой. Только Эллиот... и ты.

– Именно поэтому я и хочу стать монахом! Потому что я верю. И я почти один.

– Но, Рой, как можно до сих пор верить в Предвечного? Да разве Он допустил бы вот это все? – Я развела руки по сторонам. Они получились необъятными. – Мы почти что рабы у северян. Как Он может смотреть на это и ничего не делать?

– Значит, мы заслужили это. Придет время, и все поменяется.

Я посмотрела на Роя, как на сумасшедшего. Уж лучше бы пел песню про старину Ларри... Но что я за подруга такая, которая не может поддержать идеи своего друга, пусть, для меня они и были неправильными.

– Ты действительно хочешь отречься ото всех благ?

– Да, – с упрямством произнес Рой.

– Тогда я рада за тебя, что ты нашел что-то свое.

– А я рад, что ты не хочешь за меня замуж.

Мы улыбнулись друг другу.

– Испугалась, когда я встал на колени? Думала, что я дарю тебе кольцо, да?

– Да ну тебя! – брызнула я в лицо Роя водой. – Издевался над бедной девушкой!

– У тебя было такое лицо, – хмыкнул мой друг и тут же

виноватым тоном спросил: – Хочешь я сорву вон те цветы для тебя, чтобы загладить свою вину?

Я проследила за его взглядом и увидела нежно розовые лилии, расположившиеся на холме в метрах тридцати от нас.

– Да, хочу!

– Будет исполнено! А ты плыви на берег, солнце уже заходит за горизонт.

Я взглянула на небо, и действительно, солнце покидало нас, оставляя после себя огненные всполохи. Я доплыла до берега и скрылась за кустами шиповника. Мокрое белье пришлось снять и надеть платье на голое тело. Я не видела Экберта и Ренату, но по негромкому разговору, смысл которого я не могла разобрать, я понимала, что они стояли за ивой. Я провела рукой по качающейся листве, даже успела разглядеть гнездо птиц у самой кроны, прежде чем обошла дерево и увидела Экберта и Ренату целующимися.

Первым меня заметил Экберт и отодвинулся на шаг от Ренаты. Та, не понимая, что происходит, не сразу обернулась в мою сторону. А я просто застыла от такого зрелища. Еще никогда я не думала о брате и подруге в таком ключе. В моей голове они были в разных категориях.

– Леона, ты... – начал было Экберт и запнулся.

– И давно? – только и спросила я.

Экберт нервно пригладил свои волосы и пошел прочь отсюда. Я вопросительно посмотрела на Ренату.

– Я сама не знаю. Да ничего и нет. Просто поцелуй. – Она

пожала плечами и тайком, думая, что я не заметила, смахнула слезинки у глаз. – А где Рой?

– Он наказан и рвет цветы для своей дамы вон на том берегу.

– На том берегу? А где именно? Что-то я его не вижу...

Я посмотрела на то место, где росли лилии, и не обнаружила там своего друга. Потом мой взгляд закономерно охватил мерцающую в закатных красках воду. И – ничего. По спине пробежал холодок.

– Я тоже его не вижу.

Я подошла к кромке воды и громко позвала Роя. Ответом мне была тишина, и лишь легкое шуршание платья Ренаты, подошедшей ко мне, нарушало ее. Я опять прокричала имя своего друга, пристально смотря на противоположный берег, но там никого не было. Рой пропал.

Глава 4

Сумерки сгушались над рекой, а Роя нигде не было. Экберт вновь переплывал реку, чтобы вести поиски с противоположного берега. Рената пошла вдоль берега направо, я – налево. Мыслей о том, что с Роем что-то случилось в воде, я даже не допускала. Он был отличным пловцом, уступая в этом мастерстве разве что мне и Экберту. Он даже шутил, что в прошлой жизни мы с братом были рыбами, настолько хорошо мы чувствовали себя в воде. Внезапно я остановилась, вспомнив наши местные байки про то, что в нашей реке водятся чудовища, утягивающие купальщиков на дно.

Но... Я столько раз плавала в этой реке и никаких чудовищ не встречала. Да и мы должны были услышать крики Роя, если бы что-то произошло. Банды разбойников я тоже отмела сразу, потому что тихо вести они себя не умели, да и разбойничали не в этих местах. Но что же тогда случилось? Где же ты, Рой? Я сделала изрядное количество шагов, добравшись до деревянного мостика через реку, который вел на знакомую мне поляну, за которой следовал Лес. Я остановилась в нерешительности. Идти дальше вдоль реки не имело смысла, но и идти ближе к Лесу мне было нельзя. Но что если Рой находился где-то там?

Вокруг все темнело, и Лес был виден лишь в своих очертаниях. Ни красоты его красок, ни свечения от древних деревьев, уже нельзя было различить. Я прошла через мост и уже почти одолела расстояние до Леса, как впереди, перед пушистой елью, я заметила силуэт мужчины. Я замерла, не зная, что делать дальше. Может, это Рой... Отдаленно похож на него. А если не он, то кто же? Мужчина начал приближаться ко мне странной качающейся походкой. Он что-то держал перед собой, и я никак не могла разглядеть, что это.

– Рой, это ты? – взволнованно спросила я, потому что если это не он, то я еще смогла бы убежать от незнакомца.

– А кто еще это может быть?

Я с облегчением вздохнула. Голос Роя успокоил сердце, готовое выпрыгнуть из груди. Я двинулась ему навстречу.

– Как ты здесь оказался? Мы беспокоились.

– Сейчас увидишь...

Как только мы дошли друг до друга, я, наконец, увидела, что он держал в руках. Точнее, кого. Ру, дергая своим львиным хвостом из стороны в сторону, сидел у моего друга на руках.

– Ах, ты проказник! Гулял в Лесу, да?

– Забери его, – сказал Рой, передавая мне моего питомца. – Я бежал за ним от самой реки. Все ноги разодрал в кровь...

– Рой, извини. Сильно болят?

– Терпимо, – проговорил мой друг и присел прямо на траву.

Только сейчас я поняла, что на Рое почти не было одежды, а без солнца становилось холодно. Ру положил мне на плечо свою голову и что-то пытался рассказать на своем непонятном языке.

– Пойдем к остальным. Мы все тебя потеряли. Ребята до сих пор ищут.

– Дай мне минутку. Больше не буду за тобой бегать! – обратился он к Ру.

Грифон внезапно зарычал, громко и страшно, а его хвост начал бить меня по животу.

– Ну что ты, Рой пошутил. Мы всегда будем бегать за тобой... – с насмешкой начала я, но мое последнее слово прервалось криком боли.

Ру внезапно вырвался из моих рук, поцарапав когтями

шею, и рванул в Лес. Что за несносный зверь! Я побежала за ним, забыв, что совсем недавно хотела отпустить его на все четыре стороны.

– Ру, вернись! – кричала я своему питомцу, которого уже не могла разглядеть в темноте.

– Лео, подожди! – кричал мне Рой где-то позади.

Я стремительно ворвалась в Лес, где деревья были уже не так гостеприимны ко мне, как днем. Ветки хлестали по рукам и ногам, корни деревьев не давали быстро бежать.

– Ру, где ты? – закричала я и тут же споткнулась о лежащую на пути ветку.

Каким-то чудом я не упала, сохранив равновесие с помощью рук. Бежать больше не было смысла, потому что я не понимала, в каком направлении двигаться. Ру я не видела. Рой был где-то в перелеске, и я пошла обратно к нему, уже осторожной походкой и выставив руки перед собой, чтобы не наткнуться на дерево.

– Лео!

– Я иду к тебе, – я произнесла фразу намного тише, чем выкрикнул мне Рой.

Почему-то вспомнилось, что в Лесу нельзя кричать, чтобы не потревожить Духов, живущих в деревьях. Опять сказки и легенды... Но в темноте они казались намного реалистичнее, чем при свете солнца. Тогда, любуясь его бликами на разноцветных листьях, я ничего не боялась. А теперь было страшно.

– Рой, где ты? – прошептала я, пройдя с десятков метров по направлению к нему.

Я уже должна была встретиться с другом, но этого не произошло.

– Лео, я здесь! – услышала я справа от меня и так отдаленно, как будто шла в неверном направлении, но была уверена, что выбрала его правильно.

Я остановилась, ничего не понимая. Ругала ли я себя за сумасбродную идею догнать Ру? Еще как! Я перебирала в уме все не слишком хорошие слова, которыми владели южане, а уж мы знали их много! Я пошла на голос Роя, который вновь выкрикнул мое имя. И опять, пройдя несколько десятков метров, я никого не обнаружила. Его голос звучал уже далеко позади меня.

Чувство бессилия охватило меня. Я почти никогда не плакала за исключением особенно страшного эпизода из моего детства, когда я сломала ногу и плечо, катаясь на тарзанке, и всего, что было связано с отъездом папы на Край. Мне хотелось бы сказать, что сейчас я тоже не плакала, но одинокая слеза покатилась по моей щеке. Даже чудовища из моих кошмаров не были так страшны, как чувство бессилия перед неизбежным – папа всегда был далеко от меня. Так и сейчас, Рой тоже был далеко от меня, а я находилась в темноте.

Сев на корень какого-то большого дерева и прикрыв глаза рукой, я стала размышлять, как выбраться отсюда. Лес казался теперь чужим и враждебным ко мне. Я больше не слы-

шала голоса Роя. Он растворился в темноте, как только я поняла, что все мои попытки достичь его, оборачиваются крахом. Зато я начала слышать обитателей Леса, и это оказались совсем не страшные звуки, а вполне обычные. Недалеко от меня в сухих листьях копошился небольшой зверек, в кроне дерева пищали летучие мыши, а как только я убрала руку с глаз, то увидела на небе первые звезды. Лес оказался не таким пугающим, и все-таки я хотела выбраться отсюда. Идти по звездам я не умела. Этим непонятно откуда взявшимся искусством владел мой отец, но я так и не смогла научиться. Идти на голос Роя я посчитала напрасной затеей, потому что в итоге оказывалась совсем не там, где мне было нужно.

– Пожалуйста, помоги мне, – с отчаянием в голосе обратилась я к Лесу.

И тут, как по волшебству, перед моими глазами замаячил светлячок. Я уже хотела отмахнуться от него, как вдруг он отлетел от меня на метр и завис в воздухе. Я осторожно встала и сделала шаг к нему. Он пролетел еще вперед, оставляя за собой золотистое свечение, благодаря которому я видела то, что нас окружает. Я поняла, что светлячок ведет меня за собой, и не довериться ему было бы ошибкой. Ведь если кто-то спасает тебя от тьмы, то как не пойти за ним?

Шли мы недолго, и вдруг позади раздался громкий и оглушающий звук, как будто упало огромное дерево. Мой светлячок взметнулся вверх и пропал среди еловых веток. Я замерла, потому что звук, испугавший меня, приближался, как

будто позади меня падал целый лес. Я вжалась в ствол дерева, прекрасно понимая, что оно не защитит. Шум все приближался, и наконец я поняла, что все происходит не на земле, а наверху. Я подняла голову вверх и увидела над собой силуэт огромной птицы, которая сверкала в свете звезд теплым свечением. Приглядевшись, я поняла, что это не звезды освещают ее, а тысячи светлячков, летевших рядом. И только когда я успела разглядеть хвост, я осознала, что это никакая не птица. Это – дракон. И он летел совсем низко над деревьями, задевая хвостом их крону.

Все произошло слишком быстро. Я даже не успела как следует удивиться этому открытию, потому что дракон летел быстро, и одна из веток, отлетевшая от его хвоста, сильно ударила меня по голове. И дальше вместо свечения и звезд я вновь увидела одну лишь темноту.

Выйдя из этой темноты, я оказалась в своей кровати, не понимая, почему запах хвои, который преследовал меня весь мой долгий сон, исчез. Я пошевелила ногами и потянулась, чтобы проснуться окончательно. Свет, падающий из окна на мою кровать, был нежно розовым, таким, какой бывает при закате. Значит, я провалялась в кровати... Стоп! А как я сюда вообще попала? Последнее, что я помнила, была тяжелая ветка, летевшая на меня сверху. Я потрогала свою голову, и действительно было очень больно касаться лба. Все-таки ветка прилетела, куда надо.

Я поднялась с кровати и доплелась до ванной комнаты.

Представ перед зеркалом, я поняла одно – выглядела я не слишком хорошо, и это было совсем мягко сказано. Спутанные волосы, бледное лицо, а под глазами синяки. Сейчас я и вправду была похожа на северянку. Даже цвет моих глаз, такой же, как и у папы, подтверждал этот факт. У всех южан цвет глаз представлял собой все оттенки коричневого. Но темно-зеленый тоже был близок к коричневому, так что я сильно не переживала по этому поводу.

Я кое-как привела себя в порядок и вернулась в спальню. Запах луговых трав окружил меня. Экберт стоял, сложив руки на груди и смотрел в окно.

– И давно ты здесь стоишь? – тихим голосом спросила я у брата.

– Наконец-то ты пришла в себя!

– Ру вернулся домой?

– Нет.

– А как вообще я оказалась дома, а не... – я замолчала, не договорив.

А что знает Экберт? И кто же меня нашел в Лесу?

– Рой нашел тебя, хотя все должно было быть как раз наоборот. Мы все искали его, хотя надо было тебя... Леона, ну почему с тобой столько возни?

Я проигнорировала замечание Экберта. Рой в очередной раз спас меня, и я мысленно послала ему все слова благодарности. Я невольно коснулась лба и поморщилась.

– А что он еще рассказал?

– Лучше расскажи мне ты.

– Рой побежал за Ру, но так и не догнал. А я искала его вдоль берега реки...

Я бросила на брата осторожный взгляд и поняла, что врать бесполезно.

– Ты знаешь, да?

– Что знаю, Леона?

Издевается! Ну почему старшие братья всегда общаются с младшими сестрами в таком высокомерном тоне?

– Экберт, перестань так со мной разговаривать!

– Так это я должен перестать? – Брат заходил из стороны в сторону. – Опять была в Лесу! Мы тебя полночи искали! Ты вообще понимаешь, что ты наделала?

– Нет. Может, наконец, объяснишь?

Экберт резко остановился у моей кровати и посмотрел на меня, оценивая мою решимость узнать правду.

– Я не уверен, что это правильно. Давай дождемся мамы. Она ушла за целебными травами для тебя и скоро вернется...

– Ну уж нет! Расскажи мне ты!

Разве я могла упустить возможность узнать причины постоянных переглядываний мамы с братом? Нет, я все равно раскрою эту тайну.

Экберт прикрыл окно и глубоко вздохнул, прежде, чем тихо произнести:

– Наш папа северянин.

– Что?

Я присела на кровать, потому что ноги больше не могли держать меня.

– Погоди... Но как? У него волосы были темные и глаза...

– Цвета оливы? – насмешливо спросил Экберт.

– А имя? Имя Реон начинается на нашу букву!

Все имена южан могли начинаться только на те буквы, которые нам разрешили северяне. Двести лет назад их Главному не нравились всего пять букв: Б, Р, Э, М и Л. Поэтому все наши имена до сих пор начинаются только на них.

– Он поменял всю свою жизнь ради мамы..., – порывисто произнес Экберт. – Неужели ты думаешь, что он не мог взять себе новое имя?

– А волосы? – спросила я, понимая несусветную глупость вопроса.

– Красит.

Я замолчала. Папина внешность была далека от средне-статистического южанина, но я даже подумать не могла о том, что он может быть северянином. Папа всегда был красив и статен, любил природу и ненавидел грубость и хамство. В детстве я обожала слушать его истории о путешествиях, о Крайнем Севере, где везде только лед, о Побережье, где море ласкает песчаный берег, о Пустыне, в которой есть оазисы жизни. Я думала, что часть его историй полнейшая выдумка, но теперь поняла, что ошибалась.

– Экберт, а разве так можно? Я еще никогда не слышала,

чтобы южанка была вместе с северянином и наоборот.

Брат посмотрел на меня, как на маленькую девочку.

– Но ведь они наши враги! – воскликнула я.

– Папа тебе враг?

– Нет! Но как...

– Леона, такое всегда случалось и будет. Двое людей полюбили друг друга... Спроси у мамы.

– И спрошу! А ты давно знал? – Получив кивок от Экберта, я, несколько обидевшись, что мне не доверяли семейную тайну, встала и быстро заходила по комнате.

– Леона, не обижайся. С твоим вздорным характером тебе нельзя было говорить правду, иначе все могло плохо кончиться.

– Это я поняла. И с этим надо свыкнуться. – Мой отец – северянин! Это не то что придется принять, с этим еще и жить дальше! В моей голове бил в набат еще один вопрос. – Но объясни мне другое... Почему мне в Лес-то нельзя?

– Ты что не знаешь легенду про девушку, в которой течет и южная, и северная кровь?

– Да все ее знают! – раздраженно воскликнула я и резко замолчала. Стыковка мыслей состоялась, и она мне не нравилась. – Вы что, решили, что я та самая девушка?

– Все возможно. – Экберт пожал плечами. – Только Духи Леса знают, кто та самая.

Легенда гласила, что только девушка смешанной крови может уравновесить законы нашего мира. Если она доберет-

ся до Ледяного Края, а потом и до Южного, то все будет так, как было раньше. А как было раньше, никто не знал... Но многими предполагалось, что все же лучше, чем сейчас. По крайней мере, для южан.

– И в Лес мне нельзя было ходить, потому что какой-то Дух Леса, которого никто никогда не встречал, забросит меня на Крайний Север восстанавливать наш мир? У меня для тебя плохие новости, Экби! – Брат скривил лицо от того, что я назвала его, как в детстве, а он давно просил этого не делать. – Я уже много раз была в Лесу и никакой Дух меня не заметил... Уууу! – Я набросилась на Экберта и сделала вид, что тащу его к окну.

– Очень смешно!

– А теперь серьезно. – Я придвинулась к брату поближе и прошептала. – В Лесу я видела огромного дракона...

– Головой сильно ударилась?

– Нет! Я правда видела его. И это наш дракон, не их. Тот, который был до Войны!

Экберт наморщил лоб, а в глазах показалась тревога.

– Что ты такое говоришь, Леона? Такого не может быть!

– А если может?

– Никому не говори об этом. И об отце.

– Даже Ренате и Рою?

– Вот поэтому тебе и не говорили, – многозначительным тоном произнес Экберт, намекая на мою недалковидность. А потом с грустью в голосе сказал. – Завтра утром Отбор.

– Да ладно! – Я и забыла об этом дне. Понятно, почему брат загрустил. – Ты простился с Ренатой?

– Леона, я простился еще там, на берегу.

– Ты любишь ее?

В глазах Экберта виднелось плохо скрываемое отчаяние. Ему можно было не отвечать. Все и так было понятно.

– Ох, Экби! – Я обняла его со всей нежностью, на которую была способна. – А она тоже тебя любит?

– Лео, давай не будем говорить на эту тему. Отдыхай.

Брат ушел, оставив меня со своими мыслями. Я вспомнила, как много раз при папе говорила слова ненависти по отношению к северянам. А ведь мои бабушка и дедушка тоже, получается, были не южанами. Я их никогда не знала, они умерли еще до моего рождения. По крайней мере, мне так говорили. Интересно, поддержали ли они выбор моего отца уйти на Юг, или воспротивились. Ведь северяне тоже нас ненавидели, иначе не устроили бы нам настолько ничтожную жизнь. Мои рассуждения прервала мама, вошедшая в мою комнату.

– Экберт сказал, что ты очнулась. Как ты?

– Все хорошо.

– Ты знаешь, я вообще не хотела тебе рассказывать про отца. Мне казалось, ты не сможешь держать это в тайне.

– Ну спасибо, мам, – проворчала я, комкая край покрывала.

– Ты знаешь, что на Севере таких, как ты убивают?

– Не любят южную кровь?

– Боятся потерять свое превосходство над нами. Они тоже знакомы с легендой.

– Я – обычная девушка. Да и на Север я не собираюсь.

Мама посмотрела на меня с такой любовью и такой печалью, что сердце сжалось от непонятной тоски, как будто я с ней уже прощалась.

– Ладно, – произнесла мама, пытаясь улыбнуться. – Ты наверное хочешь узнать, как я познакомилась с твоим папой.

– Я так понимаю, это было не на ярмарке, как ты мне рассказывала...

– Нет. На Побережье.

– Там, где море соприкасается с небом и уходит в бесконечную даль? Папа мне рассказывал. Это место где-то далеко за Лесом.

Мама тяжело вздохнула. Не я одна отчаянно скучала по отцу.

– Это место далеко отсюда и является продолжением Леса. Там любят отдыхать северяне, а для южан работа там приносила хорошие деньги.

– Ты там работала? А папа приехал на отдых?

– Твой отец любил путешествовать. На Побережье он не хотел задерживаться, но встретил меня... Я только устроилась туда помощником повара. Это была любовь с первого взгляда. Нам пришлось бежать ото всего, что нас связывало с прошлой жизнью. И вот мы здесь...

– Мама, – почему-то прошептала я, глядя ей в глаза. – Я столько раз говорила при папе, как я ненавижу северян...

– Лео, милая, твой папа понимал, что к нему это не относится.

Мама обняла меня, и мне захотелось перенестись в детство, когда самой большой проблемой были ссадины на коленках.

– А мои бабушки и дедушки? Вы говорили, что они умерли...

– Мои родители – да. Папа не дожил до возраста, когда нужно отправляться на Край, слишком много вредных веществ вдыхал он, работая на заводе. А мама... Она успела передать этот браслет перед тем, как умерла от продолжительной болезни. Она все-таки познакомилась с твоим отцом и благословила наш союз.

– Но я думала, что он достался ему от его родителей...

– Нет. Они отреклись от него, когда Реон выбрал меня. Он ведь возвратился на Север, чтобы рассказать им обо мне. Мы хотели изменить этот мир с помощью нашей любви. Хотели пожениться и быть первой парой, объединившей Север и Юг. Но, как ты понимаешь, Лео, нам это не удалось. Его родители совсем не обрадовались его выбору. А идти против Главного, который запретил такие союзы, они не посмели. Единственное хорошее, что они сделали, не раскрыли нас ни перед кем. Просто там, на Севере, твой отец давно уже считается мертвым.

– Они живы?

– Откуда мне знать, – пожала плечами мама.

– Папа сильно страдал из-за того, что его родители предпочли считать его мертвым?

– Он не показывал этого. Лео, мы были так молоды, когда решили быть вместе вопреки всему. Такой союз, как наш, тогда карался смертной казнью. Только спустя много лет, я поняла, что мы были глупы, когда пытались изменить этот мир. Одной любви мало для этого. И теперь я понимаю его родителей, они отпустили его, чтобы он жил. Да, они были влиятельными северянами, его отец, твой дедушка, был приближенным к Главному. Но даже он, скорее всего, не смог бы ничего изменить. Знаешь что, на всякий случай, сделаем одну вещь... – сказала мама, резко меняя тему.

– Какую?

– Тебе может не понравиться.

Мама взяла мою непослушную прядь волос и осторожно накрутила на свои пальцы. На мой вопрошающий взгляд она ничего не ответила, лишь покачала головой.

Через несколько часов я глядела в зеркало и не могла узнать себя. Мои волосы, волнистые и длинные, как и всегда, были черного цвета. Если присмотреться внимательнее, то можно было различить легкий бронзовый оттенок, последнее напоминание о том, что я когда-то была рыжей. Экберт, когда впервые увидел меня такой, засмеялся и даже чуть не упал с лестницы от неудержимого смеха, спускаясь на ужин.

Мама провернула все очень быстро. Найти нужную траву, которой красился, как оказалось, и мой отец, не составило большого труда. Еще минут десять мама уговаривала меня довериться ей, потому что она уж точно знала, что поможет мне остаться дома. Духи просто не признают во мне ту девушку, которая гуляла в Лесу. На вопрос, откуда бы им знать это, мама пожала плечами. Говорят, что Духи живут в деревьях и знают все. Я не верила в это, но больше всего на свете я желала, чтобы день Отбора прошел, и я вновь продолжила бы ходить в школу, как ни в чем ни бывало. Поэтому я и согласилась на то, чтобы покрасить мои волосы в этот черный, как ночь без луны и звезд, цвет. Мама успокоится, я тоже перестану волноваться, и все в нашем доме войдет в привычный режим. А прежний цвет вернется ко мне через пару недель. Бедный папа, оказывается, красил свои волосы два раза в месяц.

На ужин мама пригласила Ренату, чтобы мы попрощались. Она просто не знала, что и Экберту это тоже было необходимо. Он бросал искоса тревожные взгляды на Ренату, а та делала вид, что не замечала этого. Она весело болтала на пустяковые темы и постоянно хвалила еду моей мамы.

После ужина мы с подругой поднялись в мою комнату. Рената выглядела печальной и задумчивой, но все равно пыталась шутить над моими волосами.

– Ты теперь совсем другая, Лео. Может, настала пора и имя поменять?

– Не смешно. Видишь, какие мы все таки разные. Ты делаешь все, чтобы попасть на Север, а я все, чтобы туда не попасть.

– Я все равно так и не поняла, зачем ты волосы покрасила.

– Чтобы меня не узнали.

– Кто?

– Духи Леса.

Рената странно посмотрела на меня. Мы давно уже перестали верить в непознанное. Окруженные тяжелыми буднями, разве мы могли поверить в рассказы пожилых людей о том, что когда-то Пустыня была полна оазисов, а Пустошь цвела разноцветным вереском, и радуга гуляла над ней. А про Духов Леса давно уже никто не упоминал. Разве что Эллиот...

Я не могла сказать правду про своего отца Ренате, несмотря на то, что доверяла ей больше всего на свете.

– Скажи, ты любишь моего брата?

– Что тебе дадут мои слова, если я все равно завтра уезжаю? – Рената подошла к окну и приоткрыла створку, как будто ей не хватало воздуха.

– Значит, да? – Я не дождалась ответа, хотя мне все и так было ясно. – Но ты же можешь не уезжать!

– Я всю свою жизнь мечтала уехать... Цветы – это мое призвание. Ты вот хочешь учить детей. Ты бы отказалась от своей мечты?

– Не знаю. Это сложно.

– Вот именно! – Рената подвинула стул к окну и села на него. – Лео, если бы он признался раньше... Но так же нельзя! Говорить девушке про любовь, зная, что она скоро уедет.

Ох, Экби! Что же ты медлил и проворонил свое счастье...

– Может, он не хотел лишать тебя мечты.

– Тогда не надо было надламывать ее. Я бы спокойно уехала, зная, что мои чувства безответны.

– Да вы совсем что ли! Один молчит, вторая молчит. Вы почему друг другу не открылись?

– Знаешь, Лео, придет твое время, и ты поймешь, почему мы ничего не говорили.

– Рената, когда придет мое время, каждая травинка будет знать, что я чувствую. Об этом будут знать все, потому что молчать я не смогу... Я буду петь, кричать, но уж точно не молчать.

Рената с насмешкой посмотрела на меня, как будто в ее глазах я вновь стала маленькой девочкой с двумя непослушными косичками.

– Мне позвать брата сюда, или ты сама подойдешь к нему? Усмешка в глазах Ренаты исчезла в одно мгновение.

– Мы уже все сказали друг другу.

– Значит, на этом все?

– Да.

– Почему ты мне не говорила о своих чувствах?

– Потому что это не кто-нибудь, а твой брат.

Я обняла Ренату, и какое-то время мы сидели и молчали.

Потом настало время смеху сквозь слезы, потому что наши обычные разговоры всегда сопровождались весельем, а сегодня мы обе знали, что им настал конец.

И все же они поговорили, Рената и Экберт. По крайней мере, мне хотелось бы на это надеяться. После того, как мы попрощались, мой брат догнал ее у калитки и вызвался проводить до дома. Что случилось, пока они шли вместе, мне было неизвестно. Но мне было видно из окна, как Экберт заходил домой с грустной улыбкой.

Я легла спать, чувствуя неотступную ноющую боль в области лба. Наверное, я все-таки сильно ударилась головой, потому что впервые мне ничего не снилось, просто меня обволакивало что-то вязкое, как желе. И это что-то так успокаивало. Все проблемы вокруг померкли и обесценились. Я просто спала...

Глава 5

События последних дней развивались настолько стремительно, что я не успела их полностью осмыслить. В моей голове не укладывалось, как я могла находиться здесь, среди участников Отбора. Но все-таки я была среди них. Я откинула с лица непослушную прядь волос, черную, как уголь. Брр... до сих пор не могу привыкнуть к новому цвету. Но теперь это не самое страшное. Страшно то, что в машине, в которой я сидела вместе с другими ребятами, завелся мотор, и она собиралась взлетать. А это значило, что я могла последний раз кинуть свой взгляд на родную Равнину, на

южан, которые махали руками, прощаясь со своими родными. Среди них не было мамы и брата, не было Роя. Мы попрощались в нашем доме. От этого не так сильно разрывалось сердце, потому что я не видела их печальных глаз, но непрошенная слеза все равно потекла по щеке. Холодная рука взяла меня за подбородок и развернула к себе. Я встрети-лась с ледяным взглядом серых глаз, в котором не было со-страдания, лишь сквозящее равнодушие. Бесстрастный го-лос произнес:

– Слезы – удел слабаков. Север ждет тебя.

Я проснулась ранним утром, ничего не ощущая. Боль про-пала, а ночные страхи улетучились. Раньше дни Отбора про-ходили для меня обыденно. Равнину покидали всегда очень мало молодых людей, потому что здешние условия жизни были намного лучше, чем, например, в Пустыне. Я не гру-стила от расставания с теми, кого почти не знала. Но сего-дня... Мое сердце, мое сердце переполнилось не проходив-шей, неизбывной грустью, от которой так хотелось, но не по-лучалось отмахнуться и освободиться. Я не знала, как буду обходиться без душевных разговоров с подругой, без ее ди-ковинных роз, которые так изысканно благоухали и своим ароматом создавали особую атмосферу беззаботности и сча-стья.

Я подошла к окну и отдернула занавеску. Сегодня, под стать моему настроению, по земле стелился густой туман. Скомканными серыми клочьями он поднимался от земли и

захватывал в свой плен все, что попадалось на его пути. Ничего нельзя было разглядеть, кроме смутного очертания одинокой фигуры, стоящей у нашей калитки. Мне было любопытно, кто бы это мог быть. И я, приоткрыв окно, сказала:

– Доброе утро!

Ответом мне была стрекочущая тишина. Мгновение – и я отчетливо увидела, как калитка сама распаивается, и человек заходит в наш сад. Хотя нет, он не заходит, он летит по нашему саду. Я на всякий случай дернула себя за волосы, чтобы проснуться. Но так не бывает! Если ты видишь кошмарный сон, ты смотришь его до конца.

Чем ближе эта летящая фигура, тем больше я начинала различать: серые линии одежды, длинная белая борода и заостренное морщинистое лицо. Множество мыслей пронеслись в голове за одну, две секунды, потому что я совсем не понимала, сон ли это или явь. Кто этот старик, опасен он или нет, что он вообще хочет от нас, и почему он летает. Мое сознание взорвалось фейерверком, когда он начал подниматься ко мне на второй этаж, не заходя в дом. Как будто у него был, невидимый мне, подъемный механизм. Я опешила. Надо было закрыть окно, но я не могла поднять руки. Надо было бежать к Экберту (сегодня он не работал и наверняка еще спал), но я смогла сделать лишь несколько шагов назад, не смея оторваться от такого зрелища. Словно загнипнотизированная, я стояла и смотрела, как окно само распаивнулось, взметая вверх занавески, и старик влетел в мою ком-

нату. Какое-то мгновение мы смотрели друг на друга. Старик все еще парил в воздухе, и мне пришлось запрокидывать голову, чтобы видеть его лицо. Я рассмотрела его чуть уставшие мудрые глаза цвета спелого каштана, густые седые брови, сеть морщин, расположившуюся на лице, как созвездия. Старик улыбнулся мне краешком губ, и весь мой страх окончательно ушел, потому что морщины превратились в лучики солнца, а солнце всегда дарило мне тепло и свет.

– Леона, как я рад видеть тебя снова!

– Снова? – переспросила я, пытаюсь вспомнить нашу предыдущую встречу. Уж ее я бы точно запомнила!

– Ты была слишком мала, когда я тебя навестил впервые. – Старик неслышно опустил ноги на пол, и мы стали почти одного роста. – В твоей юной голове слишком много вопросов, а времени не так много. Благодарю тебя, что проснулась так рано ради моего визита...

Ну все, точно сплю! Я ущипнула себя посильнее за руку, так, что даже чуть скрипнула зубами от боли. Но все в комнате оставалось прежним.

– Это не сон, Леона.

– Вы умеете читать мысли?

– А ты еще не поняла этого?

– Кто вы?

– Я – Дух Леса. Можешь звать меня Интарион.

– Нет... Это же сказки. Такого не может быть!

Интарион посмотрел на меня, по доброму улыбаясь. Но

его лицо вскоре стало серьезным и сосредоточенным.

– Леона, ты должна поехать на Север сегодня.

– Я? Я на Север? Почему?

Я мысленно убеждала себя, что никоим образом не отношусь к той девушке из легенды. Какая из меня спасительница мира? У меня жизнь, можно сказать, только начинается... Да и умею я совсем немного. Никаких навыков спасать мир у меня нет.

– Ты уже сама поняла, почему. Никто не справится лучше тебя. Самое главное, что есть у тебя – это доброе сердце. И оно никогда не подведет тебя.

– Интарион! – с испугу я сразу вспомнила имя Духа. – Я – простая девушка. Скажите, что вы пошутили. Я ведь даже не знаю, что делать.

– Перестань, Леона. Ты даже во младенчестве выглядела смелее, чем сейчас. Трусость – это плохое качество и для девушки тоже. Твоя храбрость ушла вместе с прежним цветом волос?

– Нет... но меня там убьют!

Интарион покачал головой.

– Нет. Никто не будет знать, кто ты на самом деле. Ты поедешь и будешь для северян такой же, как и твоя подруга.

– И что... что мне нужно делать, когда я приеду туда?

– Ты будешь работать и ждать, пока не поймешь, что пора действовать. Тебе встретятся люди, которым ты сможешь доверять.

– Северяне? – с сомнением спросила я.

– А разве ты наполовину не северянка? Но тебе доверился весь наш мир.

Я потрогала лоб. Странно, но он больше не болел. В присутствии Интариона мне казалось, что вся я освещена фиолетовым свечением. Именно так мерцал дуб в Лесу при свете солнца. Я удивленно посмотрела на Интариона

– Да, девочка. Мы уже встречались в Лесу. Я рад, что ты послушалась родителей. Они всегда боятся слишком сильно за своих детей, думая, что это принесет им счастье.

– А если я...

– Откажешься? Хочешь, я расскажу тебе будущее в случае твоего отказа?

Я быстро кивнула, уже не удивляясь тому, что говорил Интарион. Знать будущее... Подумаешь! Передо мной сам Дух Леса. Сказки закончились. Или только начались... Интарион чуть улыбнулся моим мыслям и начал говорить:

– Совсем скоро будет война. И жертв будет очень много. – Дух Леса замолк на минуту и продолжил говорить. – Дракона, которого ты видела, тренируют для того, чтобы напасть на северян. И таких драконов с десятков. В Лесу есть место, скрытое от чужих глаз, где южане и северяне живут вместе, не враждуя. Они хотят мира, но мир, которого они желают может получиться только, если они победят северян. Будет большая битва, в которой погибнет много южан... Твой брат погибнет там.

Я вздрогнула, как будто меня пронзила молния. Экберт не может... Нет, только не это!

– Ты можешь остановить бессмысленное кровопролитие, если отправишься на Север сегодня.

– Хорошо, – сказала я и тяжело вздохнула.

– Ты справишься. У тебя будут помощники. И когда наш мир станет таким, как прежде, ты не поверишь своим глазам. Ты вместе со всеми остальными увидишь, каким он был, и узнаешь, как он назывался давным-давно.

– Разве наш мир не называется Талабан?

– О, нет! – Интарион поморщился. – Это название придумал Главный у северян. Он сделал так, что вы все забыли основные истины. Не только вас лишили знаний. Северяне тоже пострадали. И поверь мне, среди них есть хорошие люди. В случае войны жертвами станут и они. Именно поэтому ее нельзя допустить.

– Но почему именно сейчас, а не раньше или позже я должна остановить войну?

– Все идет так, как предначертано свыше. Именно сейчас ты готова к испытаниям. Твои родители зря запрещали тебе ходить в Лес. Я бы все равно нашел тебя. Я всегда тебя находил.

Интарион коснулся рукой моей щеки. И я увидела... как лежу в колыбели, в которой так уютно и тепло, но все равно отчего-то хочется плакать. Рядом нет мамы, понимаю я, и уже открываю рот, чтобы ее позвать так, как это

умеют лишь младенцы, но тут вижу лучики солнца вокруг улыбающихся карих глаз, белую бороду, закрывающую пол лица, и я забываю, что хотела сделать секунду назад. Мне хочется улыбнуться этому старику, ведь от него идет теплое фиолетовое свечение, а еще мне очень хочется схватить его белую бороду и поиграть с ней. Я пытаюсь дотянуться до нее, и когда это получается, я радостно смеюсь, не замечая, что через мгновение борода, а за ней и старик исчезают. Подбегает мама, еще такая молодая, без следов усталости и печали на лице. Она радостно восклицает: "Реон, иди сюда! Лео впервые смеется!" Подходит папа и со счастливой улыбкой обнимает маму... А я не могу налюбоваться на них, моих родных и любимых. Ради них стоит бороться и не допустить войны.

– Спасибо, – сказала я Интариону, все еще видя улыбающихся родителей, хотя картинка уже исчезла. – Теперь я помню нашу первую встречу. Можно задать один вопрос?

– Твой папа жив, – тут же ответил Интарион, зная наперед, что меня волновало больше всего. – Он будет ждать тебя на Краю.

Я прикрыла глаза и коснулась рукой своего браслета. Теперь я была спокойна.

– Через несколько минут проснутся твои родные. Слушай меня внимательно, Леона. Эта ноша тебе по плечу, иначе она бы тебе не досталась. Твое имя уже давно в списке участников Отбора. Ты поедешь на Север и будешь работать в биб-

блиотеке. Придет время, и ты сама поймешь, что делать дальше. Ты поймешь, кому можно доверять, слушая свое сердце. Оно никогда тебя не обманет. Есть и другие Духи, которые помогут тебе двигаться дальше. Но помни, зло тоже не дремлет. Опасайся человека с глазами цвета ночи.

– Я поняла. Вы уж простите, что... считала все это сказками.

Дух Леса впервые посмотрел на меня по особенному тепло.

– Леона, твой путь только начинается, и ты уже идешь по верной дороге. Ничего не бойся, с тобой вся правда мира. И еще, не купайся в Горячем Источнике, помни об этом предупреждении. А сейчас нам пора прощаться.

Интарион коснулся моего лба несколькими пальцами, прошептал что-то, что я не смогла разобрать, и бесшумно вылетел в окно. Я тут же подбежала к окну, чтобы проводить взглядом Духа Леса. Он остановился у калитки, развернулся и громко сказал:

– Передай своей маме, что она может менять твою внешность много раз, но то, что внутри не изменить никогда. А мы, Духи Леса, видим души.

С этими словами Интарион растворился в тумане. А я без сил опустилась на пол перед окном. Нужно быть храброй, но где взяться, этой храбрости, если никогда ни о чем таком я не помышляла...

Я пробралась в мамину спальню и увидела ее, лежащую

в кровати с открытыми глазами, полными слез. Я забралась под одеяло и прижалась к маме. В детстве я так часто делала. Мне нравилось находиться в родительской кровати, чувствуя особый уют в ней. Я могла накрыться одеялом с головой и быть защищенной со всех сторон родительской любовью. А сейчас настала пора стать защитницей близких уже мне.

– Ты уезжаешь, да?

– Откуда ты знаешь? – спросила я, уткнувшись маме в плечо.

– Я видела сон. Все тот же, что и прежде. Ты улетаешь в этой сверкающей серебром машине. Но я думала, если ты мне снилась с рыжим цветом волос, то с черными волосами ты останешься дома. – Мама провела рукой по моим волосам и с грустью вздохнула. – А сегодня мне приснилось, что ты снова уезжаешь. И твои волосы темные. Скажи, что этот сон не сбудется, скажи что ты не та, кто им нужен...

Я приподнялась, чтобы разглядеть мамино лицо и запомнить ее добрый взгляд карих глаз и упрямо вздернутые губы. Теперь неизвестно, увидимся ли мы когда-нибудь. Дорога, по которой я буду идти, вряд-ли приведет меня назад домой.

– Мамочка, – тихо произнесла я, чувствуя тяжесть в груди, зная, что сейчас причиню боль любимому человеку. – Я уеду.

– Нет! – Мама закрыла ладонями лицо. – Ну почему именно моя дочь? Почему ты?

– Что у вас происходит? – сонно спросил Экберт, стоя на

пороге комнаты и потирая глаза.

– Я уезжаю на Север.

– Новая шутка? – спросил он, лениво потягиваясь.

– Нет. Я правда уезжаю.

– Как?

По тону, которым мой брат задал вопрос, я поняла, что сон ушел от него в одно мгновение.

– Ко мне приходил Дух Леса. Я – та самая, из легенды.

– Нет... Не может быть!

– Ну вы же сами оберегали меня от Леса. Почему сейчас ты не можешь поверить в это?

– Но ты же... хрупкая девушка. Как ты сможешь?

– Ой, да ладно тебе! Одной ногой там, другой здесь, и вот я опять дома.

Я улыбнулась маме, вытирая ее мокрые от слез щеки.

– Я скоро вернусь, мама. Слышишь? И самое главное, папа жив! Мне Дух Леса сказал...

Только сейчас мама отреагировала на наш с братом разговор, как бы очнувшись от глубокой задумчивости. В ее глазах мелькнула надежда. Счастливая новость окрылила ее, и она отправилась готовить нам всем завтрак.

Отбор начинался через три часа, и я улучила время сбегать в Храм, чтобы отнести взятые оттуда книги, и попрощаться с Эллиотом. Сквозь рассеивающийся туман я быстро шла по заросшей травой дороге, держа в руках несколько книг, завернутых в бумагу. Храм представлял собой неболь-

шое деревянное здание со шпилем наверху. Раньше их было намного больше, но во время Великой Войны почти все они были сожжены северянами. Никто сюда не ходил, кроме меня, Роя и еще нескольких пожилых южанок.

Я прошла мимо большого двухэтажного приюта, в котором когда-то жила Рената, и сейчас, ранним утром, там тоже слышались звонкие голоса детей и строгий голос воспитательницы. Возможно, свою работу учителем я начала бы в этих стенах, но теперь кто-то другой будет обучать детей важным вещам. Я печально вздохнула и открыла тяжелую металлическую дверь Храма. Эллиот как будто уже ждал меня. Он сразу направился ко мне, держа в руках горящую свечу.

– Леона! Я так рад тебя видеть!

– Я пришла вернуть кое-что.

Эллиот поставил свечу в подсвечник в проёме стены и взял в руки книги.

– Что, уже закончила читать?

– Не совсем. Но теперь уже все равно. Я уезжаю отсюда.

– Куда?

Я вздрогнула от голоса Роя, слышавшегося откуда-то снизу. Лишь спустя мгновение я поняла, что мой друг поднялся по лестнице из подвала. В его руках тоже была книга. Я перевела взгляд на Эллиота, и в его глазах заметила похожее тепло, которое излучали и глаза Интариона. "А ведь Эллиот тоже скоро отправится на Край", – с горечью подумала

я. Хорошо, что Рой станет монахом, потому что наш Храм не должен быть в запустении. Здесь столько хороших книг, здесь хочется находиться.

– Я уезжаю на Север, – наконец, проговорила я, замечая, что постепенно уже привыкаю к этой фразе. Ее легко произносить и уже легче осмыслить.

– Не понял...

– Рой, она та самая.

Я удивленно посмотрела на Эллиота вновь. Я вообще-то не планировала раскрывать правду, уже сочинив ложь для Роя и Ренаты. Для них я уезжала, чтобы не оставлять подружку одну, а еще я хотела учиться, потому что на Юге с этим беда. Но что только что произнес Эллиот?

– Что вы имеете ввиду? – спросила я, делая вид, что ни о чем таком не знаю.

– Ты правильно поняла меня. Ты – девушка, которая вернет нам все, что было утеряно. И я благословляю тебя на это испытание.

Эллиот сделал шаг ко мне и коснулся моего лба, так же, как Интарион. И опять я ничего не разобрала из того, что говорил мне монах.

А Рой молчал, и его молчание действовало на меня особым образом. Мне хотелось плакать. Я сдерживалась при маме и брате, находя в себе силы шутить и видеть самое лучшее в том, что мне придется делать. Но рядом с Роем отгораживаться шутками я больше не могла.

– Пойду навещу детей, – сказал Эллиот и легкой поступью вышел за дверь.

– Рой...

Я бросилась к нему в объятия, и прорвавшиеся слезы тут же намочили его рубашку.

– Лео, бедная моя девочка, как же ты справишься там одна? Хочешь, я поеду вместе с тобой? – спросил Рой, когда я выплакала все свои страхи и разрушенные мечты. – Я что-нибудь придумаю со своим возрастом, мне тоже почти восемнадцать.

Часть меня хотела выкрикнуть оглушительно громкое "да". Но другая часть меня понимала, что так нельзя.

– Нет, это только мое. А твое – здесь. – И под "здесь" я имела ввиду Храм. – Твое призвание заменить Эллиота. Только этим утром я поняла, как это важно.

Я рассказала Рою о Духе Леса, а он в свою очередь поведал мне, откуда Эллиот знал про меня. Оказывается, становясь монахом, человек начинает многое понимать на духовном уровне, и другие люди становятся для него наподобие раскрытой книги.

– Почему ты знаешь? Ты же не монах...

– Мне рассказал не Эллиот, а мой папа. Он давно знал историю твоих родителей, потому что помогал им начать все заново здесь. И мне папа рассказал лишь потому, что я должен был беречь тебя от Леса, – Рой усмехнулся. – Но, как ты сама понимаешь, сделать этого я не смог.

– Все вокруг знали, одна я не зна...

Рой мягко коснулся моих губ ладонью, и я замолчала.

– Все происходит так, как нужно. Ну что бы ты сделала, когда узнала? Боялась каждый день? А теперь ты станешь бесстрашной, потому что за тобой незримо следуем все мы. Я буду молиться, чтобы у тебя все получилось.

– Рой, мне все равно страшно, – призналась я, хотя его речь и вселила уверенность в то, на что я решилась. – Если я не справлюсь, что тогда?

– Сам Дух Леса почтил тебя своим присутствием. Значит, он в тебе уверен. Как можешь ты сомневаться в обратном? Нам все дается по нашим силам... Ты справишься.

Рой проводил меня до дома, и мы попросились у большой ветвистой яблони, на которую часто залезали в детстве вдвоем. Столько счастливых воспоминаний я оставляла в этом саду. Столько, как теперь оказалось, напрасных фантазий... Я думала, что когда-нибудь все же научусь выращивать овощи, так же как и моя мама, погуляю на свадьбе у Экберта. А потом, через несколько лет, и сама стану женой, и мой муж будет самым лучшим мужчиной на свете, а еще через несколько лет по этому саду будут бегать мои племянники и мои дети. А теперь я смотрела, как мой лучший друг уходит по дороге, по которой не так давно уехал мой отец, и вместе с ними рассыпались осколками мои мечты.

Дома я собрала небольшую сумку с вещами: только самое необходимое, подарки моих друзей да мамино свадеб-

ное платье. Должно же что-то на Севере согреть мне душу.

– Я думал, что сегодня буду прощаться лишь с одним человеком, а оказалось с двумя.

Я обернулась. Экберт так неслышно подошел, наверное, мои слишком громкие мысли заглушали все остальное.

– Береги маму, – сказала я, замечая, что мой брат как будто сделался меньше ростом.

– Ты плакала? У тебя глаза красные.

– Немного.

– Лео, ты справишься! – Экберт положил ладонь мне на плечо.

– Ну другого выбора у меня нет...

– Я могу проводить тебя до машины.

– Нет! Будем прощаться здесь.

Мы крепко обнялись, как в детстве, когда думали, что впереди еще много таких объятий. Потом я попрощалась с мамой. Тяжелее всего было покинуть дом, не оборачиваясь. В голове все еще повторялась мамина фраза, сказанная напоследок: "И помни, не все северяне плохие". Но ведь большая часть из них именно плохие! И никто меня в этом не переубедит.

Самое положительное, что я увидела за этот день, так это выражение лица Ренаты, когда она увидела меня среди участников Отбора, а не среди толпы прощающихся. Но мы не успели переговорить. Северяне в серых, отливающих серебром, костюмах, распределили нас по парам, и мне при-

шлось встать с Бертой, которая не удостоила меня и взглядом. Все ее внимание было приковано к северянам. Я поняла, что она уже пыталась угодить им, выслужиться и попытаться найти себе лучшее место на Севере. *Не все северяне плохие...* И кто же, мама, тут хороший? Вот этот парень примерно моего возраста, оценивающий нас, как скот? Или вот эта женщина, взгляд которой холодит мое сердце? А может, вот этот мужчина с пепельными волосами, отдающий приказы лающим голосом, и который только что задел плечом Ренату, но и не подумал извиниться? Внутри меня клокотала ярость. Именно из-за них я нахожусь здесь и уезжаю на Север. Чтобы восстановить прежний мир, в котором нет насилия, жестокости и несправедливости.

– Жан, мы точно берем эту девушку? Не нравится мне, как она на нас смотрит, – сказала женщина с холодным взглядом.

А ведь это про меня, догадалась я, и постаралась скрыть свою неприязнь. Мужчина с пепельными волосами подошел ко мне и оглядел с головы до ног.

– Имя?

– Леона.

Мужчина посмотрел в свои бумаги, затем вновь взглянул на меня, строго и чуть насмешливо.

– Мы делаем большую услугу вам всем, что позволяем поехать с нами. Поэтому, Леона, если тебе что-то не нравится, ты можешь остаться в своей отсталой Равнине.

– Мне все нравится, – проговорила я самым нежнейшим

тоном, на который была способна, не позволив себе гневных слов, уже готовых сорваться с моих губ, в ответ на сарказм северянина.

– Вот и хорошо. Сандра, сядешь рядом с Леоной, чтобы проследить, насколько ей все нравится. Если что-то пойдет не так, высадим ее.

Я села в машину, боясь сделать лишнее движение. Неужели, на Юге не нашлось других девушек на мою роль? Как мне справляться дальше, если я уже оступилась на одном только неправильном взгляде? Теперь я буду стараться изо всех сил. И даже эта Сандра, сидящая рядом со мной, поймет, что я действительно хочу быть на Севере, точно так же, как Рената или Берта.

Я мечтала об этом с самого детства... Вот сейчас мне действительно пригодилась моя любовь к чтению, потому что на нее можно смело опереться, сочиняя легенду моего пути на Север. Буду ли я скучать по моим родным? Да вы что, разве это имеет значение, когда у меня открываются такие возможности среди северян! У меня защипало в носу, но я продолжала мысленно отвечать на предполагаемые вопросы, продолжала сочинять свою новую историю до тех пор, пока одна-единственная слеза не потекла по щеке, хотя, казалось, я все уже выплакала на плече Роя. Север ждет тебя... Сандра остановила остальные слезы лишь этой фразой, потому что я вспомнила, почему ее посадили рядом со мной. Я буду стойкой и запрещу себе плакать. мои пальцы

крепко впились в подлокотник моего кресла. Ему, бедному, еще достанется, потому что полет будет долгим.

В толпе я вдруг увидела печальное лицо Барка, которому некого было провожать, ведь у него была только десятилетняя сестра. Но размышлять об этом не стала, потому что почувствовала, как мы начали взлетать. Вокруг что-то завибрировало, и послышалось негромкое гудение. Очередное технологическое новшество у северян, которое нам, понятное дело, было недоступно. Нам вообще было запрещено пользоваться какими-либо средствами передвижения, кроме шумных и плохо пахнущих машин, которые передвигались лишь по дорогам, да и то не слишком быстро. А эта машина, наверняка, будет развивать огромную скорость. Зря я пугала свое кресло, в нем мне сидеть совсем недолго. Знать бы еще, куда нас везут, в столицу Асарон или разбрасают по разным районам. Внезапно мои догадки прервались, потому что в окне показался Ру, выбежавший из толпы вперед. Я уже хотела выкрикнуть имя грифона, но сдержалась. Меня ждет Север, а провоцировать сидящую рядом Сандру не стоит. Машина поднималась все выше и выше, а затем, двинулась в сторону Леса. Я прикрыла глаза. Хорошо, что я не успела приручить Ру, не так горько расставаться, хотя, кого я обманываю! Мне было жалко оставлять и его.

Сзади меня началось оживление и прислушавшись, я поняла, что главный среди посланцев, Жан, говорил своему коллеге о том, что рядом с машиной летит грифон. Я не смог-

ла не взглянуть в заднее окно, в котором отчетливо виднелся мой Ру, становясь все меньше и меньше, потому что мы прибавили в скорости.

– Остановиться! – рывкнул Жан, и мое сердце пропустило удар, чувствуя, что это не к добру.

Машина замерла в воздухе, и шум от напряжения в моих ушах становился все громче, заглушая вибрацию мотора. Внизу был Лес, я видела его многоцветие, но отчего-то сейчас мне казалось, что цвета сделались мрачнее, чем были раньше.

– Дайте мне ружье и откройте заднее окно, – прозвучало в воздухе лающим голосом. – Давно я не видел грифонов. Как я соскучился по охоте!

– Нет! – Мои ноги сообразили быстрее голоса. Я за секунду пробралась через Сандру, и уже стояла рядом с Жаном. – Нет, пожалуйста, не стреляйте в него! Он ничего вам не сделал!

Еще секунда и я кинулась бы в ноги этому мужчине, лишь бы он не трогал моего Ру, но чьи-то сильные руки схватили меня и обездвижили. А Ру из маленькой точки становился уже хорошо виден. Жан улыбнулся мне страшной улыбкой, я такой еще не видела ни у кого из людей, и взял в руки оружие.

– Это мой Ру! Пожалуйста, не надо! – просила я и, не видя никакого эффекта на свою мольбу, закричала своему питомцу: – Ру, улетай! Улетай отсюда!

Меня подхватили вторые руки и закрыли холодной ладонью рот. Но глаза мои были открыты, и я видела, как Жан прицеливается в грифона. Я замотала головой и замычала что-то невразумительное, но никто и не думал меня освобождать. И тогда я укусила ладонь, закрывшую мой рот, и как смогла ударила ногой того, кто был сзади. На мгновение меня отпустили, и этого мне хватило для того, чтобы кинуться на Жана. Я падала на пол вместе с ним, слыша, как прозвучал совсем негромкий выстрел, похожий на писк, а через секунду – крик моего грифона. Потом я вновь окунулась во тьму. Она мне обрадовалась, и это было взаимно.

Глава 6

Мне снилось, как из Бездны ко мне идет Жан. И его появление было пострашнее всяких чудовищ. В руке у него было ружье, и он стрелял во всех, кто спешил мне на помощь. Первым от его пули упал папа, затем Экберт, потом с глухим стуком о землю упал Ру. А последний выстрел был для меня, и я ждала его...

Я очнулась в темноте. Наверное, я плакала во сне, потому что на ресницах образовались кристаллики соли. Я встала и подняла руки вперед, чтобы нащупать хоть что-нибудь, и понять, где нахожусь. Мои руки уперлись в стену, шершавую и пахнущую мокрым кирпичом. Обследовав таким образом все пространство, я поняла, что нахожусь в маленькой комнатухе, в которой ничего не было. Даже двери я не нашла. Только голые стены.

– Эй! – закричала я, понимая, что стучать по стене нет никакого смысла, только руки собою.

Ответом мне была тишина. Я еще немного покричала в темноту и уселась на гладкий пол. Было непонятно, из какого материала он состоял, но сидеть на нем было совсем не тепло, а встать не было никаких сил. Я обхватила себя руками. Хотелось оказаться под одеялом в родительской кровати и забыть все, что произошло в машине. Последнее, что я помнила – это протяжный крик Ру и боль в виске. Наверное, я опять получила по голове и теперь уже совсем неслучайно. Дальше я ничего не помнила и не знала, как оказалась здесь. Где именно я находилась, тоже было непонятно. Ясно одно – я провалила свое задание с самого начала, и весь Лес, все Лесные Духи теперь скорбят о моем поражении. Никакая я не спасительница мира, а простая неудачница. Но как я могла сидеть и смотреть, как стреляют в моего Ру? Неужели, кто-то на моем месте не попытался бы спасти ни в чем не повинное существо?

Моя попытка все равно ни к чему хорошему не привела. Вместо работы в библиотеке, я находилась в непонятном, сыром и темном месте. И Ру мертв... Я уткнулась головой в колени и заплакала, тихо и горько. Боль утраты охватила меня целиком и не отпускала. Я вспоминала, как позволяла Ру спать на моей подушке, как он ел из моих рук, а потом благодарил за пищу, уткнувшись головой мне в ноги. А теперь Ру мертв, потому что какому-то садисту захотелось по-

охотиться на грифона.

Я резко встала и сжала кулаки, так что ногти впились в ладони. Ну уж нет! Я не сдамся! Если есть хоть малейший шанс отсюда выйти, я этим непременно воспользуюсь. Я сделаю все, что потребуется, чтобы вернуть наш прежний мир, в котором не должно быть места убийцам. Если мне это не удастся, будет война, а в ней погибнет и мой брат.

Ненависть к северянам вспыхнула во мне с новой силой. Среди них нет никого хорошего, а если и есть, то они ушли на Юг или в Лес, как говорил Интарион. И доверять я никому не буду. Дух Леса слишком долго жил в Лесу и не знает, на что способны северяне. А я уже знаю!

Я вдруг поняла, что очень сильно хочу пить, и еще раз обследовала свою темницу в поиске того, что могло бы утолить жажду, но безрезультатно. В этой темноте ничего не было. Зря я тосковала, когда была заперта в своей спальне. Оказывается, там были вполне хорошие условия. А здесь вообще ничего не было. Меня так наказали из-за Ру? А может, я тоже умерла и это то место, которое я заслужила своими поступками?

Я прилегла на пол, потому что стоять уже не было сил. И тогда внезапно услышала, как слева от меня завибрировало стена, и через секунду меня ослепил яркий свет. Я прикрыла глаза рукой, хотя очень хотелось схватиться за голову, которая сразу заболела. Стена медленно, как будто на колесиках, отъезжала в сторону.

– Выходи! – услышала я знакомый лающий голос.

Я быстро встала. Для этого пришлось убрать руку с лица. От резкого подъема и света кружилась голова и хотелось одного – вернуться в спокойное царство темноты. Но я же сама недавно думала, что воспользуюсь любимым шансом, чтобы выбраться отсюда. И он не заставил долго ждать. Я сделала несколько шагов и только сейчас различила фигуру Жана. Первое желание броситься на него и повырывать его пепельные волосы я тут же погасила в себе. Я отомщу за тебя, Ру, но позже, когда сделаю все возможное, чтобы свергнуть северян с пьедестала.

– Как тебе моя любимая комната? – спросил Жан. – Мои племянники тоже ее любили. Посидят в ней всю ночь, и сразу никаких шалостей... Надеюсь, и тебе помогло, хотя ты и пробыва там несколько часов.

– Помогло, – тут же согласилась я.

Похоже, мы были в подвале. В огромном помещении не было никаких окон, а тусклый свет струился по бокам стен, хотя никаких ламп я не видела. Странно, что он слепил меня.

– Ну тогда я жду извинений.

– Извините.

– За что?

– За то, что помешала вашей охоте.

Я говорила эти фразы отстранено, как будто это была совсем не я, а на лице была надета маска, такая, какая обязательно понравится северянам. Жан поглядел на меня снис-

ходительно, и на его губах мелькнуло подобие улыбки.

– Так уж и быть, прощаю. И чего это ты вздумала спасти этого мерзкого грифона?

Маска исчезла с моего лица, но лишь на мгновение. Я сумела совладать с собой.

– Простите. Такого больше не повторится.

– Как ты там его называла? Лу?

– Ру.

– Почему?

– Так называли грифона в одной сказке.

– Ах да! Кстати о сказках, забыл сказать... Никакой работы в библиотеке у тебя не будет. Теперь ты работаешь в моем доме. Как тебе такой сюрприз? – поинтересовался Жан и громко засмеялся. – Ну пойдем.

Он сделал несколько шагов по направлению к лестнице, и я последовала за ним. Я споткнулась о коробку с чем-то греющим, но не упала. Жан поглядел на меня недовольным взглядом.

– Одно из твоих первых заданий, будет уборка здесь. Что-то давно я сюда заходил... Как там тебя зовут?

– Леона. – Я резко остановилась перед лестницей, чтобы не впечататься в Жана.

– Леона... Впервые мне нравится, как звучит имя у южан, а то все какие-то Эммы да Ренаты... – Я вздрогнула от упоминания имени моей подруги, а Жан повернулся ко мне и посмотрел более внимательным взглядом. – А ты хорошень-

кая... – Он взял меня за подбородок и повернул мою голову влево, потом вправо. – Да, тебе очень повезло, что я ненавижу брюнеток.

Жан брезгливо взял прядь моих волос и тут же отбросил ее. По моей спине побежали мурашки. А рыжих он тоже не любит? Ох, я очень надеялась, что это так. Я поднималась вверх по лестнице, следя за каждым движением этого опасного мужчины. С ним нужно быть всегда осторожной и не терять бдительность.

Поднявшись, мы оказались в просторном холле, сверкающим своей белизной и гладкими поверхностями. На стенах висели картины, на которых было изображено что-то абстрактное и геометрическое. На мраморном полу – ковер, как будто изо льда, полупрозрачный и отливающий синевой. Рядом находился камин, в котором горел синий огонь. Я такого еще не видела, привыкнув к обычному оранжевому пламени.

На большом серебристом диване перед камином расположилось двое. Девушка, примерно моего возраста или чуть постарше, с гладкими, как шелк, длинными светлыми волосами, быстро листала журнал. Рядом с ней лежала стопка таких же журналов. Чуть вдали от девушки, сидел юноша, тоже светловолосый. Он со скучающим выражением лица читал книгу, и, видимо, книга была совсем плоха, потому что время от времени ее обладатель забывал про нее, и его голубые глаза смотрели на синее пламя.

Я настолько увлеклась холлом, что забыла про Жана, и когда не обнаружила его рядом с собой, то сильно растерялась. Он уже заходил в подсвеченную серебром арку, когда я его заметила, и мне пришлось бежать через весь холл, чтобы его догнать. На несколько секунд я задержалась перед зеркалом во всю стену, чтобы увидеть, насколько я сейчас была "красива". Зрелище представилось слишком жалким, чтобы я наслаждалась им несколько больше: грязь на щеке и руках, волосы, похожие на нечищеную щетку, мятый и пыльный дорожный костюм. Я помотала головой и отошла от зеркала. Впечатляющий новый образ, хотя так даже лучше. Чем хуже я выгляжу, тем меньше внимания со стороны.

Я прошла через арку и очутилась на кухне. И опять все то же преобладающий белый цвет, блеск металлических покрытий и приборов. Большая часть всего, что здесь находилось, мне было незнакомо. На нашей маленькой, но уютной кухне, была всего лишь духовка да холодильник, а здесь всего слишком много. Я недоуменно посмотрела на полную женщину средних лет, взбивающую каким-то непонятным жужжащим прибором ягодный мусс в стеклянной миске. Она еще не видела Жана, но когда заметила, то сразу все отключила и выпрямилась, испуганно глядя на мужчину. По ее глазам теплого шоколадного оттенка и черным волосам, собранным в пучок, было понятно, что передо мной южанка.

– Бонни, ты что меня не видела?

– Простите, господин. Не сразу вас заметила.

"Господин", – усмехнулась я про себя, но тут же с горечью подумала, что мне тоже придется так звать Жана. Мне сразу стало жаль всех, кому приходилось работать на этого мучителя, включая себя.

– Очень плохо. Но я прощаю тебя сегодня. Слишком много хороших новостей, чтобы я занимался наказаниями. Хватит мне вот этой. – Жан кивнул в мою сторону, а Бонни посмотрела на меня с сочувствием. – Леона, пока что ты работаешь на кухне вместе с Бонни. С этого дня обязанность накрывать на стол и подавать блюда тоже на тебе. Позже придумаю, чем тебе еще заниматься в этом доме. Бонни покажет тебе твою комнату и где привести себя в порядок. Ужин подать через час.

С этими словами он покинул кухню, а я облегченно вздохнула. Теперь главное, что мне хотелось, это налить стакан воды и выпить его залпом.

– Можно воды?

Бонни тут же подала мне воду, и я, наконец, утолила свою жажду.

– Бедняжка, ты была в темной комнате?

– Да. Вы тоже там были?

– Там побывали все в этом доме, – грустно произнесла Бонни. – Леона, да? – Я кивнула. – Есть хочешь?

Я прислушалась к себе. Нет, сейчас мне точно не до еды. Сильно же меня стукнули, что даже аппетита не было.

– Бонни, Николь просит свой мусс, – раздался приятный

голос позади меня.

– Ох, я и забыла! Ваш дядя заходил, я-то уже почти приготовила, – встрепелулась Бонни и опять начала колдовать над своей стеклянной миской.

Я обернулась, чтобы посмотреть тот ли это юноша, что сидел на диване, или моя интуиция меня подводит. Но она не подвела. Вблизи черты его лица были красивыми: высокий лоб, прямой нос, хорошо очерченные губы и волевой подбородок. Но взгляд его голубых глаз был таким усталым, таким обреченным, что казалось вся его жизнь состояла из тяжелой работы и ежедневной рутины. Даже у Экберта я такого не замечала. Я не могла понять, сколько ему лет. Вроде бы такой молодой, прямо как Экберт, а глаза восьмидесятилетнего старика.

– Чего смотришь? – бросил он мне, презрительно оглядывая.

– Ничего.

Я пожалала плечами и вернулась к своему второму стакану с водой. Какой дядя, такой и племянник. Наверное, тоже убивает грифонов, как нечего делать!

– Вот, держи. Ник, ты сам-то хочешь порцию? – спросила Бонни так же ласково, как и моя мама. Как будто это был ее сын.

Если этот напыщенный индюк ответит этой доброй женщине грубо, я вряд ли смогу сдержаться. Я сжала стакан и услышала, к его счастью и, наверное, к моему тоже, нечто

среднее.

– Ты же помнишь, я не любитель сладкого.

Через несколько секунд я даже услышала заветное "спасибо", сказанное сквозь зубы, прежде, чем он покинул кухню. Бонни с улыбкой спросила, не хочу ли я мусс, и это было так мило, что я не смогла отказаться. Все-таки, мне предстоит работать, и нужно чем-то подкрепиться. Потому что для себя я решила: что бы меня не заставили делать, это должно быть сделано идеально.

– Пойдем, покажу тебе комнату, – сказала Бонни, когда я управилась с муссом. – Ужин уже скоро, но ты не переживай, я все приготовлю. А ты пока приведи себя в порядок и отдохни.

Мы прошли через кухню в полутемный коридор, который был освещен единственной лампой. Моя комната находилась в самом его конце. Бонни открыла дверь, и мы оказались в тесной комнате, где находилась лишь небольшая кровать, тумбочка с настольной лампой и маленький комод. При более пристальном осмотре я обнаружила маленькое окошко над комодом и даже небольшую картину, на которой были изображены голубые сосны из Леса. Я подумала, что это добрый знак для меня, даже здесь Лес со мной. После того, как Бонни показала мне, где находится душ и туалет, я поблагодарила ее.

– Твоя сумка под кроватью. А я побежала готовить. В этом доме нельзя задерживать приемы пищи. Все по графику.

– Спасибо еще раз. Только еще один вопрос... А где мы находимся? Что за место?

– Мы рядом со столицей. Уникальное место у северян, здесь живет элита. Место называется Ледяная Долина.

– И давно элита приезжает к южанам на Отбор?

– С этого года по приказу Владыки. – Я поморщилась от того, как называют Главного на Севере. Слишком много чести. – Господин не хотел ехать, но пришлось. Выбрал себе самое ближайшее место на Юге, чтобы долго не лететь.

– Да уж, повезло ему. – А уж мне как повезло, что придется работать на этого... Недоброе слово чуть не сорвалось с моих губ. Мне нравилась эта женщина, но нельзя здесь доверять безоглядно никому. Что ж, поживем – увидим! Я вспомнила, что время не ждет. – Как только приведу себя в порядок, сразу приду к вам на помощь, – сказала я.

– Не торопись, мне осталось совсем немного доготовить.

И я почти не торопилась. Не спеша приняла душ, позволив теплой воде смыть всю грязь и боль, накопленную за этот день. Даже поплакала немного о Ру, все еще не желая смириться с его гибелью. Научился летать на свою голову! А мне с его последним криком жить как-то дальше... Ничего, Ру, я накажу твоего убийцу. Не знаю когда, не знаю где, но я это непременно сделаю!

Я вышла из душевой кабины, завернулась в полотенце цвета мокрого асфальта и посмотрела в зеркало. Красные глаза выдавали мое горе, ну и пусть! Пусть Жан думает, что

я плакала в темной комнате и приняла к сведению, что больше туда попасть не хочу. Мне все равно, главное, чтобы я осталась на Севере. За несколько минут в моей голове созрел план моих дальнейших действий. Вначале я тайно, незаметно собираю информацию о Крайнем Севере, составляю самый короткий маршрут до него и убегаю. Все просто! Если в этом доме есть библиотека, то все станет еще проще, потому что в ней, наверняка, хранятся книги по географии, а может, я найду нужные карты... Я улыбнулась своему отражению, но тут же улыбка погасла. А что дальше? В легенде ни слова о том, что должна делать девушка на Крае, туда ей просто нужно добраться. Может, там и ждут меня помощники, о которых говорил Интарион, потому что здесь, в этом страшном доме, их точно не найти. Ну и ладно, все остальное я пойму по ходу действия. Наконец-то я смогла составить промежуточный план, план начала моей миссии. Теперь мое пребывание здесь имело смысл.

Я вернулась на кухню, надев привычное мне зеленое платье, в котором я ходила в школу. Никакой рабочей формы мне не дали, поэтому я решила, что ее нет, хотя отметила для себя, что все в этом доме ходили в сером и черном цветах, мрачные, прямо как сам Жан. В моей сумке не было одежды таких темных цветов, поэтому я выбрала то, что лежало сверху, успев даже приколоть к платью белочку, подаренную Роем. Не до конца высушенные волосы я свернула в пучок, чтобы они не мешали заниматься делами.

– Леона, у меня все готово, – произнесла Бонни, доставая тарелки из шкафчика. – Пойдем покажу тебе, как накрывать на стол.

Мы вышли в холл, держа по полному подносу с посудой. Я невольно любовалась серебристыми ободками на тарелках и витиеватыми столовыми приборами. Это была дорогая посуда, я это прекрасно понимала и старалась нести как можно осторожнее. Через холл мы прошли в столовую, где в центре стоял огромный овальный стол, стулья, сделанные как будто из стекла или хрусталя. Но не это привлекло мое внимание. Над столом висела громоздкая лампа, состоящая из множества сосуллек, и они горели всеми цветами радуги. Это было так по волшебному красиво, что я замерла с подносом в руках, любуясь светом, который делал все в этой комнате прекрасным.

– Я, кажется, никогда не привыкну к такой красоте... – сказала я, ставя поднос на стол и повторяя за Бонни сервировку стола.

– Совсем скоро все станет привычным, – отозвалась женщина, не переставая расставлять посуду. – Ты из Равнины?

– Да. А вы?

– Из Пустоши. И поверь мне, лучше много ночей просидеть в темной комнате в подвале, чем вернуться туда, откуда я родом.

– Я читала про это место.

– Ты что, читать умеешь? – с изумлением и недоверием

спросил звонкий женский голос за моей спиной.

Я замерла, не зная что ответить на такой оскорбительный вопрос. В этом доме вообще кто-нибудь может разговаривать нормальным тоном, кроме Бонни?

– Мы все на Юге умеем читать, – сказала я, не оборачиваясь.

Кроме, пожалуй, тех, которым ничего не хотелось изучать в школе, а их родители и не настаивали. Но я об этом умолчу, и эта северянка никогда не узнает об этом!

– Да ну? Сейчас проверим, насколько хорошо ты читаешь!

Я слышала, как застучали каблуки по мрамору, отдаляясь от столовой.

– Леона, Николь очень хорошая девушка. Это племянница Жана, – тихим голосом сказала мне Бонни, разглаживая салфетку. – Ты не обижайся, она не со зла. Я-то тоже не слишком хорошо читаю.

Да я смотрю, тут все не со зла стреляют в грифонов и запирают в подвале! Так, по-доброму, просто захотели и сделали! Стук каблуков опять стал все громче, и я мысленно посчитала до семи, чтобы успокоиться. Дальше я не успела, потому что звонкий голос вновь прервал все мои действия.

– Вот! Я нашла. Я сама не могу быстро это прочитать...

Я посмотрела направо и обнаружила Николь уже рядом с собой. Только не закатывай глаза, Лео! Терпение не твой конек, но теперь слишком многое поставлено на карту. Я взглянула на обложку книги и с трепетом обнаружила, что мой

план уже начал осуществляться.

– "Географические открытия", – произнесла я вслух и не смогла не улыбнуться.

– Держи! – Николь передала книгу мне в руки и села на прозрачный стул. – Ну садись рядом и почитай что-нибудь, – произнесла она, хлопая ладонью по спинке стула, стоящего рядом с ней.

Я присела и сдержала свой порыв открыть в книге страницы про Крайний Север. Нельзя показывать свою заинтересованность. Безразличие, бесстрастность, безэмоциональность должны на время стать моими помощниками в прохождении этого этапа пути, этого края обоюдоострого лезвия, где шаг влево или вправо означал провал и гибель. Я открыла страницу про Побережье, где на пол страницы красовалось лазурного цвета море, и начала читать, быстро и четко произнося каждое слово. Николь меня не останавливала, и мне пришлось прочесть целую главу. А потом раздались аплодисменты, но не от девушки, сидящей рядом со мной, а от юноши, стоящего в дверном проеме.

– Ну надо же! Они все-таки умеют читать!

В его голосе злая ирония, а взгляд далек от восхищенного.

– Ник сегодня не в настроении, – сказала Николь, глядя на меня, как на диковинную зверушку.

Только сейчас я обратила внимание на то, что девушка очень красива. Пожалуй, слишком прекрасна для северянок, которые были в моем воображении. Они представлялись мне

белобрысыми, бледными, блеклыми и с совсем непривлекательными лицами.

– Это было так прекрасно, – продолжала Николь. – Не обращай внимания на моего брата! Как тебя зовут?

– Леона.

– Леона, теперь ты официально будешь читать вслух книги, когда мне захочется различных познаний.

– Что, Николь, от твоих журналов, ты совсем деградировала и разучилась читать? – насмешливым голосом произнес Ник.

Я посмотрела на него с недоумением, думая, что уж со своей сестрой он обойдется без сарказма.

– Ты бы молчал, вечно угрюмый человек! Последнее время только и делаешь, что ворчишь.

– Хочу и ворчу, – пробормотал Ник и сел напротив Николь. – А ты к свадьбе готовься!

– Какой ты добрый, братишка!

Наверное, все братья и сестры примерно так и препираются, я с Экбертом не исключение, но эти превзошли даже нас. Я встала со стула и медленно отходила назад с книгой в руках, надеясь, что про меня забудут. Бонни уже успела все сделать за меня и скорее всего ушла за горячим блюдом, пока я читала Николь.

– Куда пошла? – грубо поинтересовался Ник, пристально глядя на меня.

– За горячим, – отозвалась я, пытаясь прикинуться про-

стушкой.

– С книгой?

Я сделала вид, что впервые увидела ее в своих руках, и состроила озадаченное выражение лица.

– Я забыла про нее...

– Читать умеешь, а соображать нет?

Кто может посмотреть на Ника со злостью и оправдать себя тем, что такой жлоб достоин лишь этого? Только я! И опять я забыла о своем обещании сдерживаться и не привлекать внимания. Ник усмехнулся, поставил локти на стол и произнес:

– Я что-то не вижу горячего.

– А вот и оно! – За моей спиной показалась Бонни с тяжелым блюдом в руках. Проходя мимо меня, она шепнула. – Иди принеси гарнир и салат.

Демонстративно положив книгу на боковой столик, где стояла ваза с мерцающими розами, я направилась на кухню. В дверях, чуть не столкнувшись с Жаном, входящим в столовую, я быстро прошла в сторону кухни. Только там я смогла выдохнуть, пока брала в руки поднос с едой. Да, это было тяжелее, чем я могла себе представить. И дело даже не в работе, а в том, чтобы не показывать своих эмоций. Как оказывается, тяжело носить маски на лице!

Ужин трех людей, объединенных сложно невыносимым характером, на мое удивление, прошел спокойно. Никаких колкостей от Ника больше не было. Он как будто присмирел

в обществе своего дяди, а Николь поддерживала разговор за столом на нейтральные темы. Только когда я подливала воды в сверкающий стакан Ника, моя рука чуть дрогнула, потому что я заметила короткий взгляд, брошенный на меня, и не обещающий ничего хорошего.

– Дядя, почему наша прислуга ходит в зеленом? – скучающим тоном поинтересовался Ник, крутя свой стакан в руке.

Жан посмотрел на меня, как будто только сейчас впервые увидел. Весь ужин он как будто был совсем не здесь и вскользь слушал болтовню Николь.

– Почему на тебе такой яркий цвет? – спросил он меня, и его вилка застыла над тарелкой в ожидании.

– А нельзя? – тихо спросила я.

– Бонни! Ты что, не рассказала этой девушке, что прислуга одевается в этом доме в серое?

Бонни испуганно застыла с графином воды в руках, и я поспешила исправить ситуацию:

– О, нет, она рассказала...

– И? – судя по тону, Жан был явно не в духе.

Все шесть пар глаз уставились на меня, а Бонни смотрела в пол.

– И... – Я разглаживала складки своего платья, пока соображала, как успешно для меня и Бонни выйти из этой ситуации. – Ну у меня нет ничего подходящего для работы. Все яркое...

– Ты собиралась на Отбор, но у тебя вся одежда яркая? –

пролаял Жан, глядя на меня с яростью.

– Хм... – Только сейчас до меня дошло, что Рената мне говорила о том, что подбирала гардероб для Севера, и там были преимущественно темные цвета. Такой уж у них порядок, но еще вчера я и подумать не могла, что буду сама жить в этом порядке. – Простите. Я забыла...

Громкий звук выдвигаемого стула не предвещал ничего хорошего. Жан двигался ко мне уверенной походкой, в которой я тоже не видела ничего хорошего.

– Но, дядя, – начала было Николь, и была остановлена одним лишь жестким взглядом.

– Пойдем.

Жан прошел мимо меня, и я поплелась за ним. Позади что-то тихо шептала Бонни, Николь резким тоном отчитывала своего брата, но я ничего не различала и ни на кого не взглянула. Когда мы повернули к знакомой двери в подвал, мое сердце глухо стукнуло и замерло. Пугала ли меня темнота? Да. Темнота пугала меня необъяснимо, просто на каком то сверх метафизическом уровне. Но еще больше меня пугала потеря времени, потому что книга "Географические открытия" все еще лежала на боковом столике. Про нее все забыли, кроме меня.

– Возможно, завтра утром выпущу, а может, и нет, – сказал Жан, и стена темной комнаты начала задвигаться.

Я подняла руку и помахала свету, попрощавшись с ним надолго. Для меня настала длинная ночь, в которой не было

места покою и радости.

Глава 7

Заветная дверь открылась лишь ранним утром. Жан спешил на работу и выпустил меня из заточения для того, чтобы я подала ему завтрак в столовой.

– Еще несколько таких ночевок, и станешь как шелковая, – с усмешкой произнес он, поднимаясь по лестнице.

Я посмотрела в спину Жана и представила, как ударяю по ней чем-нибудь тяжелым. Вся моя, по его мнению, шелковая натура возрадуется такому возмездию. А еще лучше посадить его самого в эту маленькую комнату на ночь, неделю, месяц, надолго-надолго! Вот тогда он, может быть, поймет, каково это, ночевать в полной темноте, когда легко мерещится всякое, устрашающее душу, ощущать, как по твоим ногам что-то ползает, а в углу кто-то шуршит.

За несколько минут я успела кое-как привести себя в порядок. На кровати лежало темно-серое платье, непонятно откуда взявшееся, но выглядевшие вполне неплохо, если не обращать внимания на его немного мрачный оттенок. К моему счастью, оно мне подошло по размеру, даже оказалось чуть свободным. Я вспомнила, что почти ничего не ела за прошедшие сутки, но аппетита после бессонной ночи, ледящей душу, да и с ползающими неизвестными тварями, совсем не прибавилось. Напомнив себе, что все страшное осталось внизу, я прикрепила брошку с белочкой на плечо и отправилась на кухню. Бонни уже все приготовила и красиво

разложила по тарелкам. Мне оставалось только отнести еду в столовую.

– Как ты? – поинтересовалась женщина, вкладывая в мои руки поднос с тарелками.

– Все хорошо.

– Да как же хорошо! Еле на ногах стоишь... Ничего, сейчас накормим хозяев и сами поедим.

– Конечно! – подтвердила я и, тяжело вздохнув, направилась в столовую.

Все трое уже сидели за столом. Жан читал письмо, даже не посмотрев в мою сторону; брат и сестра негромко что-то обсуждали. Они заметили меня и перестали говорить. Николь виновато улыбнулась, как будто она была причиной моего заточения. Ник разглядывал свои ладони на столе, словно впервые видел.

Я все сделала идеально, как и хотела: еда была подана, чай разлит по чашкам, два кусочка сахара были положены в чашку Жана. А самое главное на мне было платье нужного цвета, и хозяин дома больше не сможет придираться ко мне из-за одежды.

Только сейчас я обратила внимание, насколько отличалась еда на Севере от нашей. Сыр был красиво порезан и украшен оливками, кусочки колбасы и буженины были причудливо изогнуты, огромное количество разнообразных фруктов громоздилось на большой тарелке, образуя полную симметрию, а в заварочном чайнике плавали неизвестные

мне цветы, распустившие свои лепестки после добавления горячей воды. Даже хлеб и свежее испеченные пирожки расположились на блюдах в виде цветов. И это не праздничные блюда, а вполне себе будничный завтрак северян!

Я вспомнила, как Экберт, часто выбиравший между тем, чтобы встать на работу вовремя и поспать чуть подольше, последнее, на ходу запихивал хлеб или омлет за щеку, торопливо жуя, а мама просто ставила тарелку с едой на стол, не думая ни о какой красоте и симметрии. Да, это была наша простая жизнь, без лишней суеты и ненужных нам изысков. Но как же я уже скучала по такой непритязательной жизни!

По завершении завтрака мысленно я себе поаплодировала, настолько все хорошо прошло. Еще больше радости прибавилось, когда я увидела книгу, все так же лежащую на боковом столике. Даже задание на сегодняшний день разобрать подвал не помешало моей сокрытой внутренней радости.

Я быстро справилась с уборкой стола, и на кухне меня тоже ждал завтрак. Все, что оставалось на кухне от завтрака, а готовилось всегда много, с лихвой, доставалось слугам. За нашим столиком уже сидели садовник и уборщик, тоже южанины, перешедшие возраст, когда нужно было уезжать на Край. Все, кто переехал с Юга на Север, освобождались от этого. Садовника звали Ларри. В моей голове сразу возникли строчки из песни про его тещку, поймавшего большую рыбу, хотя сама песня никогда не вызывала у меня восторга. Вид его был степенен и немного угрюм. Уборщика звали

Брамс, мне он виделся добродушным и незамысловатым человеком.

– Леона, садись и поешь, – сказала Бонни, отодвигая мне стул. – Сколько времени без еды была, бедная девочка!

– Ешь, Леона. У Бонни всегда все вкусно, – произнес Ларри, а Брамс кивнул с полным ртом, подтверждая.

Глядя, как быстро расправляются мужчины со своим завтраком, я попыталась поесть. Пирожок с вишней, приготовленный Бонни, наверняка, был вкусным, но я ничего не чувствовала. Просто машинально жевала его и запивала горячим чаем. Возможно, так мой организм реагировал на мой внезапный отъезд на Север, а возможно, у меня все-таки было сотрясение мозга. Я читала в одной книге из Храма, что при сотрясении совсем нет аппетита. И да, его не было.

– Леона, тебе не нравится еда? – спросила Бонни, глядя, как я медленно справляюсь с пирожком.

– Очень нравится, – заверила я ее. – Никак не могу прийти в себя после этой комнаты...

– Бедняжка! – всплеснула руками Бонни. – Взяла всю ответственность на себя, хотя я и забыла сказать про серый цвет. Так закрутилась с ужином.

– Вы не виноваты. Я должна была спросить. А это вы мне положили на кровать платье?

– Нет, у меня нет ничего подходящего для тебя. Предыдущая девочка сбежала отсюда, забрав все вещи с собой.

– Это я дала тебе платье, – прозвучал голос Николь.

Она внезапно появилась на кухне, отчего мужчины, уже поевшие и говорившие о различных пустяках, тут же засоби-ралась по делам. Бонни, собрав тарелку еды нашему охран-нику, ушла вслед за ними.

– Спасибо, – произнесла я, вставая из-за стола.

– Продолжай свой завтрак. Ты такая худенькая.

Я опять присела. Николь расположилась рядом со мной.

– Знаешь, Николас не хотел, чтобы все закончилось вот так. Мой брат хороший человек, он сделал это не со зла. – Я хмыкнула про себя, услышав полное имя этого сноба. – Мы все сидели *там*. И мы понимаем, что это ужасное наказание.

– Ничего особенного. В темноте спокойно и лучше думается, – сказала я, поведя плечом, хотя, конечно, это было не совсем так. Более того, это было совсем не так!

– А ты смелая, – похвалила меня Николь, и не заметила, как я дрогнула из-за воспоминаний об этой ночи.

Я незаметно дотронулась до своей коленки, потому что мне показалось, что по ней кто-то опять ползет.

– Ты мне нравишься, Леона. Давай дружить.

– Давайте.

– Обращайся ко мне на “ты”.

– Хорошо, – медленно проговорила я,

Вообще, мне все это не очень нравилось. Для Николь я была своего рода новой забавой, развлечением. Пообщается со скуки и забудет обо мне. С одной стороны, хорошо иметь кого-то на своей стороне, с другой – большого веса в этом

доме Николь не имела. Если Жан захочет снова запереть меня в темной комнате, он это сделает, никого не слушая.

– Наверное, ты хочешь знать, как мы, такие хорошие и добрые, оказались в этом доме? – с невеселой улыбкой спросила Николь, а ее рука тем временем потянулась к кусочку сыра, лежащего на тарелке.

– Если вы... ты захочешь мне рассказать об этом.

– Ты когда-нибудь доешь свой пирожок? Глядя на тебя, я уже второй раз позавтракала. Я всегда, когда нервничаю, много ем. А эту неделю особенно часто. Ты знаешь, я скоро замуж выхожу. – сказала Николь, отправляя в рот оливку. – Мужчина достойнейших кровей... – помедлив, произнесла Николь.

Я поняла, что последней фразой она спародировала Жана и чуть улыбнулась.

– Это же хорошо?

– Ну конечно! – хлопнула в ладони Николь и прикрыла на секунду глаза. – Лучшая кандидатура для меня. Подумаешь, что он возраста моего дяди, зато намного богаче нас. Не слишком красив, но разве в красоте дело!

– Да, дело совсем не в красоте, – подтвердила я.

Глядя на Николь было понятно, что ей особо радоваться нечему. Я видела счастливых невест у нас на Юге, их глаза светились радостью. Девушки как будто парили над землей, готовясь к своей свадьбе. А у Николь был удрученный вид, потухший взгляд, как будто она готовилась к своим похоро-

нам.

– Теперь ты мне будешь помогать в подготовке моей свадьбы, – чуть веселее произнесла Николь. – Возможно, мне даже удастся взять тебя с собой в мой новый дом, и никто не будет запирать тебя в подвале.

– Это отличная идея, – сказала я, но сразу осеклась, подумав, даст ли на это согласие Жан.

Я отправила в рот последний кусок пирожка, чтобы больше не отвечать Николь. Я еще никогда не общалась такими простыми фразами. Похоже, маска на моем лице теперь держится крепко, и совсем другая Леона сидит на этой кухне.

– Пойдем, я покажу тебе сад, – потянула меня за руку Николь, когда заметила, что я закончила с завтраком.

– Я бы с удовольствием, но мне нужно разобрать подвал, – вздохнула я.

– Дядя вернется только вечером. Пойдем подышим воздухом!

– Ну если на чуть-чуть.

Мы пошли в сад, столкнувшись в дверях с Бонни, которая пожелала нам хорошей прогулки. Утренняя прохлада бодрила, воздух был свеж, ветер разносил пряные запахи каких то трав.

– Почему-то я всегда думала, что на Севере круглый год снег и холод...

Я внезапно поняла, что сказала эту фразу вслух, и это было первое, что прозвучало от настоящей Леоны.

– Глупости! Север разный, – запальчиво, с оттенками превосходства произнесла Николь.

– А почему место называется Ледяная Долина? – поинтересовалась я.

– Захотели красивое название и придумали. У нас холодно только зимой, вот тогда все действительно становится похоже на Ледяную Долину. А сейчас лето. Тепло и хорошо. Тепло и хорошо... – она задумчиво повторила последние слова.

"Ну, у нас все равно теплее", – подумала я, обхватывая себя руками, чтобы согреться. Какой-то холодок все же добрался до меня. Мы шли по дорожке, выложенной серым мрамором, а вокруг росли причудливые цветы и деревья синего и все того же скучного серого оттенка. Лишь розы, которые окружали беседку, красиво мерцали розоватым цветом, а тяжелые капли росы, упавшие на лепестки и листья, казались серебряными слезами, отчего розы выглядели немного поникшими. Или мне просто так казалось. Я привыкла к различным оттенкам растений, что мне было очень странно наблюдать скучную монотонность в цвете.

– Как тебе сад? – спросила Николь и остановилась около бледных небольших цветов, похожих на незабудки.

– Очень необычно, – вздохнув, ответила я.

– Да, точное определение. А в нашем саду, в саду нашего с братом детства, были все цвета радуги... И это было так красиво, что я никогда не смотрела на радугу в небе, потому

что она была со мной на земле.

– В моем саду тоже было много красок, – воскликнула я, и на глазах появились слезы.

– Скучаешь? – в голосе Николь слышалась грусть.

Такой вопрос люди не задают на Юге. И так понятно, что каждый скучает по прошлому, особенно, когда настоящее преподносит сюрприз за сюрпризом, не всегда, совсем не всегда являющимися радостными и приятными.

– Конечно скучаю!

– Я тоже. Но ты ведь добровольно отправилась сюда, а нас с братом забрали. Наши родители погибли, когда мне было тринадцать, а брату четырнадцать. Ты знаешь, когда мы сюда только приехали, здесь была еще наша бабушка. Только благодаря ей мы не сбежали из этого места, потому что она так любила нас, была так добра к нам. Даже странно, что у нее оказались два сына такими разными. Один, наш папа, был великодушным и отзывчивым. Все южане мечтали работать в нашем доме... А второй – мой дядя. И ты сама, наверное, уже поняла, какой он.

Николь остановилась у синей ели и присела на двухместные качели. Я села рядом с ней, мой взгляд устремился вверх, к небу... А небо здесь было такое же, как и у нас, высокое, голубое, с молочно-белыми облаками, неторопливо плывущими по нему.

– У меня тоже есть старший брат.

Вот опять! Опять я сказала вслух то, что говорить не хо-

тела. Настоящая Леона стала показываться все чаще, а ведь Николь мне совсем чужая. О том, что она из стана недругов, мне почему-то не хотелось думать. Может быть я уже подпала под ее обаяние?

– Надо же, как здорово! Тоже ругаетесь по мелочам?

– Всякое бывало, – неопределенно ответила я.

– Вот и у нас тоже.

– Николь, я пойду, – сказала я, поднимаясь с качелей. – Не хочу бездельничать, когда впереди много работы.

– Ладно. Уговорю дядю сделать тебя моей собственной прислугой. И тогда будем гулять сколько угодно!

– Это было бы здорово, – ответила я и направилась в сторону кухни.

Честно говоря, я злилась... Вот как легко северяне играют судьбами южан, не спрашивая, хотят они этого или нет. Избалованная, маленькая девчонка эта Николь! Конечно, жаль, что она потеряла родителей и росла в этом ужасном доме, но кто дал ей право распоряжаться мной! Злилась и на себя. Ну нельзя быть такой эмоциональной, это может навредить моему делу, моей цели. Скорей бы уехать на Край и никого из этой семейки больше не встречать!

Я зашла в подвал, изо всех сил стараясь, чтобы не хлопнуть дверью. Нет, все-таки я излишне импульсивна, надо сдерживать себя. Как этому так быстро научиться? А ведь, хочешь не хочешь, придется.

Свет включился сам собой, хотя никаких выключателей я

не нажимала. Осмотрев все вокруг, я поняла, что проработаю здесь долго. Везде лежали большие коробки, полки завалены непонятными вещами, все это оказалось еще и очень пыльным. Я то и дело чихала, пока протирала поверхности коробок и полок. Даже наш маленький подвал был намного чище, чем этот! А еще говорят, что это у нас все грязно и запущено. Я вытерла ладонью пот со лба и порадовалась, что не успела помыть волосы утром после темной комнаты. Конечно, мне до сих пор мерещилось, что кто-то копошился в моих волосах, но это, видно, виновато мое воображение. На самом деле, ничего там нет. Я подошла к стене, за которой находилась моя ночная темница. Ни двери, ни рычага, чтобы стена отъехала, я не нашла. Странное место. Вот так забудет про тебя тот, кто посадил в эту комнату, и ты навеки заперта там. Я поежилась от такой мысли и сделала шаг назад.

– Эту комнату не открыть. Только Жан может.

Николас подошел так неслышно, что я вскрикнула от испуга и неожиданности.

– Как можно так пугать? – спросила я, разворачиваясь к нему, и обнаружила Николаса совсем близко от себя.

– Разве после этой ночи ты еще хоть чего-нибудь боишься?

Вот нахал! Еще имеет наглость спрашивать такое!

– Я никогда ничего не боюсь, – ответила я, стараясь придать своему голосу твердость и решительность, но, боюсь, это прозвучало слишком пафосно, как обыкновенная браватура.

да.

На его лице промелькнула ухмылка, а затем она сменилась привычным выражением скуки. Неужели на Севере недостаточно развлечений, чтобы эту скуку убрать? Занялся бы учебкой в конце концов, или работой... Экберту вот совсем некогда скучать, ему и отдохнуть-то с такой работой некогда!

– Извини за то, что тебя закрыли *там* из-за меня.

Мне наверное послышалось. Не может быть, чтобы этот напыщенный индюк просил прощения у меня!

– Шутка такая?

Николас смерил меня пронзительным взглядом и быстрым движением откинул челку со лба.

– Второй раз я извиняться не собираюсь. Слишком большая честь для южанки!

– Я и первого раза не просила, – произнесла я, скрестив руки на груди.

– Это я для себя, чтобы угрызений совести не было.

– А они у тебя могут появиться? – съязвила я.

Выражение лица Николааса изменилось и стало обиженным.

– Я не помню, чтобы разрешал прислуге обращаться ко мне на "ты", – сухо сказал он.

– Я тоже не разрешала.

– Хочешь опять туда? – Николаас кивнул в сторону стены, за которой была темная комната. – Ты, южанка, не смей так со мной разговаривать! Чего ты усмехаешься?

"Если бы ты только знал, что во мне есть и северная кровь!" – думала я про себя. Но что я делаю? Судя по моему поведению, во мне закипает южная кровь, иначе как объяснить очередное отклонение от запланированного? Дать мне волю, так я сожгла бы весь этот дом с его темной комнатой. Но я должна вести себя по-другому! Наверное, сегодняшняя ночь все-таки аукнулась во мне... Или я всегда такая с людьми, которые мне неприятны? Но с Жаном я такого себе не позволяла, а Нику почему-то грубила, хотя он пришел извиниться. Не такой уж он плохой, раз смог это сделать, а я, получается, не слишком хорошая.

– Извините. Я не знаю... – я не договорила, потому что просто не знала, что сказать.

Затем, растерянная, вернулась к вещам, которые нужно было разобрать. Когда же я решила посмотреть на то место, где стоял Николас, там никого не было.

К обеду с подвалом было закончено. Все тяжелые коробки идеальными рядами стояли вдоль стенки, а то, что полегче и поменьше размером, разместилось на полках. Я была очень довольна собой, и даже обед, на котором присутствовали трое друзей Николаса, с такими же высокомерными манерами северян, не испортил мне настроения. Я не обращала внимания на их обидные шуточки в отношении южан и меня в частности, но со скрытой радостью приняла предложение Бонни самой довести обед до конца. Сев рядом с Ларри и Брамсом за стол на кухне, я даже смогла нормально поесть.

Потом отнесла обед охраннику по имени Эдвард, которому строго-настрого было запрещено отходить с рабочего места. И у меня уже оставалось так мало сил, что еле стояла на ногах. В моем распоряжении было немного личного времени. Я добралась до своей комнаты и легла на кровать. До подготовки к ужину еще несколько часов, а мне очень нужно хоть немного отдохнуть... Последнее, о чем я подумала, проваливаясь в сон, была книга, все так же лежащая на боковом столике в столовой. Сегодня она будет моей!

Меня разбудила Николь, которая щекотала травинкой по моим глазам, щекам и носу, пока сон окончательно не пропал от моего чихания.

– Чихаешь как маленький котенок. Будь здорова! – как ни в чем не бывало произнесла Николь и села на край кровати.

– Спасибо.

В ногах лежало платье светло-серого цвета. Николь проследила за моим взглядом и произнесла:

– Я тут покопалась в своей одежде и нашла еще одно подходящее для тебя платье. Нравится?

Я не успела ничего ответить, как Николь соскочила с кровати и потянула меня за собой. Прислонив ко мне платье, она оценивающе оглядела и вынесла вердикт, что оно мне идет больше, чем ей.

– Красивое, – произнесла я, касаясь кружевных оборок. – А оно точно тебе не нужно?

– Да у меня полно другой одежды! И я не знаю, как у вас на

Юге, а у нас девушки больше любят носить брюки. Потому что холодно...

Я вспомнила свой дорожный костюм, состоящий из единственных брюк и кофты, и с грустью вздохнула. Сейчас он был в неприглядном состоянии, весь в грязи и пыли, но я не теряла надежды вернуть ему прежний вид.

– Тоже ходим, но редко. Чаще шорты или платья, потому что жарко.

– Шорты? – поморщилась Николь. – Я думала этот вид одежды давно уже в прошлом.

– Так мы на Юге и остались в прошлом. Все современное у вас, – высказалась я, но сразу осеклась.

– А в прошлом тоже много всего хорошего. Но точно не шорты! Пойдем! Через два часа Жан придет, а у нас много дел.

Я вздрогнула от имени хозяина дома, и тут же пошла за Николь. Ее светлые волосы к вечеру были красиво уложены в замысловатый пучок, и я невольно залюбовалась прической, зная, что мои волосы сейчас далеки до идеальных. Я собрала их в хвост, пока мы шли в холл, чтобы они не мешали. Какое-то время мы сидели на диване и просматривали журналы, в которых красовались северянки в ультрамодной одежде. Николь загибала страничку, если ей нравилась блузка или платье, чтобы потом заказать их. Долго заниматься такой чепухой я не смогла и под предлогом помощи в подготовке отправилась на кухню к Бонни. Она дала мне самое лег-

кое задание – порезать овощи на салат, что я и принялась делать. Бонни вспоминала Пустошь, и ее страшные рассказы о несправедливой, почти рабской жизни там, придавали мне уверенности, что я на правильном пути, и мои усилия не должны быть напрасными. Мир должен стать лучше. Ничего хорошего северяне нам не дали, наоборот, лишили нас высокой культуры, обобрали, принизили и сделали это нормой. Подумать только, вся прислуга в этом доме – южане! Себя я тоже причисляла к ним, потому что не желала хвалиться северными корнями даже в своем подсознании.

– Бонни, а чем занимаются Николь и Николас? – спросила я, услышав громкий смех в саду. Это друзья Николаса расположились в беседке и веселились от души.

– Они учатся в университете, а сейчас у них летние каникулы, – отозвалась Бонни, не прекращая стучать молоточком по мясу, чтобы оно было мягче и нежнее. – Николь хочет быть модельером, а Ник хирургом. Одна будет украшать людей, другой спасать.

Теперь понятна тяга Николь к одежде и журналам... Но от Николаса я такого не ожидала.

– И он, конечно же, поедет на Юг, чтобы попрактиковаться на больных у нас!

– И поеду! – сказал Николас, вдруг появившись в стеклянных дверях.

От неожиданности у меня выпал нож, которым я резала помидоры, и со стуком упал на стол. Сколько можно так под-

крадываться!

– Что-то имеешь против этого? – вкрадчиво спросил Николас, умудряясь выхватить кусочек огурца из миски передо мной.

О да, еще как имею! У нас на Юге только такие и есть, постоянно меняющиеся, врачи-практиканты, живущие в Лесу, в Долине Озер, до которых еще и добраться надо больным южанам. Что уж говорить, что из Пустыни почти никто не добирается до врачей! Хорошо, что южане привыкли лечиться травами, от которых намного больше толку, чем от таблеток, изготавливаемых северянами, которые могут лечить одну болезнь и привести к другой болезни, намного хуже. А врачи в Долине Озер... без необходимого опыта, а некоторые и без нужных знаний. Южан не жалко, это же почти что рабы...

Эмоции, наверняка, были заметны на моем лице, но вместо того, что я подумала, я старалась говорить спокойно и рассудительно:

– Нет. Наоборот, хорошо, что северяне заботятся о нас. Как бы мы лечились без вас, ведь врачей среди нас нет. – И все же не удержавшись, добавила: – Мы же, по вашему тупиковая ветвь человечества, даже читать не умеем!

Так, а вот это я зря. Последняя фраза была лишней. Бонни всплеснула руками и быстро повернулась, чтобы достать из шкафчика специи.

– Я уже понял, что вы умеете читать. Но вот врачами вам

никогда не стать, слишком. . .

– Тупые? – подсказала я нужное слово и вернулась к резке овощей.

– Неразумные, – поправил Николас, стоя передо мной и все еще таская из миски кусочки овощей.

Конечно! Разумный ты наш, даже руки не помыл, а еду берешь из общей миски. Кто только тебя воспитывал? Именно такие мысли и близкие к ним пронеслись у меня в голове. И тут меня пронзила дрожь, потому что я поняла, *кто* занимался воспитанием Николь и Николаса последние годы. С таким воспитателем и не таким напыщенным индюком станешь!

– Может мы такие, потому что лишены образования, как у вас? – не удержалась и спросила я, придвигая миску поближе к себе и подальше от голодного Николаса.

– Вы же сами не хотите учиться! – рассмеялся в ответ мне Николас.

– Кто тебе такое сказал? – Я услышала предостерегающее покашливание Бонни, но все равно продолжила, лишь исправив "ты" на "вы". – Вы думаете, что я хотела быть прислугой, что Бонни всю жизнь мечтала готовить вам ужины, а Брамс чистить ваши туалеты?

Николас посмотрел на меня удивленно и обеспокоенно, как будто впервые задался этим вопросом, да и то не сам к нему пришел. Я даже видела, как его лицо стало сосредоточенным, будто он складывает пазл, который до этого соби-

рал легко и непринужденно, а теперь с трудом, потому что появились новые детальки.

– Иди принеси лимонад моим друзьям, – произнес он, наконец.

Я разочарованно посмотрела на него. Лишние детальки были просто отброшены в сторону. Мне казалось, что он мог бы понять южан, но нет, слишком твердолобый. Что там говорила Николь про отца, что все южане мечтали работать в их доме? Ну тогда Николас пошел не в него!

Я поставила графин с лимонадом и стаканы на серебряный поднос и направилась в сад. Друзья Николаса заготовили как гусаки, как только меня увидели. Ох уж этот птичий двор, не хватает только индюка, оставшегося где-то в доме! Не обращая внимания на смех, я, мило улыбаясь, поставила поднос на стол в беседке и ушла. Свою гордость, свою решительность дать отпор наглецам я постаралась спрятать подальше, пока что, до поры до времени. Вот так то, Леона! Маска хорошо приклеена к лицу, но так хочется отбросить ее далеко-далеко, когда станет можно, когда она уже не понадобится...

Остаток вечера прошел спокойно. Друзья Николаса уехали до ужина, а Жан опять был задумчив и молчалив. Платье на мне было нужного цвета, сервировка стола была правильной, и все, что мне оставалось, так это ждать, когда закончится ужин, и все разойдутся по своим комнатам, и тогда я приду сюда за книгой.

– Леона! – внезапно рывкнул Жан, когда все приступили к десерту.

– Что? – в смятении спросила я, заранее чувствуя какой-то подвох.

Николь и Николас застыли с чашками чая. Что-то надвигалось на меня. Ох, только бы не темнота!

– Что, господин? – поправил меня Жан, и мне пришлось повторить ненавистное слово. – Все забываю спросить про этого грифона... – Я сжала губы, но ничто больше не отражало моих эмоций. – Как там его, Лу?

– Ру.

– Точно! Этот Ру... Он летел за тобой? Ты так часто говорила слово "мой", когда просила в него не стрелять...

Глаза Николь округлились, и она с сочувствием посмотрела на меня. А внутри меня кто-то шептал одно единственное слово: "Соври!"

– Нет, ну что вы! Просто мне жаль всех существ...

– Точно? Мне показалось, что грифон летел именно за тобой!

– С чего бы? Я простая южанка!

– Да, с чего бы... – задумчиво произнес Жан, и взгляд, который он на меня бросил, напугал уже намного сильнее, чем темная комната.

Больше Жан не приставал ко мне с вопросами. Ужин завершился, я помогла Бонни все прибрать. Затем мы сами перекусили и отправились спать. На часах было уже почти

одиннадцать, когда я тихо-тихо пробралась в столовую и взяла заветную книгу в руки. Осталось только дойти до своей комнаты и зажечь свечу, которую я заранее позаимствовала из подвала, когда перебирала коробки. Я развернулась и... впечаталась в кого-то. В любой другой ситуации я бы вскрикнула, но кричать было нельзя, я лишь почувствовала, как мурашки устроили командные соревнования на моей спине.

– Какого... – услышала я знакомый голос Николаса и тут же успокоилась.

– А это ты, индюк!

– Кто? – очень громко пронеслось по дому так, что я подпрыгнула.

– Тише, пожалуйста!

– Это я индюк? – уже потише, но все еще слишком отчетливо для такого тихого и сонного дома, произнес Николас.

– Да какой индюк? Я этого не говорила.

В темной столовой я едва различала черты его лица, но я все равно поняла, что на его губах появилась насмешка.

– Что ты тут делаешь?

– А вы?

– Я первый спросил!

– Мм... Я кое-что потеряла.

– И что же?

Николас скрестил руки и встал на проходе, намекая, что пока его допрос не закончится, я отсюда не уйду. Незаметно, благодаря темноте, я вернула книгу на боковой столик, ря-

дом с которым стояла. Надо же, какая неудача, что этот индюк разгуливает среди ночи по дому... Я коснулась пальцами своего запястья, чтобы потрогать браслет, который спас меня в прошлую ночь от страхов и кошмаров. Я всегда трогала его гладкую поверхность, вспоминая о папе, которому еще страшнее, чем мне, ведь он находился на Крае рядом с безобразными и опасными чудовищами, а я всего лишь была в комнате, в которой было темно. Вот только сейчас браслета на моем запястье не оказалось.

– Нет! – теперь уже я позволила себе громко вскрикнуть, забыв об осторожности.

– Ты чего кричишь? – тихо поинтересовался Николас, наверняка сомневаясь в моей нормальности, потому что в одно мгновение я включила свет и начала судорожно осматривать комнату. Вдруг свет погас.

В столовой вновь наступил мрак, в котором ничего нельзя было разглядеть. Я снова подошла к выключателю, но Николас перехватил мою руку у самой кнопки.

– Ты с ума сошла? Разбудишь дядю, и тогда...

Николас не договорил, потому что в доме раздались тяжелые шаги по лестнице. Я ойкнула от того, что Николас потянул меня за собой.

– Прячемся. Быстрее, – прошептал он мне, отодвигая скатерть, и мы оба вмиг оказались под столом.

При других обстоятельствах мне было бы очень смешно, потому что Николас оказался сейчас в равных условиях со

мной, простой прислугой. Мы, как нашкодившие дети, сидели под столом и ждали, что никто нас не найдет, и наказание минует. Шаги стали слышны уже совсем рядом, включился свет, и все вокруг замерло. Это был Жан, я уже в этом не сомневалась. У кого еще такие массивные ботинки, не у Николь же! Я прикрыла глаза и по методу Ренаты тихонько дернула себя за волосы, загадав, чтобы в этот раз все обошлось. Тяжелой поступью Жан обошел стол, потом задержался у окна, проверяя оконные замки, и, наконец, погасил свет и вышел из столовой. Мы дождались, пока шаги утихнут, и только тогда выбрались из-под стола. От волнения меня била мелкая дрожь, да и ночи на Севере все равно холоднее даже летом. Вон Николас, оказывается, был одет в джемпер, а на мне только тонкое платье.

– Кажется ушел. Расходимся, – шепнул мне Николас и осторожно направился к выходу. Мне показалось, что он был очень встревожен. И еще мне показалось, что причина его тревоги – я.

Я с сожалением посмотрела на то место, где едва виднелась книга. Еще больше я жалела о потерянном браслете, но искать его ночью по всему дому было плохой идеей. Возможно, я найду его в своей спальне, и тогда... Резкий свет фонаря ослепил меня настолько, что все мысли разом потерялись, кроме одной: мы попались! Николас застыл в метре от меня и даже не закрывал глаза от яркого света, как это делала я. Сейчас он был похож на древнюю статую, образ которой я

когда-то видела в книге из Храма.

– Что это мы тут делаем? – тихим, но от этого не менее ужасным голосом спросил Жан. Он сидел на самой нижней ступеньке лестницы, и намеренно светил в глаза то мне, то Николасу.

– Я помогал искать Леоне...

– Браслет, – тут же подсказала я.

– Ник, я был лучшего о тебе мнения. Твои легкомысленные истории с северянками доходили и до меня, но чтобы южанка!

– Дядя, это не то...

– Молчать, когда я говорю!, – уже совсем не тихо, но так же страшно прокричал Жан.

Наверху лестницы послышался шорох.

– Дядя, что происходит? – раздался испуганный голос Николь. Ее шаги были еле слышны, но я поняла, что она начала спускаться к нам.

– Пошла спать! Тебя не касается! – Жан резко встал и направился к нам. – А вы за мной!

– Да я просто шел на кухню попить воды! – не оставляя свои попытки оправдаться Николас.

– Напился? – с сарказмом поинтересовался Жан и любезно пропустил меня вперед на лестнице, ведущей в подвал.

– Мы что вдвоем будем сидеть там?

– С сестрой сидел и с этой посидишь. Что поделывать, у меня нет второй такой комнаты, чтобы вас разъединить.

– Но дядя...

– Ник, замолчи! Видишь, эта идет и принимает свое наказание, не переча.

Николас затих и посторонился, пропустив меня первой, когда стена в темную комнату отодвинулась.

– А долго нам здесь сидеть? – Я решилась задать единственный вопрос, который меня действительно волновал.

– До утра, голубки! – со злостью произнес Жан, когда стена начала задвигался обратно.

Я устало прислонилась к шершавой поверхности и вздохнула. Когда-нибудь в этом доме я буду спать в своей кровати ночью? Николас стоял напротив и можно было протянуть руку, чтобы коснуться его. Маленькая комната даже для одного, не то что для двоих.

– Все из-за тебя! Не могла вести себя потише!

– Ты тоже не слишком тихо себя вел!

– Ко мне на "вы"!

– Еще чего! Мы в тесной комнате, где даже не присядешь, чтобы не задеть другого!

– Ты на что-то намекаешь?

– Ну уж нет!

– Что ты делала в столовой?

– Искала свой браслет! А ты?

– Я шел на кухню за водой, увидел тебя, крадущуюся в столовую, и решил посмотреть, что ты там будешь делать. Вдруг ты гвозди мне в стул вколачиваешь!

- Такими глупостями я не занимаюсь!
- А вдруг... Ты вообще за волосы себя дергала.
- Это для исполнения желания.
- И что ты загадала?
- Чтобы Жан нас не нашел!

Николас сначала хмыкнул, а потом не удержался от смеха.

- Не помогло!
- Помогло. Под столом он нас не заметил.
- Тогда загадай, чтобы нас выпустили!
- Уже!
- И?
- Завтра выпустят.

Какое-то время мы препирались, но вскоре устали от пустой болтовни. Похоже, сегодня ночью стало намного холоднее, потому что у меня уже зуб на зуб не попадал. Николас, до этого стоящий спокойно, начал как будто размахивать руками и случайно задел меня локтем.

- Эй, осторожнее! – воскликнула я.
- Надень, а то раздражаешь меня своим клацаньем!

Только сейчас я поняла, что Николас снял с себя джемпер и передал мне.

– Спасибо, – произнесла я, не в силах отказаться от такого щедрого предложения. Я быстро натянула на себя джемпер, который тут же начал меня согревать. – Но ты замерзнешь...

– Я – северянин, – не без гордости произнес Николас. – К холоду я привык.

– Ну конечно!

Больше говорить не хотелось.

– Сядь ближе ко мне. Так будет теплее, – сказал Николас, и я поняла, что это правильное решение, ничего другого он и не имел ввиду.

Я пересела к нему. Странно, но он и вправду не был холодным. "Наверное, закалялся прогулками по снегу босиком", – подумала я и не смогла не улыбнуться, представляя эту картину в своем воображении.

– Похоже, к утру я превращусь в птицу. Я сегодня то индюк, то голубь, – насмешливо произнес Николас.

– Или гусь... – произнесла я, запоздало понимая, что опять произнесла вслух свои мысли.

– Почему?

В голосе Николаса не было злости, он действительно хотел знать причину.

– Уже неважно! – сказала я, зевая. – Останешься человеком.

– Это радует.

Мы замолчали. Я задумалась о последних событиях этого вечера, когда слышала:

– Мне жаль твоего грифона...

– А мне жаль, что вы живете у такого жестокого человека...

В этот раз я не пожалела о том, что выразила свои мысли вслух.

Глава 8

Это было никак невозможно, но непростые события этого вечера сказались на мне и Николасе, и сон в один миг обрушился на нас. Вне сомнения мой сон оказался страшным.

Когда просыпаешься в темноте после кошмара, все кажется преувеличенным. Например, тот, кто сидит на корточках рядом с тобой, и кто отдал свой джемпер ради того, чтобы ты согрелась, сейчас кажется монстром. А бежать некуда, ты в ловушке...

– Ты что? – заорал Николас, потому что я пнула его ногой.

Оковы сна спали, но в темноте все еще не было спасения от страха. Я хватала ртом воздух, стараясь восстановить дыхание.

– Ты с ума сошла? – спросил Николас, на всякий случай отодвигаясь от меня подальше, но это было невозможно в такой тесной комнате.

– Извини.

Сказать большее я не смогла, лишь покачала головой, чтобы стряхнуть с себя воспоминания о страшном сне.

– Сижу с южанкой в тесной комнате, а та еще и дикая оказалась! И это я не про комнату...

– Я же попросила прощения.

Я смогла произнести нормальную фразу, а это значило, что тьма передо мной рассеялась. Не в буквальном смысле, в комнате все так же было темно. Зато мои монстры сбежали, поджав хвосты.

– Моей руке, которую ты ударила, легче от этого?

– Кто ее знает.

– Лучше молчи.

– И тебе того же.

Николас фыркнул и попытался вытянуть свои длинные ноги. Мне тоже было здесь тесно, но ему, с его высоким ростом, было еще хуже. Он пробормотал что-то, понятное только себе самому, и встал. Я решила тоже встать, заодно, подумав, что буду аж на несколько десятков сантиметров дальше от Николаса.

– Хорошо, что я вчера воды так и не попил, – произнес Николас почти весело и многозначительно вздохнул.

"Я тоже", – подумала я, но вслух ничего не сказала, прекрасно понимая, на что он намекнул.

– Интересно, сколько нам еще здесь торчать? Вообще не разберешь, утро сейчас или ночь.

Я молча разминала свои затекшие ноги.

– Эй, ты почему ничего не говоришь?

– Ты же сам просил молчать.

– А ты такая послушная, да? Не ходишь по ночам по дому, не пререкаешься с хозяевами...

– Как у вас все легко! Вы – хозяева жизни, а мы только прислуга... Ты не подумал, что я тоже жила свободной жизнью и не хотела вот этого? – Я развела руками, показывая, чего именно я не хотела, но Николас все равно ничего не различил в темноте.

– Но ты приехала сюда, зная, что тебе придется делать и как жить.

– А ты не подумал, что у меня не было выбора? И я должна была работать в библиотеке. – "Должна была учить детей!" – кричу себе и стараюсь сдержать обиду в голосе. – Вместо этого я нахожусь в маленькой комнатухе уже целую вечность!

– Ничего, привыкнешь.

– Привыкну? Да вы больные! Неужели у вас нет никакого закона на Севере, чтобы остановить тиранство Жана?

– Есть. Но он платит за наше обучение. Без этого мы не станем теми, кем хотим.

Вот теперь я замолчала не назло своему собеседнику, во-все нет, а потому что мне нечего было сказать. Мы все хотим быть значимыми, сделать свою жизнь правильной и успешной, вот только понятия об этом у всех различные, настолько далекие и непохожие, как небо отлично и далеко от земли.

– Будешь и дальше сидеть в этой комнате из-за малейшего нарушения? – прервав свои размышления о смысле жизни, спросила я.

– А тебе какое дело? – огрызнулся Николас, и я поняла по его тону, что вся эта ситуация задевает его. Он тоже не привык и никогда не привыкнет к такому обращению.

– Я простая южанка. Мне действительно нет никакого дела до того, что происходит в этом доме.

– Вот так и говори всегда.

– Так легче, да?

– Что легче?

– Не замечать, что твой дядя психопат. Вначале он наказывает тебя из-за нарушенных правил, неправильных действий, потом из-за одного, как ему покажется, неправильно взгляда, а может, и вообще ударить!

– Замолчи! Ты вообще свою семью, если она у тебя и была, оставила жить в отсталом захолустье. Просто взяла и уехала.

Его слова больно стегнули меня по сердцу, мое сознание вздыбилось, как необъезженный конь. Да если бы ты знал, что меня сподвигло покинуть моих близких! А настоящая Леона, пожалевшая этого индюка, замолкает. Пусть сам справляется со своими проблемами. Мне действительно до этого и дела нет. Сбегу отсюда, как только представится такая возможность, и живите, как хотите. Меня хоть греет мысль о том, что совсем скоро все это останется в прошлом, о котором я совершенно не буду жалеть, а вам еще здесь как-то существовать. Николь, правда, скоро упорхнет в другой дом, но кто знает, будет ли ей там лучше, чем здесь.

Задумавшись, я коснулась запястья, позабыв, что мой браслет уже не там. И быстрая, словно молния, мысль промелькнула в моей голове. А что если я потеряла его здесь, в этой темной комнате? Я тут же наклонилась и начала трогать руками холодный пол.

– Ну что ты опять делаешь? – спросил Николас с раздражением в голосе.

– Ищу. – Я сумела выговорить только одно слово, пото-

му что нащупала паутину в углу и, преодолевая отвращение (ненавижу насекомых, но еще больше их боюсь!), продолжила поиск.

– Браслет?

– Да.

– Вот этот? – Я встала и уставилась в темноту, где стоял Николас, но ничего не увидела. Чувствуя мое замешательство, он продолжил. – Браслет, который в моих руках?

– Отдай его мне! – воскликнула я.

– Чем докажешь, что он именно твой? Мало ли тут сидело южанок с браслетами... Интересно, какого он цвета?

– Синего.

– Сейчас я точно не смогу проверить это. Поверить тебе на слово?

Издевается! Судя по тону, еще и посмеивается надо мной. А я еще испытывала жалость к этому кретину!

– Отдай мой браслет.

– Не могу. Никогда не доверял южанкам.

Я, сделав всего один шаг, оказалась рядом с Николасом. Нет, не так, ведь мы и стояли почти рядом. А сейчас я просто вжалась в него, чтобы отобрать по праву принадлежащую мне вещь. Мои руки искали его руки, но Николас оказался хитер и поднял их вверх. Мне пришлось подпрыгнуть, чтобы достать до них, но безрезультатно – я не смогла коснуться ладоней. Что же он таким высоким уродился!

– Бедная девочка! Не может добраться до своей безделуш-

ки.

Я тебе покажу бедную девочку! Я тебе покажу безделушку! Ты еще у меня побалаболишь, индюк недощипанный! Мне необходим мой браслет, и я его верну себе. В мою голову мгновенно пришла идея – и я начала щекотать Николаса. От моей щекотки он резко опустил руки, и я непременно воспользовалась такой возможностью. Но каково же было мое удивление, когда я не нащупала браслета! В руках ничего не было, а звук падения я бы услышала...

– Я пошутил! – произнес Николас, чуть отодвигаясь от меня. – Я его не находил.

– Но как же ты... – я не сумела договорить, потому что стена начала отодвигаться, и яркий свет ослепил меня.

Но больше всего меня ослепляли злость и обида. Доверять на Севере нельзя никому, даже тому, кто отдал свою кофту девушке, которая мерзла. Я стащила с себя джемпер и кинула в сторону Николаса.

– Свободны, – рявкнул Жан и направился к лестнице. – Леона, через двадцать минут подаешь нам завтрак.

– Слушаюсь, – ответила я, оглянувшись на стену, которую забыл задвинуть хозяин дома.

Николас, выглядевший слегка помятым и растрепанным, проследил за моим взглядом, и удивление застыло на его лице. Наверное, такое было впервые: Жан действительно не закрыл темную комнату!

Двадцати минут мне хватило, чтобы привести себя в над-

лежащий вид и подать завтрак вовремя. Жан был чем-то явно озабочен и выглядел растерянно. Он почти не притронулся к своему завтраку, хотя Бонни расстаралась на славу. Фруктовый салат был украшен голубыми живыми цветами, которые оказались съедобными, потому что Николь и Николас с удовольствием поедали их. Круассаны утопали в шоколаде и вишневом джеме, а ярко-оранжевое мороженое сверкало в прозрачных креманках. Сыр тоже был сегодня необычный, с зелеными и голубыми вкраплениями. Он не слишком хорошо пах, но на вкус, как сказала мне Бонни, был таким великолепным, что можно было проглотить язык.

Глядя на все разнообразие еды, кажется, впервые за все время на Севере, я поняла, что очень сильно хочу есть. То ли сотрясение моего мозга прошло, то ли мой организм привык уже ко всему, что произошло со мной.

– Дядя, ты хотел что-то сказать Леоне, – произнесла Николь, выдернув Жана из его мыслей.

– Что? Ах, да. Леона, ты помогаешь готовиться Николь к свадьбе. Сегодня тебе разрешено поехать с ней, куда бы моей племяннице не вздумалось поехать. Уилл присмотрит за вами.

А вот это интересно. Имя, начинающееся на букву, на которую ни одно имя южан не начиналось... Значит, кто-то из северян будет следить за каждым нашим шагом, но, честно говоря, мне все равно. Я наконец-то выйду за пределы этого дома, и темная комната будет от меня далека как нико-

гда. Правда, я хотела воспользоваться забывчивостью Жана и осмотреть комнату при свете, да и понять, как отодвигается эта стена тоже бы не мешало. А еще найти браслет. И поискать библиотеку в этом большом доме, потому что "Географические открытия" больше не лежали на боковом столике. Но все эти дела потом. Меня ждала свобода!

Выйти за пределы дома и сада – это ли не счастье! Если быть точнее, то выехать на машине, неслышно движущейся по дороге, с прозрачными боковыми стенами. Уилл, наш водитель и телохранитель, вел быстро, но аккуратно.

Я видела все, мимо чего мы проезжали: дома, похожие на тот, где я жила, идеально выбеленный, с огромными прямоугольными окнами и металлическим блеском крыши; деревья приглушенных цветов, таких же людей, облаченных в не слишком яркие одежды. Вокруг все сверкало чистотой и правильностью форм. Слишком скучно... Как будто все улицы были созданы ради мечты одного перфекциониста. А на Юге ничего не блестело, кроме бликов солнца на поверхности воды и росы на траве, не было всей этой геометрии, зато чувствовалась свобода, не смотря на то, что ее как раз нам и ограничили северяне. Все эти сверкающие здания, на которых мелькала слишком ярким светом реклама ресторанов и магазинов, тоже красивы, но к ним привыкаешь, от этого всего глаза быстро устают, ведь это иллюзорная красота, на нее невозможно смотреть долго. А на колышущуюся траву на южных лугах я могла смотреть долго, а еще на первые

звезды, проглядывающие в серых сумерках, да много чем, что было на моей родине, я могла любоваться бесконечно... Я вздохнула, вспомнив свою семью. Как они? Что делают сейчас? Кто теперь вносит в их размеренную жизнь чуточку сумасбродности... Потом я подумала о своих друзьях и поняла, что мне очень их не хватает.

– О чем думаешь? – поинтересовалась Николь, до этого уткнувшись в очередной журнал, а теперь со скучающим видом смотревшая в окно.

– О своих друзьях.

– Сейчас забудешь обо всем! Мы приехали.

Машина остановилась около высокого стеклянного здания с мерцающими неоновыми вывесками. Вокруг были однотипные здания, такие же высокие, стеклянные, только реклама различалась на них. Чувство разочарования возникло мгновенно. Я напрасно думала, что почувствую здесь свободу. Та же комната, только большего размера, и облаченная в неон и стекло.

Мы зашли в огромный холл, где в центре красовался большой фонтан с синей подсветкой. Я давно заметила, что северянам нравятся холодные тона, а теплых они предпочитают сторониться. Я успела провести рукой по холодной воде, почувствовав брызги на своем лице прежде, чем мы свернули в сторону красовавшейся вывески, где было изображено пышное красное платье. Мы прошли через крутящуюся прозрачную дверь и попали в царство свадебных платьев. Все

они были красного цвета, потому что у северян существовал такой свадебный обычай: невеста в красном, жених в сером или серебристом.

Платье Николь, окаймленное бриллиантовой россыпью, стоило целое состояние. Дизайнер платья, худая, с серыми глазами и короткими платиновыми волосами женщина, явно была в восторге от своего творения. Я сама залюбовалась Николь в этом платье. Подчеркивающее ее хрупкую фигуру, оно явно показывало, кто будет самой прекрасной невестой Севера, если только этой невесте удастся убрать печальное выражение со своего лица.

– Николь, ты очень красива! – подбодрила я девушку, но та лишь махнула рукой и ушла в примерочную.

– Не понравилось? – спросила дизайнер платья таким отчаянным тоном, что мне пришлось приврать.

– Что вы! Даже слишком понравилось, – заверила я ее, но тут мы обе услышали громкие всхлипывания из примерочной. И я поспешила добавить. – Расстроилась, что придется снимать.

Дизайнер улыбнулась мне и дотронулась до брошки в виде белки на моем плече.

– Красивая. Интересный дизайн... и материал.

– Друг сделал специально для меня.

– За сколько продашь?

– Ой, нет. Брошка не продается.

– Торгуешься?

– Совсем нет. Она действительно бесценна для меня. Пойду помогу с платьем.

Направляясь к примерочной, я успела заметить недовольный взгляд дизайнера, которая явно не желала понять, почему я не продаю ей брошку. Ох уж эти избалованные северяне! Неужели у них не существует дорогих для их сердца вещей, которые не могут измеряться материальным?

Заходить в кабинку к Николь мне не хотелось, но и слышать ее рыдания совсем рядом, было невозможно. Я отодвинула неоновую дверцу и обнаружила девушку на полу в полурасстегнутом платье, подол которого явно был порван. Нервно сглотнув и радуясь, что дизайнер не видит того, что случилось с ее творением, я быстро прикрыла за собой дверь. Николь увидела меня не сразу. Окруженная своим неведомым мне горем, она была окутана им, как коконом, сквозь который не могла выбраться на свет. Только сейчас я окончательно поняла, что свадьба действительно была для нее трагедией.

– Помоги мне снять его, – прошептала она, вытирая ладонью глаза.

Я подошла к Николь и за несколько долгих минут освободила ее. Платье было тяжелым, ведь драгоценных камней на нем было так много, что мои глаза не могли смотреть на него слишком долго. И все равно оно было прекрасным и достойным самой королевы. Но королевы остались только в сказках, которые я любила читать до сих пор.

– У вас там все в порядке? – спросила дизайнер за дверью.

– Все хорошо. Невеста перенервничала, это бывает, – наспех ответила я и передала Николь бутылку воды, которую предусмотрительно захватила с собой из машины.

– Все хорошо, – передразнила она мою фразу. – Через неделю я выхожу замуж за старика! Как думаешь, я могу себя хорошо чувствовать?

– Наверное нет.

Девушка отпила немного воды и с раздражением бросила бутылку в зеркало. По нему красиво потекли капельки воды, у каждой из них был свой извилистый путь. Какое-то время мы стояли и смотрели на свои, чуть искаженные от воды, отражения. Потом Николь пыталась привести себя в порядок, устранив следы рыданий на лице, а я соображала, что сделать с порванным платьем. Что-то красиво зашить – это не ко мне, но я все же могла бы попытаться.

– Оставь, – брезгливо сказала Николь, глядя на платье. – Швея переделает. Скажу, что мне позарез нужен был вырез в этом месте. Наглядно показать намного лучше.

– Хорошо. Сейчас передам твои пожелания.

Я осторожно и бережно взяла платье, но все же не могла не прислонить его к себе, чтобы хотя бы на один краткий миг представить себя королевой.

– Красивое, да? – Николь провела рукой по корсету, задевая бриллианты, и добавила. – А я в нем не могу свободно дышать. Мне кажется, оно меня душит своим великолепием

и еще чем то, что трудно объяснить.

Могла ли я знать, что северяне тоже бывают несчастны? Мне казалось, что их богатая, благополучная жизнь сама по себе может дать полную гарантию счастья. А вот оно как! Ни богатства; ни возможность выбора профессии по душе; ни развлечения; ни полноценная, красиво поданная еда, не всегда, как оказалось, приносили в их существование радость. Невероятно, но некоторые северяне тоже были лишены своего выбора. Жаль ли мне Николь? Конечно! Но и себя жаль, потому что уж кто, как не я, знала о невозможности другого исхода.

– Иногда нужно сделать то, что тебе говорят. Принять как данность, – сказала я, обнаружив, что проговариваю эти фразы через себя.

– Но если эта данность пугает до чертиков?

– Преодолевать страхи...

– Как тебе легко говорить! Ты сама не выходишь замуж за нелюбимого.

– Мои родители хотели выдать меня за моего лучшего друга.

– И почему ты не замужем?

– Сбежала сюда.

– Сбежала...

Николь задумалась, глядя на мокрые следы на зеркале, и затем разом вытерла его подолом свадебного платья.

– Ты предпочла не выходить замуж, бросить своих роди-

телей и быть здесь прислугой?

Я округлила глаза. Так вот как северяне думают о нас! По их мнению, мы бросаем свою семью, своих возлюбленных, чтобы работать здесь прислугой. Вообще-то, это правда. Многие так и поступают. Но не я.

– Я должна была работать в библиотеке. – Уже заезженная фраза отрабатывала себя на все сто. – Книги – это моя жизнь. На Юге у меня нет никакого возлюбленного. Мой отец на Крае, защищает наш мир от чудовищ. А у моего брата уже есть собственная семья.

Вот так легко я почти превратилась в Ренату, зная, что эта ложь мне сейчас во спасение. Николь посмотрела на меня, удивленно вскинув бровь.

– Тогда почему ты работаешь у нас?

– Потому что ваш дядя решил позаниматься охотой, а я не смогла на это смотреть. – Я глубоко вздохнула, потому что вспомнила тот день вновь. Слова давались мне нелегко. Предсмертный крик Ру слышался даже здесь. – Я пыталась помешать ему, но он все равно убил... грифона.

– Да, я слышала. Мне жаль. Дядя любит охотиться. Он убивает всех волшебных существ, собирая коллекцию чучел из них. Это ужасно, но с каждым годом в его кабинете становится все теснее.

Теперь уже мне стало нечем дышать. Значит, в кабинете Жана находится мой Ру, только не живой и не летающий, а навечно застывший, мертвый. Я сдержала слезы, готовые по-

казаться из глаз. Не знаю, можно ли ненавидеть человека с каждым днем еще больше, но я была явным примером этого. Мои пальцы сжали платье, и только когда драгоценные камни острыми гранями впились мне в ладони, я пришла в себя.

– Ладно. Хватит о грустном, – произнесла Николь. Она поправила свою кожаную тунику и открыла дверцу кабинки. – Пойдем отдадим платье на доработку и поедем в ресторан.

На ее лице тут же появилась легкомысленная улыбка, и сейчас нельзя было сказать, что эта девушка совсем недавно горько рыдала на полу. Только если внимательнее присмотреться, можно заметить чуть опухшие глаза.

Уилл открыл нам дверцу машины и вновь сел за руль. Интересно, доверяет ли хоть кто-то из северян вождение машины южанину, или боятся, что тот приведет ее к пропасти? Хотя где здесь пропасть? В этих идеальных геометрических улицах ничего такого совершенно не может существовать.

Николь неспешно объясняла Уиллу, куда ехать. Из ее болтовни я только поняла, что мы по приезду в ресторан встретимся с ее подругами, и уже заранее решила остаться в машине. Поездка меня уже не радовала, потому что я не чувствовала разницы между угнетающими меня белыми стенами дома, где жила, и стенами магазинов и салонов, вызывающих такое же чувство. Где же красивая и оригинальная архитектура, о которой я читала в книгах? Где музеи, галереи, театры? Я наблюдала только то и дело сверкающую всеми

оттенками рекламу, да серые или белые стены зданий. Лишь спустя несколько минут, когда мы поехали в противоположную сторону от дома, и уже невыносимые вывески реклам закончились, я увидела зеленовато-голубые деревья и хоть какое-то естественное разнообразие красок. Впереди виднелись ровно высаженные кусты винограда, а по бокам цветущие яблони в привычной для меня бело-розовой гамме. Наверное, выражение моего лица заметно повеселело, потому что Николь иронично заметила:

– А вам, южанам, лишь бы увидеть поля да деревья. Подожди, вот сейчас мы приедем, и ты увидишь настоящую роскошь.

– О, я бы посидела в машине. Куда мне...

– Нет, ты со мной!

Фраза, брошенная Николь, звучала, как приказ. Конечно, не ей идти в дорожном костюме южанки, наспех очищенном, с темными волосами, которые сегодня я еле успела заплести в простую косу. Да еще идти в таком виде в роскошное место! Ей, светловолосой и голубоглазой, одетой по высокой моде северян, вся неловкость и нелепость моего положения была непонятна.

Машина подъехала к дому, похожему на сказочный дворец, с красивыми высокими позолоченными башенками и рельефными большими окнами. Перед ним каскадом стояли фонтаны, в центре самого большого находилась, а точнее, почти взлетала ввысь мраморная статуя дракона. Дракон

расправил свои огромные крылья, оторвал от воды одну лапу, а второй как бы отталкивался от гладкого красивого камня. Глаза его были холодного серебристого цвета, но смотрел он на меня, как мне казалось, по-особенному тепло, будто подбадривая меня. Это показалось мне добрым знаком. Северяне неторопливо прогуливались среди фонтанов и затем углублялись в сторону, где находились фруктовые сады.

Мы вышли из машины, и я вдохнула воздух, чувствуя сладковатый запах цветущих растений. Вокруг все сияло золотом и серебром, и теперь мне это нравилось.

– Ну вот, окунемся в прошлое, а затем обратно в настоящее, – сказала Николь и, схватив мою руку, повела за собой.

Никто из северян не обращал на меня своего драгоценного внимания, как будто меня здесь и не было. Может, так оно для них и было. И только я успела порадоваться тому, что меня никто не замечает, как на меня накинулись подружки Николь. Мы повстречались с ними уже в самом ресторане, где столы были из разноцветного стекла, а стулья из прозрачного. Вокруг стояли свечи, а с потолка свисала необычная люстра, похожая одновременно на закатное солнце и неведомый прекрасный цветок. Мы расположились за фиолетовым столом, и это был очередной добрый знак для меня. Этот цвет никогда меня не подводил.

Подруги оказались сестрами, одну звали Герда, другую Грета. Они наперебой повторяли, какая я хорошенькая для южанки и слезно просили Николь отдать меня им. В качестве

прислуги, конечно. Я делала все возможное, чтобы не злиться на то, что со мной обращались, как с вещью. "Уж так их всех воспитывали", – говорила я себе. А я всю жизнь росла с ненавистью к северянам... И что теперь? Сажу за столик рядом с северянками и ненависти к ним не испытываю. Раздражаюсь только все больше и больше, но лишь потому, что теряю здесь время, которое могла бы употребить на действительно важное, не терпящее долгих отлагательств.

Неизвестно, сколько я пробуду в доме Жана, но чему я непрерывно там учусь, так это терпению. Кто может спокойно (ну ладно, почти спокойно!) обедать, слушая непрекращающийся разговор о модных платьях? Я. Кто может даже поддержать беседу на ничего не значащие темы, в тайне желая вернуться домой? Да тоже я! И кто наконец безмерно счастлив, что оказалась дома, и терпеливо выждав момент, под предлогом поиска коробки со свечками, спускается в подвал? Ой, да это опять я!

Свет почему-то не включился, и я в полутьме и вправду подумала, что свечи теперь пригодятся. Благодаря своему же наведенному порядку я быстро нашла коробку со свечами. Минута – и в моей руке горит свеча.

– Добро пожаловать!

Голос Николаса не испугал меня сильно, но рука со свечой все-таки дрогнула. Хоть бы делом каким занялся, а не сидел на большой картонной коробке в подвале, еще и чихая при этом.

– Пришла проведать старую-добрую комнату?

– Пришла искать свой браслет. – Я в общем-то и не со-
врала. Его я тоже искала. А комната оказалась уже кем-то
закрытой!

– Вот этот? – с сарказмом в голосе спросил Николас.

– Издеваешься?

– Издеваетесь, – поправил он меня.

Я подошла к нему поближе и в неярким свете свечи увиде-
ла свой браслет. Николас вертел его по кругу на своем паль-
це, забавляясь моей растерянностью.

– Да, это мой. Отдайте, пожалуйста, мне его.

– Как заговорила-то! – Николас встал и сделал шаг ко
мне. – А какая у меня будет награда, если я тебе отдам брас-
лет?

– Что вы хотите?

В этот момент я мысленно пожалела, что называла его ин-
дюком. Это было слишком мягкое выражение для такого че-
ловека, как Николас.

– Ну не знаю... Что у тебя вообще есть?

– Ничего нет.

– Ну тогда браслет останется у меня, – сказал Николас и
сделал несколько шагов к лестнице. – Подарю Герде или Грете.
Хотя они от меня и так без ума.

– Постойте! – Я догнала его и вцепилась в руку. – Пожа-
луйста, верните мой браслет!

– Как вы, девушки, любите украшения! Неужели, в мире

больше ничего нет, кроме ярких сережек или атласных браслетов? А что бы ты сделала, если бы вместо этой синей вещички я купил бы тебе изумрудное кольцо?

Мои обида и злость выплеснулись в простой фразе, характерной для Юга. Я просто сказала, куда ему нужно отправиться со своим изумрудным кольцом. Николас даже слегка опешил от моих слов, а я прикусила себе язык. Нет, терпению, я еще не научилась. Браслет полетел к моим ногам, а Николас поднимался по лестнице, бормоча себе под нос что-то про своеволие южанок. Я тут же схватила браслет и поднесла к груди. Из глаз брызнули слезы, которые текли и текли, пока я в полной мере не почувствовала, что то, что мне важно, единственная вещь, оставшаяся от моего отца, вновь в моих руках.

Из подвала я вышла с твердой уверенностью, что сегодня же раздобуду карту Севера и прочитаю достаточно информации о том, как мне до него добраться, что можно делать, а что нельзя. Скоро я убегу из этого дома. А когда исполню пророчество, то ни один северянин не посмеет больше издеваться надо мной.

Библиотеку мне посчастливилось найти почти сразу. Она располагалась на первом этаже и была огромной. Это не подвал Эллиота, где находились четыре небольших стеллажа с книгами. Это просторное помещение, в котором стеллажи начинались от пола и заканчивались у самого потолка, на котором были изображены созвездия, которых я не знала. Кни-

ги с разноцветными корешками подсвечивались мягким светом так, что можно было прочесть их названия. У свободной стены стояла лестница, с помощью которой можно было добраться до верхних полок. О, это, пожалуй, единственное место в доме, которое я покину с сожалением!

Я провела пальцами по корешкам книг, чтобы убедиться, что они на самом деле существуют, что это не сон, не мираж. Мне захотелось прочесть все эти книги сразу, но я знала, что нахожусь здесь не за этим. Никаких карт я не нашла, зато спустя какое-то время нашла книгу, которую читала Николь и еще пару книг про Север. Их я оставила стоять на своем месте, позаимствовав "Географические открытия" на ближайшую ночь. Перелистывая эту книгу в тот самый первый вечер, я точно видела в середине книги карты, поэтому самое важное решила рассмотреть сегодня. В моей сумке была тетрадка, куда я могла перерисовать и переписать все ценное, что мне встретится. Но прежде нужно помочь Бонни с ужином, отбить его и не свалиться с ног от усталости до того, как я зайду в свою комнату. Столько ночей без нормального сна, шутки ли!

Я убрала книгу под свою кровать и направилась на кухню. Там кружили чудесные запахи картофельной запеканки и жарящегося мяса. Я не успела и слова сказать Бонни, как в кухню зашел Жан и бросил в мою сторону:

– А ну пошли за мной!

Переглянувшись с Бонни, я почти побежала за мужчиной,

у которого был слишком широкий шаг. Если сейчас меня направят опять в темную комнату, я больше не смогу... Это какой-то кошмар наяву. Никаких сил у меня уже не было, чтобы провести там еще и следующую ночь.

Мы подошли к горящему камину. Рядом с ним сидела Николь, как всегда смотрящая журналы. Ее брата рядом не было.

– Николь!

Девушка вздрогнула от лающего голоса Жана. Журнал выпал из ее рук.

– Что, дядя?

– Ты сегодня была в Драконьем дворце?

– Да, мы заезжали пообедать туда.

– Кто это "мы"?

Не нравится мне все это. Даже моя мама, прознав, что я нарушила запрет ходить в Лес, таким тоном со мной не разговаривала. А здесь это считалось нормой. Этот Жан точно психопат. Такой, как он, и человека убить может. От этих жутких мыслей по моему телу пробежала дрожь.

– Я и мои подруги, – произнесла Николь, бросив короткий взгляд на меня.

– И вот этой не было? – спросил Жан, кивнув в мою сторону.

Прекрасно! Меня еще и по имени не называют. "Этой" достаточно одного кивка.

– Была, – уверенно проговорила Николь, и по взгляду Жа-

на я поняла, что в непонятной всем, кроме психопата, викторине, это был совсем неправильный ответ.

– И ты считаешь, что официантам-северянам в этом дорогом ресторане можно обслуживать какую-то южанку?

– Ой, ну я не подумала... Да какая разница!

"Николь, остановись!" – подумала я с ужасом наблюдая, как багровеет лицо ее дяди, но та продолжала говорить про большие чаевые, которые оставила официантам.

– Это я виновата. Николь забыла сумочку в машине, и я посмела зайти в ресторан, чтобы отдать ее. – Не знаю, как я смогла произнести такое. Слова будто сами собой сорвались с моих губ.

– И ты не обедала там?

Какой же правильный ответ? Если соврать, а окажется, что Жану известно намного больше, то несдобровать нам обоим. Если сказать мягкую полуправду, может, все и обойдется.

– Подруги Николь усадили меня за стол, потому что хотели о многом расспросить.

Николь посмотрела на меня с благодарностью, но было уже поздно. Негодование и раздражение Жана чувствовались в воздухе. Он оценивающе посмотрел на меня, и взгляд его переместился на мое плечо. Моя рука машинально потянулась к брошке, но Жан оказался проворней. Одним движением он сорвал ее с платья и бросил в огонь. Я кинулась за ней, готовая голыми руками спасти мою белочку, но Жан

крепко держал меня за плечи.

– Смотри. И запоминай. Ты – никчемная южанка. Ты не стоишь и мизинца северянина. Никогда, слышишь, никогда больше ты не будешь обедать в таких местах.

Я смотрела, как синее пламя навсегда поглотило память о друге, и понимала лишь одно: моей ненависти к этому человеку хватит настолько, чтобы отомстить за все, что он сделал или сделает. Сейчас главенствует Жан, но скоро все поменяется. И тогда он ответит за все.

– Это твое наказание, – произнес Жан и отпустил меня. Он повернулся к Николь, которая, кажется, даже плакала и указал рукой на подвал. – А твое ждет тебя внизу.

Николь послушно встала и первой сделала шаги в сторону темной комнаты. Жан последовал за ней и не глядя сказал мне:

– Николас заболел. Ты быстро отнесешь ему ужин в спальню, а потом идешь к себе. И чтобы я тебя не видел до утра. Ужин мне подаст Бонни.

– Слушаюсь, – проговорила я сквозь зубы, все еще неотрывно глядя на синий огонь. Он совсем не грел, такой же искусственный, как и все остальное здесь.

На кухне Бонни собрала поднос для Николаса, причитая про бедную девочку Николь, которой придется провести ночь в темноте. Я ничего не сказала, потому что мне тоже было ее жаль. А вот ее брата нисколечко! Его внезапная простуда – достойная награда за издевательство надо мной. И

все-таки, я должна была признать, что пожалела и его, когда увидела при хорошем освещении его красные глаза и опухший нос. А ведь Николас заболел из-за меня, отдав мне свой джемпер. Я взглянула еще раз на него, лежавшего в постели под двойным одеялом, и все равно дрожащим от озноба. Положив поднос с едой и целебным напитком от Бонни, я приложила ладонь к разгоряченному лбу Николаса.

– Когда высокая температура, нельзя укрываться одеялом, тем более двумя, – произнесла я.

– Думаешь, я не знаю? Я – врач.

Какой надменный человек! Раз он все знает, то можно со спокойной совестью уйти. И все же... я задержалась чуть дольше, чем следовало, для успокоения своей совести проследила, чтобы Николас выпил всю чашку напитка Бонни. Есть он не хотел, и на этом я не настаивала.

– Спасибо, – прошептал Николас и скинул на пол одно из одеял.

– Пожалуйста, – ответила я, покидая его спальню, которая, к моему удивлению, не выглядела кипенно-белой. В ней присутствовали яркие вещи, а стены были выкрашены в теплый бежевый цвет.

Я шла в свою комнату, думая, как много дано человеку и хорошего, и плохого. Кто-то, как Жан, выбрал плохое. А кто-то старается быть хорошим. Племянники Жана именно старались такими быть, и временами у них получалось.

Я тоже пыталась стать лучше, чем есть. В моей комнате

горела свеча, освещая книгу передо мной. Я старательно перерисовывала карту Крайнего Севера в свою тетрадь, но это плохо мне удавалось, потому что я никогда не владела навыком черчения. Я глубоко вздохнула, извиняясь перед книгой, потому что в любом другом случае я бы никогда так не сделала. Две главные для меня страницы легко вырвались из книги. Я ровно сложила их и убрала в середину тетради. Теперь мой путь обрел правильные координаты.

Глава 9

Дни улетали за днями быстро, как встревоженные птицы. Я читала урывками, но все же, книга за книгой, все самое важное было прочитано и осмыслено мной. Я становилась все ближе к Крайнему Северу. В теории я почти была готова к своему побегу и путешествию, а вот на практике была еще очень далека от этого. У меня не было абсолютно никакой теплой одежды и удобной обуви, которые понадобятся мне там, куда я должна была держать свой путь. И самое главное, я не знала, каким образом мне пройти незаметно через Ледяную Долину, затем преодолеть еще один элитный район Снежную Крепость и наконец выйти к огромному лесному массиву.

Из разговоров с Бонни я выяснила много нужной мне информации. Например, то, что все районы патрулируются службами охраны. Оказывается и северяне бывают нарушителями законов. Еще я узнала, что служанка, работавшая раньше меня, сбежала с садовником из соседнего дома. Куда

– неизвестно, но я догадывалась, что самое лучшее место для укрытия был Лес, который, судя по карте, находился довольно близко от Ледяной Долины. Всего пара дней пути, и они могли спокойно обосноваться в Лесу. А вот мне нужно совсем в противоположную сторону и о спокойствии придется только мечтать.

Приближалась свадьба Николь, которую по традиции северян устраивали в доме невесты. Только после того, как жених и невеста обменяются клятвами, Николь переступит порог своего нового дома, будучи уже законной женой. После ночи, проведенной в темной комнате, Николь последовала примеру своего брата, если можно так выразиться, и заболела на следующий день. Но если Николас почти сразу пошел на поправку, то его сестра каждый день слабела и выглядела все хуже. Я подозревала, что причиной такого самочувствия была совсем не простуда, а приближающаяся свадьба.

Будущего мужа Николь, Джеспера, я видела всего один раз. Жан пригласил его на ужин и заставил свою больную племянницу присутствовать на нем. Мне хватило всего одного взгляда на Джеспера, чтобы понять страдания Николь. Это был невысокий, наполовину седой мужчина, с прозрачными равнодушными глазами, в которых, даже при очень большом желании, нельзя было рассмотреть хоть чуточку доброты. За ужином он все время громко разговаривал лишь о себе, с сарказмом подшучивал над бледностью Николь и грубо отзывался о южанах. Мне пришлось прикрепить к ли-

цу маску безразличия и обслуживать его с показным почтением, хотя больше всего я желала плюнуть ему в лицо. Даже Бонни, всегда пребывающая в добродушном настроении, облегченно выдохнула, когда он уехал.

Теперь же оставалось всего несколько дней до свадьбы, и дом постепенно превращался в настоящий дворец. Поток людей, занимавшийся декором и подготовкой дома к предстоящему торжеству, не прекращался. Казалось, двери дома открыты для них круглосуточно. Свадьбу планировалось устроить в саду. Поэтому там уже был возведен огромный тент, и наконец, в саду добавились новые яркие цвета. Дорожку до дома обвивали орхидеи диковинных расцветок, фонари обволакивали вьющиеся растения с белыми цветами, похожими по форме на колокольчики, а по бокам тента мерцали прозрачные розы.

Дом тоже находился в изобилии красок и цветов. Перила лестницы были сплошь в неизвестных мне красных цветах, которые источали пряно-сладкий аромат. Над дверями и арками переплетались причудливые орхидеи, а над камином возвышалась почти монументальная композиция из всевозможных цветов, странным образом вполне сочетающимися между собой. Вокруг все радовало глаз, но чем больше появлялось красоты и изыска в доме и в саду, тем больше Николь становилась мрачной. С каждым днем приближалось событие, которого она не хотела, не желала всей своей душой. И я ее понимала. Выходить замуж за такого, как Дже-

спер, наверное, было ужасно. Но что ей оставалось делать? Отказаться от свадьбы она не могла, потому что в противном случае Жан обещал разрушить жизнь ей и ее брату. Это поведала мне Николь еще в первый день ее болезни, когда настала очередь девушки пить целебный напиток от Бонни. Я пыталась утешить ее, хотя и понимала, что никакие утешения помочь тут не могут.

В тот же день, осмелев из-за отсутствия хозяина дома, я прокралась в его кабинет, чтобы увидеть Ру и попрощаться с ним. То, что там было, повергло меня в леденящий душу ужас. Никогда раньше не случалось мне испытывать то, что почувствовала я. Словно я очутилась в темной комнате и все чудовища, снившиеся мне до этого, пришли навесить меня в реальности.

Кабинет был просторным, величиной с холл, но из-за того что был заставлен чучелами различных существ, казалось, что воздуха здесь не хватало. Больше половины из них я никогда не видела ни вживую, ни в книгах, которые читала. Но они были здесь, застывшие навсегда для забавы Жана. Остальные были узнаваемы, и в их остекленевших глазах навсегда застыла безысходность. Мне хотелось убежать из этой страшной комнаты и забыть все, что я увидела. Но мой маленький Ру был где-то здесь, а я хотела последний раз взглянуть на него и попросить прощения за то, что не уберегла, не смогла спасти.

Я прошла мимо василиска, его крылья были расправлены

в стороны, а клюв открыт, будто он что-то кричал. Мне даже показалось, что его глаза моргнули, но такого ведь не могло случиться, потому что он был мертв. Я знала, что василиск умеет превращать одним лишь взглядом всех в камень, но сейчас мне было жаль и его.

Над самым потолком, как будто еще живой, всегда готовый возродиться из пепла, парил огненный феникс. Я остановилась, залюбовавшись им. Даже сейчас он выглядел гордым и величественным. Понимать то, что он, да и все эти существа, могли быть живы, но из-за прихоти одного человека их убили, было настолько страшно, что я прикрыла рукой глаза. Страшные люди, эти северяне. Но все-таки не все. В этом Интарион и моя мама оказались правы.

Я набралась смелости и убрала руку от глаз, внимательно просматривая все, что находилось в кабинете Жана. Моего грифона нигде не было видно. Крохотная, совсем призрачная надежда зародилась в моем сердце. Может, Ру остался жив, может, его лишь ранили, и он сумел спастись? Но тут же я замерла, увидев находившийся за столом Жана большой подиум, закрытый черной тканью. Там было что-то важное, то, чем гордился хозяин этого дома и не хотел показывать всем подряд. Мой пульс участился, удары сердца громко раздались в ушах. Я подошла к подиуму и откинула ткань. Черной тенью она метнулась к моим ногам, и крик ужаса чуть не сорвался с моих губ. Нет, там, за прозрачным стеклом витрины был не Ру, а крупный белый конь с длинным тонким

рогом на лбу и огромными голубыми глазами, устремленными на меня. Сейчас я не помнила названия этого существа, хотя читала о нем в книгах, лишь чувствовала неведомый мне гнев на человека, ставшего причиной смерти этого прекрасного животного. Убивать все светлое и чистое в мире способен лишь тот, кто лишен этой чистоты. Живущий во тьме, не видящий ничего, кроме черного цвета, он распространяет вокруг себя лишь мрак. Поэтому слуги здесь ходят только в сером, а в саду почти не бывает ярких цветов. Поэтому самое любимое место Жана – темная комната, воплощение всего самого мрачного и безрадостного.

Я коснулась рукой стекла в том месте, где была голова этого могущественного коня, но едва достала до ноздрей. Мне хотелось сказать ему, что я сожалею ему, что не виновата в том, что с ним произошло. Отчего-то тягучее чувство вины смутило мою душу, и слезы полились из глаз, будто я сама была соучастницей этого преступления. Ноги больше не держали меня, и я упала на колени на холодном мраморном полу. Теперь моя голова была запрокинута вверх, потому что было невозможно оторвать взгляда от этого существа.

– Ты – единорог, – вдруг вспомнила я, как называлось это животное в книгах. Они обитали в Лесу, в тайном священном месте, куда человеку нельзя пробраться, потому что Лес не пускал. И тем страшнее было обнаружить его в виде чучела в этом доме. – Я отомщу за тебя, – прошептала я сквозь слезы. – За всех вас.

Наверное, от всего пережитого в этой комнате, от горьких слез мое зрение утратило ясность, и поэтому мне показалось, что единорог чуть заметно кивнул мне. Тем не менее, это неуловимое и совсем немислимое наяву движение, вернуло мне прежнее спокойствие. Я смахнула рукой слезы и встала.

– Не забудь накрыть его, а то кое-кто разозлится.

Голос Николаса был все еще хриплым из-за простуды. Я обернулась. Он стоял совсем рядом со мной, а я и не слышала, как он подошел. Его лицо было осунувшимся и, то ли дело в освещении, то ли и вправду, казалось сероватого оттенка. А глаза, в которых почти всегда я замечала смешинку, сейчас были печальными. Да, это страшное место никого не располагало к веселью. Я подняла черную ткань у своих ног и попыталась накрыть витрину с единорогом, но это выходило плохо, потому что накинуть ткань так, чтобы она не сползала вниз, мне никак не удавалось.

– Скинуть накидку легче, чем снова ее надеть, – сказал Николас, помогая мне. Его высокий рост позволил справиться с задачей очень быстро.

– Убивать все хорошее легче, чем его возродить.

– Не знаю. – Николас поморщился и кашлянул. – Я не убивал. Что ты тут забыла?

– Искала Ру.

– Кого?

– Грифона.

По лицу Николаса я увидела, что он все понял. Он обвел

кабинет пристальным взглядом и проговорил:

– Последнее из здешних приобретений – это вон тот аспид в углу. Дядя охотился на него в северных горах этой весной.

Я проследила за его взглядом и содрогнулась от вида змея. Мне захотелось побыстрее покинуть это место и больше никогда сюда не приходить. Я сделала несколько шагов к двери, прежде, чем спросила:

– Как вы можете жить с таким человеком? Я бы не смогла!

– Но ты тоже здесь живешь, – уклончиво ответил Николас, двигаясь вслед за мной.

– Это ненадолго.

Я прикусила губу, но было поздно. То, что не должно прозвучать вслух, все же прорвалось.

– Как это? – поинтересовался Николас, закрывая дверь за нами.

Мы стояли в плохо освещенном коридоре, и полумрак не давал разглядеть выражение лица собеседника.

– Ну, может, меня все-таки отправят работать в библиотеку...

– Мечтай!

– И буду! – упрямо сказала я.

– Я хотел... – Николас кашлянул опять и, глядя мне в глаза, продолжил говорить: – Я хотел попросить прощения за... браслет. Это было некрасиво с моей стороны издеваться над тобой. Я знаю, девушки любят всякие красивые побрякушки и...

– Это не просто красивая побрякушка, а последнее, что осталось мне от отца. Это мои воспоминания. Но их нельзя коснуться рукой, а браслета можно.

Не знаю, почему я так разоткровенничалась. Никогда бы не подумала, что стану такое говорить северянину. Но вот, я стою рядом с ним и наблюдаю за его реакцией на мои слова. Если сейчас он будет подшучивать надо мной, то индюк превратится в кое-кого похуже. Но нет, Николас торопливо отбросил свою челку назад и, подбирая слова, сказал:

– Я и не предполагал, что браслет тебе настолько дорог. Ты прости меня. Я нашел его в темной комнате, но не сразу вернул.

– Значит, он и вправду был у тебя?

– Да.

– Напыщенный индюк! – выкрикнула я уже привычные для меня слова.

Как он мог не отдать мне браслет сразу? Почему так издевался над бедной южанкой?

– Эй, поосторожнее со словами! А то...

– А то что? – Я видела, как в полумраке заблестели глаза Николаса. Он разозлился, а меня, к сожалению, было не остановить. – Убьешь меня? И потом сделаешь вот такую? – Я ткнула пальцем в стену, за которой навсегда замерли многие чудесные животные нашего мира. – Яблоко от яблони недалеко...

Я не договорила, потому что рука Николаса зажала мне

рот.

– Никогда не сравнивай меня с Жаном, – порывисто и строго произнес Николас. – И знай, что простым южанкам я не позволяю такого обращения с собой!

Он отпустил руку, думая, что я одумалась и прекратила спор. Но я не прекратила.

– А сложным южанкам позволяешь? – с вызовом спросила я, видя, что Николас собрался уходить. – И что ты сделаешь? Ты даже сестре своей помочь не в силах. Она выйдет замуж за чудовище, зато ты получишь все, что хотел. Будешь врачом, это похвально... Вот только, какой ценой! Но, может, у Жана на тебя тоже планы? Заставит жениться на старой, но богатой вдове, или на страшной-престрашной северянке, характер которой будет под стать ее красоте...

– Уж лучше на такой, чем иметь жену с твоим характером.

– Ха! Да я о таком и не мечтаю. Куда уж мне! – со злой иронией выпалила я, и на этом вся моя горячность ушла, оставив место чувству вины. Николас второй раз извинился передо мной, а я опять устроила невесть что.

– Вот и не мечтай, – спокойно произнес Николас и направился к своей комнате. Только по пальцам, сжатым в кулак, было ясно, что я его сильно разозлила.

– И не буду! – упрямо заявила я полутьме и направилась на первый этаж.

С тех пор с Николасом я не разговаривала, а он даже не смотрел в мою сторону. И это было правильно, потому что

я сама не понимала, почему каждый наш разговор заканчивался словесной перепалкой.

За два дня до свадьбы Николь по непонятной причине повеселела. Утром она празднично ходила по дому и саду, прикрепив к волосам красный цветок и напевая незнакомые мне песни. Как только Жан ушел на работу, Николь перехватила меня на кухне и почти пропела:

– Сегодня мы будем веселиться!

– Мы? – переспросила я, протирая белым полотенцем чашку.

– Да! Дядя разрешил мне развлекаться перед свадьбой. И даже разрешил взять тебя сопровождающей. Само собой, никаких дорогих ресторанов, где официанты северяне, но кое-что он разрешил.

Николь схватила яблоко и подкинула его вверх, потом с озорной улыбкой поймала и посмотрела на меня.

– Через час будь готова.

Николь внезапно замерла, глядя на меня слишком пристально.

– Твои волосы... – Девушка коснулась пальцами пряди волос, случайно выскочившей из пучка, в который я обыкновенно собирала их по утрам. – Ты покрасилась? Они как будто поменяли оттенок.

Оцепенение охватило меня, когда я поняла, о чем говорила Николь. Суматошные дни, стремительный бег времени – и я запомнила, что мои волосы совсем скоро вновь станут

рыжими. Да, нельзя больше оттягивать уход из этого дома. Я поспешно произнесла:

– А они разного оттенка, зависит от света.

– Как интересно! – восторженно сказала Николь, все еще неотрывно глядя на мои волосы.

– А куда мы едем?

– Узнаешь, – засмеялась Николь, и ее смех был похож на звон колокольчиков.

Узнала я намного позже. Мы выехали из дома и ехали в машине уже несколько часов. Николь молчала о месте и цели этой поездки. Вначале мы проезжали мимо фруктовых деревьев, потом проехали район, который мысленно я обозвала "Сверкающим городом", потому что все дома там блестяли в свете солнца, а дорожки были сплошь в драгоценных камнях. Если бы у меня было больше времени, то я выучила карту Севера со всем, что там изображено. Но я изучала только направление в сторону Края, поэтому терялась в догадках, что это за такое помпезное место.

– Что это мы проезжаем?

– О, это "Золотой район". Здесь живут любители роскоши и драгоценных камней. Дома изнутри у них тоже в камнях, у кого-то даже стены отделаны из золота.

– Фу! Глаза не болят от такого блеска?

– Не знаю. Мы тут не живем, к счастью.

Я проводила взглядом прохожих в сверкающей одежде под стать району, пока Уилл снизил скорость, чтобы пропу-

стить людей, переходящих дорогу.

– А много таких специфических районов у вас?

– А ты разве не изучала все это перед тем, как отправиться на Север? – с улыбкой поинтересовалась Николь, и я невольно залюбовалась ею.

Так приятно видеть радость человека рядом с тобой, вот только я не очень понимала, в чем ее причина. Сомневаюсь, что разрешение Жана поразвлекаться перед свадьбой этому способствовало.

– Я была плохой ученицей, – ответила я Николь и пожала плечами.

– Такое ощущение, что тебя просто забросили сюда, к нам, – весело проговорила девушка и не заметила, что мои глаза на мгновение сделались больше. – А про районы... У нас есть "Техно район". Там все еще можно пользоваться техникой, которую нам запретили. Ну знаешь, планшеты, например. Наш Владыка сказал, что все это ведет к деградации, поэтому мы все отказались от телефонов и игровых машин. А раньше, ты не представляешь, как мы с братом любили соревноваться в играх! В "Техно районе" все это до сих пор разрешено, но люди там слегка того. От постоянных виртуальных развлечений многие потеряли связь с реальностью. Но зато здесь же работают самые умные северяне. Разрабатывают все, что связано с технологиями, оружием и безопасностью. Я в этом ничего не понимаю, поэтому не могу рассказать подробности. – Николь зевнула. Одних разговоров

на неинтересную для нее тему хватило, чтобы заскучать. – Еще есть район, где северяне отказались ото всех благ цивилизации, живут в замках или простых каменных домах. Тоже не совсем умные, – сострила девушка. – Все умные у нас в Научном районе, создают все новое и необходимое для развития. Недавно, например, изобрели лекарство от облысения. Вот так вот! Что еще? Есть "Небесные вершины". Там живут люди, которые говорят с Создателем. Правда, они что-то курят при этом, поэтому я не уверена, что именно с ним они болтают. Но поехать туда, чтобы на несколько недель приобщиться к этой жизни, можно только за очень большие деньги. О! И я не рассказала тебе про "Плавучий город". Там все жители живут на лодках. Вот только чаще река вся во льду, поэтому лодки не качаются на воде, как тебе тут же представилось. В детстве мы туда ездили летом на выходные. Родители хотели научить нас плавать, но вода была слишком холодной. И эта попытка не удалась, так же как и многие другие. Мы ездили даже на Побережье, но так и не научились плавать.

Я хмыкнула, представив Николаса, барахтающегося в воде и так и не научившемся плавать. Вот так вот! Индюки – птицы неводоплавающие.

Николь еще долго рассказывала мне о Севере, от чего я тоже начала зевать. Подумать только, у Северян есть все, что они хотят, а они организуются группками и придумывают свои бессмысленные, неестественные районы. Захотели

– вырубали деревья вокруг себя, потому что они не сочетаются цветами с их придуманным районом, захотели – уничтожили вокруг себя животных, потому что они не должны жить рядом с ними.

Но вскоре мое очередное разочарование Севером сменилось противоположным чувством. Николь привезла нас не в магазины, как я думала ранее, а в исторический музей, который никем не охранялся. Николь объяснила мне, что в этом нет необходимости, потому что каждая комната была снабжена камерами и датчиками касания. Если кто-то решит дотронуться до экспоната, тебя задержат через пару минут.

Мы ходили по вытянутым в длину залам и смотрели на то, что создавали раньше люди, не разъединенные войной. Прекрасные мраморные статуи древних мифических богов смотрели на меня горделиво и отстранено. Макеты древних кораблей внушали уважение и восхищали. Картины, показывающие быт северян и южан, пейзажи мира, еще не разделенного на две стороны, оставляли сожаление, что сейчас все не так и самую горькую горечь. Мир, в котором я теперь жила, мог быть совсем другим!

В машине, после увиденного в музее, я была не разговорчива. Столько новых для меня впечатлений никак не могли уместиться в голове. Красота былого мира поражала своим многообразием, сложностью и одновременно простотой. Все, что я наблюдала в музее, было создано людьми одаренными, неважно южане ли делали тот прежний мир лучше,

или северяне.

– Я-то думала тебе понравится! – воскликнула Николь, приводя свои волосы в порядок. – Николас заверил, что от музея ты будешь в восторге...

– Николас?

– Да, это он придумал для нас план развлечений. Места, где нет никаких северян, прислуживающих южанкам. Знаешь, что у нас дальше?

– Боюсь представить, – тихо ответила я, чувствуя, как уголки моих губ дрогнули. Почему-то было приятно осознать, что Николас позаботился о нашем сегодняшнем дне.

Следующее место, куда мы приехали, показалось мне настолько прекрасным, что я даже готова была полюбить Север. Я стояла на берегу озера, усыпанного кристаллами льда. Хотя при ближайшем рассмотрении это оказались кристаллы соли, я даже попробовала их на вкус. Но не это было удивительно, а то что вода в озере представляла собой сплошной нежно-розовый оттенок с вкраплениями молочного цвета из-за отражавшихся облаков. От такой красоты на мгновение все забылось, хотелось только смотреть на все это и вбирать в себя гармонию природы, побеждающую хаос и пустоту. Что-то говорила Николь, стоящая рядом, но я не различала ни слова из того, что она произносила. Только когда она потянула меня за руку в сторону Уилла, подходящего к нам с огромной сумкой в руках, я поняла, что нужно пойти ему навстречу.

Николь решила пообедать прямо на берегу озера, где нет никаких северян-официантов, а только розовая гладь воды и белоснежный песок под ногами. Мы постелили серый плед и разложили еду, приготовленную и упакованную Бонни специально для нас. Я попросила разрешение у Николь чтобы Уилл составил нам компанию, когда заметила, что он собирался удалиться к машине. Мне было жаль человека, возившего нас с места на место и, наверняка, точно так же проголодавшегося, как и мы. Николь, судя по ее недовольному взгляду, мой порыв не одобрила, но разрешила. Между овощным салатом и спагетти с сырным соусом, я вдруг поняла, что Бонни работает у северян без выходных, и ее дни сплошная готовка.

– А у Бонни бывают выходные? – поинтересовалась я, наматывая при этом на вилку спагетти.

– Нет. Она любит готовить, – ответила Николь, с аппетитом уплетая горячее.

– Но у людей должно быть время для отдыха.

– Ее все устраивает, – упрямо возразила мне девушка. – Да и вообще еще недавно у нас было две кухарки. Как же звали...

– Рианна, – сказал Уилл, до этого не участвовавший в нашей беседе. Да и сейчас – подсказал имя и вновь уткнулся в свою тарелку.

– Точно! Она тоже так вкусно готовила! Но, к сожалению, недолго пробыла у нас. Посидела в темной комнате за ка-

кие-то мелкие нарушения и заболела. Ну а потом все... – Николь быстрым движением руки показала, что означало для нее это "все", и вернулась к еде.

А моя рука с вилкой замерла, глядя на Уилла. Его серые глаза стали мрачнее тучи, а лицо, еще довольно молодое и такое светлое, превратилось в лицо мужчины, познавшего жизнь и утрату. Молниеносная догадка пронзила меня – да ведь он испытывал чувства к этой бедной девушке по имени Рианна. Будто в подтверждение моих мыслей Уилл начал рассказывать о том, какой прекрасной девушкой была умершая. Его рассказ был долгим, но мы не посмели перебивать мужчину, даже строптивая Николь. Слушая Уилла, я еще раз осознала, что никому никогда не отнять у тебя то, что живет в твоей душе, в твоём сердце. На берегу этого соленого озера, я поняла, что Уилл и Рианна – еще один пример любви северянина и южанки, как и мои папа и мама. Сколько же таких примеров найдется еще? И почти все они страдают от несправедливых законов, которые запрещают такой союз.

Задумавшись, я даже не заметила, когда Уилл перестал говорить. Молчание было леденящим, и я невольно поежилась, хотя солнце все так же светило и грело. А Уилл поспешно встал и пошел вдоль берега озера.

– Ну наконец-то! – с облегчением вздохнула Николь и укоризненно посмотрела на меня. – Зачем ты просила разрешения пригласить его на обед? Зачем я разрешила?

– Тебе не кажется, что Уилл тоже человек, который может

проголодаться?

– Нет, не кажется. Пришлось слушать про эту Рианну, когда я просто хотела полюбоваться пейзажем и поболтать о пустяках.

– Ты слишком жестока к нему.

– Не я жестока, а жизнь! – порывисто возразила Николь. – Мы все были в темной комнате и не по одному разу. Но умерла только Рианна. И если ты такая добренькая, то иди к Уиллу и успокой его! Или ты не заметила в его глазах слезы, когда он уходил?

Я последовала совету Николь и направилась в ту же сторону, куда ушел Уилл. Неужели все северяне лишены сострадания и спокойно относятся к чужому горю? А если со временем и я тоже стану такой? Нет, такому не бывать!

Я догнала Уилла, отойдя на изрядное расстояние от места нашего пикника. Он стоял, глядя на противоположный берег озера, и пинал носком ботинка кристаллы соли.

– Мне очень жаль, что такое произошло с Рианной, – произнесла я, не зная, что сказать еще.

Уилл кивнул, ничем не выдавая удивление, что я догнала его. Как будто знал, что я приду сюда. Он внимательно посмотрел на меня печальными глазами и тихо проговорил:

– Все так долго ждали тебя, Леона. Бесконечно долго. Даже не верится, что все наконец-то сбывается.

Я застыла. В голове пронеслись тысяча мыслей, из которых главной был вопрос: "Уилл знает?"

– Слушай меня внимательно, – все так же тихо сказал мужчина, быстро обернувшись, чтобы убедиться, что никого рядом с нами нет. – Я знаю, что ты девушка из легенды. А я тот, кто поможет тебе в дальнейшем.

– Как вы узнали?

– Мне приснился сон. Ко мне пришел сам Дух Леса и сказал, что нужно делать. От него я и узнал, кто ты на самом деле.

– И вы поверили... сну?

В это трудно поверить, скорее невозможно. Неужели, мне тоже стоит присмотреться к своим снам?

– Поверил, – улыбнувшись краешком губ, сказал Уилл. – Такие сны были и раньше. Только я не знал, что мне необходимо сделать. А теперь точно знаю.

– И что же?

– Завтра, когда в дом приедут гости, когда Жану будет не до нас, мы убежим и отправимся на Край. Ничего не бери с собой, кроме самого дорогого. Все, что нам понадобится для путешествия, найдется в пути. Я буду тебя оберегать. Можно сказать, теперь я твой хранитель.

– Вот так все просто? – удивилась я, вспоминая, как терялась в догадках, как же одна дойду до Края. Теперь все намного проще, ведь у меня есть проводник и хранитель одновременно.

– Не совсем просто. Ты в большой опасности, потому что Владыка догадывается, что с этим Отбором на Север прибы-

ла девушка из легенды. Пророчество начинает сбываться.

– Какое пророчество? – спросила я, негодуя в душе из-за того, как северяне привыкли называть их главного.

Ну какой он владыка? Знал бы он, как его ненавидят на Севере. И ни над чем он у нас не властвует, во всяком случае, нашими душами не владеет точно.

– Лес вновь стал полностью цветным, как тогда, когда южане и северяне жили в согласии. До той самой войны. А это значит, что та, которой суждено вернуть прежний мир, уже идет к своей цели.

– Погодите... Но ведь Лес и так был цветным. Когда я впервые вошла в него, почти все деревья были разноцветными.

– Не все, – возразил Уилл. – А теперь – да. Лес уже давно не был таким красивым и цветущим. Все благодаря тебе. И это еще не все. Как только ты дойдешь до Крайнего Севера, Владыка потеряет свою власть. На Севере начнутся беспорядки, а здешняя элита начнет борьбу за лидерство. Каждый захочет стать новым Владыкой.

– Почему я об этом не знала?

– Потому что не все нужно знать юной и хрупкой девушке, которой предстоит нечто великое. Говорят, завтра на свадьбу приедет сам Владыка, потому что Джеспер – его друг. Будь осторожна и внимательна к деталям. Не позволяй себе лишних слов, будь спокойна и рассудительна.

Я вздохнула. Быть спокойной и рассудительной мог по-

просить меня только человек, совсем не знающий меня. Но я постараюсь! Слишком велика будет цена ошибки.

– Уилл, как я узнаю, что пора уходить? Завтра я весь день прислуживаю гостям.

– Ты знаешь традиции свадеб северян?

Я отрицательно покачала головой. Возможно, я читала об этом, но не запомнила. Уж слишком ненавидела северян в то время.

– Гости соберутся к закату и будут праздновать всю ночь. Но сама свадебная церемония начнется только на рассвете. С первыми лучами солнца у Николь должна начаться новая жизнь.

– Как романтично! – воскликнула я и тут же заметила чуть ироничный взгляд Уилла. Ну да, опять я слишком эмоциональна для той, которой нужно быть собранной и невозмутимой.

– Мы убежим ночью, когда гости будут веселиться и забудут про все на свете. Я найду тебя. А сейчас нам пора идти к Николь.

Я шла вслед за Уиллом, под ногами поскрипывали кристаллики соли, как будто я шла по хрустящему снегу. Если наш побег удастся, то совсем скоро я и впрямь буду идти по нему. Я никогда еще не видела настоящий снег. Интересно, какой он на ощупь, наверняка холодный и колючий.

На противоположном берегу взлетела стая птиц и направилась в нашу сторону. Перекиваясь друг друга, они про-

летели надо мной и Уиллом. Я проводила их взглядом, затем в последний раз взглянула на озеро, снова невольно залюбовавшись его совершенством, и тяжело вздохнула. Нет, я почти не трусила. Просто слишком неожиданно оказалось, что я уже находилась в эпицентре событий. Еще утром я боялась, что цвет моих волос возвращается, и Жан увидит, что я вовсе не брюнетка. А нужно было бояться за свою жизнь. "Опасайся человека с глазами цвета ночи", – говорил мне Интарион. Теперь я вспомнила его слова, потому что чувствовала – скоро я его повстречаю. Но я хорошо понимала, что отступать уже некуда!

Глава 10

Приближался вечер, и гости уже приезжали на своих роскошных машинах праздновать свадьбу Николь. По обычаям северян все женщины, включая служанок, были одеты в светлые одежды, наконец-то осветлив дом Жана, а мужчинам позволялась одежда в черно-белых тонах. Большинство северян, следуя своей собственной высокой моде, были одеты в кожу. На Николасе, флиртующим с красивыми юными гостями, был черный кожаный пиджак. Герда и Грета красовались в бежевых кожаных платьях, которые ничем не отличались друг от друга. Только прически у сестер были разными: у Герды волосы были уложены в высокий пучок, а у Греты спадали пышными локонами на плечи.

Мне тоже пришлось нарядиться к торжеству в мамино свадебное платье. Смешно! Свадьба не у меня, но платье на

мне подходящее как раз для такого события, если бы оно происходило на Юге. Николь, увидев меня в такой одежде, предложила вещи из своего гардероба, проговорив что-то про старомодных южан, но, приглядевшись к платью, сделала вывод, что все не так плохо, и оно даже милое. Сама же она была ослепительно прекрасна в своем красном платье и с высокой прической, подчеркивающей тонкую шею. Николь была в веселом расположении духа, много смеялась и легко общалась с гостями. Я же старалась быть незаметной, услужливой и ловкой. Бонни и еще несколько южанок, нанятых нам в помощь, обслуживали всех гостей, так же как и я. Но почему-то слишком часто я чувствовала именно на себе тяжелый взгляд Жана. Как будто сегодня или завтра меня опять ждала темная комната. Ну уж нет! Теперь мне она больше не грозила. Стараясь не замечать взгляд Жана, я продолжала ухаживать за гостями.

Все изменилось в один миг. Холод пробежал по спине, когда я почувствовала чей-то новый взгляд, приморозивший меня к месту. Я застыла, ничего не понимая, пока не увидела идущего по мраморной дорожке мужчину. Он был высокого роста, чуть худощавый, длинные пепельные волосы загорали половину лица. Порыв ветра открыл красивое, аристократичное лицо. Но даже не это привлекало внимание, и не это заставляло всех северян завороченно смотреть на этого мужчину. То, как он шел, как горделиво и прямо держал спину, говорило о том, что это человек, у которого есть

власть. Большая власть. Не только над южанами, но и над всеми присутствующими северянами. Я поняла – это и есть Главный. И он шел ко мне и смотрел на меня.

Время как бы замедлилось, почти остановилось. Я успела разглядеть черный костюм, в который был одет мужчина, шелковую белоснежную рубашку, большие часы на запястье левой руки, ботинки с острыми мысами, начищенные до блеска. Но все это забылось, как только я увидела его глаза, черные, как приближающаяся ночь. Внезапно я поняла, что он знает. Знает, кто я такая, что чувствую, видя, что он приближается ко мне. Поднос со стаканами, который я держала, задрожал в моих руках. Да кто я такая, чтобы вершить судьбу всего мира? А может, этот мир и не нужно менять, потому что все может быть намного хуже... Мои мысли пришли в неопишуемый беспорядок. В голове вспыхнул вопрос: может ли цель, даже самая благая, оправдать средства для ее достижения. Вопрос этот как бы ставил под сомнение меру принимаемых действий и меру безошибочности моих решений. Но если я верю в свою благую цель – надо сражаться! Или нет?

– Милая девушка, не угостите ли меня напитком? – обратился ко мне Владыка вкрадчивым и таким чарующим голосом.

Вблизи он был еще привлекательней. Статный, пахнущий морозной свежестью и мятой. Больше сорока лет ему нельзя было дать. Я почувствовала себя рядом с ним такой малень-

кой,

– Угощайтесь, – промямлила я, и это все слова, на которые я была способна.

Владыка взял тонкими длинными пальцами стакан и неспешно покрутил в ладони так, что кусочки колотого льда постукали друг о друга. Такого приятного звука я еще не слышала. Мужчина посмотрел на меня своими черными непроницаемыми глазами.

– Знаешь ли ты, что такое лед?

– Это замерзшая вода, – ответила я, возвращаясь к наблюдению, как в ярко-малиновом пунше в быстром танце кружат кусочки льда.

– Он очень крепок. Ничто не может разрушить его. Никто не должен даже пытаться.

Ох уж этот лед... Твердый, небьющийся, застывший словно камень... В моей голове почему-то замелькали картины возможных событий, если к власти придут южане. Вот они победили северян. Вот освобождены от бесконечно тяжелых работ. И чем же они занимаются? Пьют, гуляют, развлекаются от безделья, как могут. А места у власти занимают самые умные среди южан, но и они не могут руководить, потому что не получили достаточного образования, чтобы понимать, как править миром. Что же происходит дальше? А дальше мир рушится... Совершаются мародерства, южане грабят северян, происходят мелкие войны между районами. Люди становятся совсем не людьми. Везде вершится хаос.

И мой внутренний голос звучит набатом: "Ты этого хотела? Так, получай! Вот то, к чему ты стремилась! Как тебе твой новый мир?"

Не в силах больше выносить ужасных картин перед глазами, я роняю поднос к своим ногам. И стекло разлетается на тысячи осколков, окрашиваясь кровью. Видения пропадают, и на их место приходит реальность. Все вокруг замерло, гости смотрят на меня. Мои ноги утопают в крови. Почему же она пахнет малиной и окрашена в насыщенный розовый цвет? А эти темные глаза, смотрящие на меня с победным блеском... Почему Владыка улыбается, когда в том, что я только что увидела, не было никакой радости, один только ужас и безысходность? Хотя, если подумать, пусть улыбается, потому что он так восхитительно прекрасен, что на него можно смотреть вечно.

– Пойдем! – пролаял кто-то рядом со мной и больно дернул за руку.

Я покорно пошла, услышав напоследок слова Владыки, обращенные к тому, кто тащил меня к дому: "Как жалко, Жан, что у тебя такая неуклюжая прислуга! Ее нужно наказать и срочно". Я проходила мимо Бонни, которая бежала к осколкам стекла, чтобы как можно быстрее их убрать. Я проходила мимо Николь, застывшей словно фарфоровая статуэтка рядом с Джеспером. Она смотрела на меня с состраданием. Но с чего это она взяла, что мне нужен такой взгляд! Мне было жизненно необходимо только одно – снова всмот-

реться в темные глаза и раствориться в них. Звук бьющихся друг с другом кусочков льда все еще жил во мне. Я проходила мимо Николаса, который нервно поправлял волосы, и отчего-то избегал глядеть на меня. Ну и ладно! Зачем мне смотреть в глаза цвета безоблачного неба, когда меня навеки пленили темные глаза Владыки...

Я не заметила, как уже зашла в почти пустой дом. Только прислугу было слышно на кухне, они готовили что-то вкусное для гостей. Жан все так же тащил меня за руку, и теперь я знала, куда мы направлялись. Темная комната ждала меня опять. Зато в колючей тьме легко представить глаза... Стоп! Зачем мне их представлять? Я споткнулась на ступеньке лестницы, по которой мы спускались в подвал. Внезапно закружилась голова, и слабость разом охватила мое тело. Пришлось сесть на нижнюю ступеньку. Жан отпустил мою руку, видя, что я могу упасть.

– Да, теряет Владыка свою силу, раз не сумел загипнотизировать девчонку на большее время.

Прошло несколько минут, прежде чем я осознала, о чем говорит Жан. И это было страшное озарение. Меня загипнотизировали! Я называла главного у северян владыкой, причисляла себя к северянам, видела кровь, хотя это был всего лишь пунш! Как он это сделал? Почему я позволила это сделать с собой?

– Хватит изображать больную южанку или северянку! Уж не знаю, кем ты себя считаешь. Иди сюда! – рявкнул Жан,

открывая при мне дверь в темную комнату.

Я видела, как его рука касается пола и отодвигает маленький, незаметный до этого, квадратик. Так вот как это работает! Но зачем же он показывает мне это теперь? Мурашки побежали от быстрого и верного ответа, молнией появившегося в голове: "Жан показывает тебе, как открывается потайная дверь, потому что ты все равно больше никому об этом не расскажешь. Он убьет тебя!"

Я огляделась в поиске предмета, который сошел бы для защиты. Но рядом со мной был только стеллаж с картонными коробками, в которых хранились свечи и бытовые предметы. Мне ничего не приходило в голову, кроме как побежать наверх. Но откуда взять столько сил, которые отнял гипноз?

– Сюда иди! – прорычал Жан и, сообразив, что меньше всего я хотела бы подчиниться ему, сделал несколько шагов по направлению ко мне.

"Заколка!" – вдруг догадалась я и в одно мгновение сняла ее с волос, чтобы воспользоваться ее острой частью. Мысленно поблагодарив Ренату за такой правильный и полезный подарок, я вскочила со ступеньки и вытянула руку вперед.

– Только попробуйте сделать еще шаг!

– И что ты сделаешь? – с издевкой спросил Жан и все же остановился. – Ты хочешь заколоть меня вот этой побрякушкой?

– А если да, то что?

Я видела, как Жан побагровел от злости. Это было понят-

но. Какая-то южанка смеет перечить ему. Но ведь теперь он знал, что я – непростая южанка.

– Ты думаешь, ты выйдешь отсюда живой? Да знаешь ли ты, сколько таких, как ты, я уничтожил собственными руками!

– Зачем?

Заколка в моей руке задрожала, но лишь на секунду. Я не позволю какому-то Жану сделать мне больно. На всякий случай я сделала шаг назад. Успею ли я подняться наверх, прежде чем Жан догонит меня?

– Да сколько вас таких, вызывающих вопросы... А вдруг эта южанка та самая, которая приведет наш мир к краху?

– К краху приводите его вы!

– Я думаю иначе, девочка. – Жан посмотрел на меня уже более спокойным взглядом. – Знаешь, мы могли бы договориться. Все-таки ты наполовину северянка, да и такая хорошенькая... Даже Ник положил на тебя глаз, а уж он знаток девичьей красоты! Я мог бы держать тебя в темной комнате, а Владыке соврать, что я тебя убил.

Меня сковал ужас от понимания, к чему вел Жан. Нет уж, лучше быть мертвой, героически сражаясь с помощью острой заколки, чем быть рабыней в руках северянина.

– Никогда не бывать такому!

– Понятно. Твои мечты о спасении мира стоят выше собственной жизни? – Хочешь открою тайну, скольких южанок я убил? – Не дожидаясь моего ответа, Жан продолжил: –

Шестнадцать. Ты будешь семнадцатой!

С этими словами он бросился на меня, каким-то опытным движением руки вырывая заколку. Она с негромким стуком упала на пол, а я была почти во власти Жана.

– На колени! – проревел он, с силой толкая меня на пол.

Я упала и так и осталась сидеть на холодном полу. Передо мной мелькнул маленький серебристый пистолет. Но встать на колени было выше моих сил. Я могла так сделать перед мамой, прося прощение за все моменты, которые мелькали у меня перед глазами. Как же ей было нелегко со мной! Вот оказывается, откуда это выражение "перед смертью не надышишься"... Ты осознаешь, что твоя жизнь состояла из множества всего, чем ты не особо и гордишься, но наверное было и то, что вызывало гордость.

– Слишком свободолюбивая? Расскажи мне, кто же спасет мир, если тебя не станет! – Жан стоял и смотрел на меня свысока, наслаждаясь своей властью. – Молчишь? Ну и ладно. А я тебе все-таки расскажу, что будет без тебя дальше. На рассвете Николь выйдет замуж за моего друга. Я стану еще ближе к Владыке, может быть, даже его правой рукой. Именно этого я и ждал все эти годы...

– А как же любовь? – выкрикнула я, делая вид, что не замечаю, как появившийся, как чудо и мое спасение, Уилл осторожно спускается по ступеням.

– Вот поэтому вы все на Юге такие отсталые! Верите до сих пор в любовь... Хотя мой брат тоже верил. За это и

поплатился. Знаешь, кто его убил? – Жан присел рядом со мной на корточки и покрутил пистолетом прямо перед моими глазами. – Я его убил. И его жену тоже. Я убью всех, кто стоит у меня на пути. – Он коснулся дулом пистолета моего виска. – Сейчас твоя очередь.

Время замедлило свой бег. Невыносимо долго Уилл добирался до Жана, и казалось, он уже не успеет остановить его. Как много я хотела бы успеть в жизни, и самое главное, я должна успеть остановить северян. Мой мир не должен принадлежать таким негодьям, которые спокойно перечисляют совершенные убийства.

Я смотрела на Жана, а перед глазами проплывали картины прошлого, где он причинял мне боль. Ру, пронзительно кричащий от полученной пули; моя брошь, горящая в синем огне; кабинет с чучелами животных, которые могли бы быть живы...

Вдруг я вижу то, что не должна ни коем образом видеть. Родители Николаса и Николь (Я сама не понимаю, откуда я знаю, что это именно они!), в лицах которых неподдельный страх, потому что они наблюдают перед собой то же, что и я – серебристое дуло пистолета. Девушки, много девушек, умоляющих не убивать их, но в ответ каждой слышится лишь лающий смех человека, переступившего все нормы нравственности. Рианна, умирающая в своей постели и произносящая имя Уилла... А он так далеко от нее, уехал выполнять задание Жана...

Не знаю, сколько длились эти видения. Время как будто перестало быть властно надо мной. Жан уже не держал пистолет в руках. Он лежал, скорчившись на полу, и теперь уже Уилл направлял дуло на голову человека, ненависть к которому не знает конца. Это так просто – нажать на курок, но руки Уилла почему-то дрожали.

– Иди в комнату, – произнесла я не своим голосом, твердо вставая на ноги.

Жан непонимающе посмотрел на меня. Он медленно поднялся на колени и произнес:

– Только не в комнату! – И голос его тоже был неузнаваем, таким испуганным он показался мне. – Пожалуйста, я боюсь тесного пространства...

– Пошел туда! – поддержал меня Уилл.

Жан медленно поднялся с колен и, понуриив голову, побрел к комнате. Он еще пытался что-то говорить, заходя во тьму, но я уже двигала нужный квадратик на его прежнее место. В голове не было вопросов, правильно ли я делаю. Я просто знала, что темная комната давно ждала своего создателя. И он к ней пришел.

Только когда дверь закрылась до конца, когда ужасающий крик раненого зверя, оставшегося в западне, растворился за стеной, я глубоко вздохнула. Казалось, до этого я не могла даже дышать.

– Ты в порядке? – спросил Уилл, подойдя ко мне и кладя ладонь мне на плечо.

– Не знаю, – честно ответила я, все еще восстанавливая дыхание, как будто я бежала слишком долго.

– Я и не предполагал, что ты так умеешь!

– Что умею?

– Защищаться, – пожал плечами Уилл и лишь когда увидел мой, полный недоумения, взгляд, продолжил: – Ты же отбросила Жана одним только взглядом...

– Я? – спросила я, поднимая свою заколку с пола. Она не помогла мне, но тем не менее я засунула ее в волосы, ведь это подарок Ренаты. – Разве это не ты помог мне?

– Да я же не успел, был на лестнице, когда ты... Я до сих пор поверить не могу! Я такого раньше и не видел!

В том то и дело, Уилл, что я тоже не видела... и не помнила. В какой момент я могла такое сделать? Когда вспоминала про Ру или когда ко мне пришли эти странные видения?

– Да, ты и вправду поможешь нашему миру, – задумчиво произнес Уилл, глядя мне в глаза.

– Как-то не слишком убедительно звучит. Значит, до всего этого ты считал иначе?

– Посмотри на себя... Ты хрупкая юная девушка. Тебя Владыка загипнотизировал моментально.

– Ты видел, да?

– Конечно! – с волнением воскликнул Уилл. – И ничего не мог сделать, кроме того, чтобы наблюдать дальше. Не слишком хороший из меня хранитель получился...

– Нормальный, – произнесла я, все еще до конца не веря

во все, что произошло со мной.

– А впереди столько опасностей! – продолжил Уилл, взмахнув руками. – Как ты справишься, если со мной что-то случится, и я не смогу защищать тебя до конца? Но теперь своими собственными глазами я увидел, что ты сможешь постоять за себя. Если не впадешь опять в ступор, как сейчас.

– Уилл, скажи, а ты же не был здесь, когда умерла Рианна? Мужчина застыл и с огромным удивлением смотрел на меня.

– Не был. Я возил Жана в столицу. А откуда ты знаешь?

– У меня было что-то похожее на видение. Я видела, как она умирала. Она любила тебя...

Никогда раньше я не замечала столько невысказанной боли в глазах мужчины. Та, которую он любил, умерла в одиночестве. Я понимала, чувство вины съедало Уилла все это время изнутри, но изменить что-либо было уже не под силу никому из нас.

– Рианна сейчас в хорошем месте и ждет тебя, – произнесла я и не поняла, почему сказала эту фразу. Она взялась ниоткуда, сама собой.

– Спасибо, – с благодарностью сказал Уилл, не спрашивая больше ничего. – А теперь нам нужно уходить.

– Мне нужно забежать в свою комнату и переодеться. – Я посмотрела на свое красивое, но уже не слишком чистое платье, потому что подол был запачкан пуншем. – И сумку забрать!

– Леона, нужно быстрее. Владыка может понять, что пошло что-то не так.

– А с ним что делать? – Я кивнула на стену, за которой находилась темная комната.

– Оставим его здесь.

– Но он умрет!

– И тебе его жаль? После всего, что он сделал?

"Шестнадцать. Ты будешь семнадцатой", – пронеслось ураганом у меня в голове. Если оставить Жана в комнате навсегда, то больше никто не пострадает. А расплата такова, что все его жертвы будут приходить к нему в темноте... Раскается ли он после длинной и страшной для него ночи, или еще больше обозлится? И все-таки я не убийца... Не могу переступить себя, даже зная, что Жан достоин смерти. Пусть его судят южане за все преступления, которые он совершил.

Мой план сложился очень быстро, и все благодаря Бонни, которая зашла на кухню с пустым подносом в тот самый момент, когда я направлялась в свою комнату, а Уилл остался ждать меня в холле. Я обняла ее, а она сразу поняла, что я прощалась с ней навсегда. Конечно, она думала, что я убегу в Лес, и я не стала разубеждать ее в этом, только попросила ее зайти в мою комнату утром. Там я планировала оставить записку, касающуюся Жана, в которой говорилось, как открыть потайную дверь. Еще я написала короткое, но полное искренности, пожелание счастья Николь, затем поразмыслив, добавила туда имя ее брата. Вполне возможно с про-

пажей Жана свадьба отложится на неопределенное время. Я положила записки на кровать и только это я и успела сделать в своей комнате, потому что через минуту в нее ворвался Уилл.

– Скорее. Мы уходим через заднюю дверь. Владыка в доме!

Я не успела испугаться, потому что через короткое мгновение мы бежали по узкому коридору к выходу. Уилл сам нес мою сумку, а я была в перепачканном платье, не успев даже переодеться. Огромным сюрпризом для нас было то, что нужная нам дверь оказалась заперта. Уилл даже ругнулся по-северянски тихо, но очень жестко, и мне было бы смешно, если бы не стало страшно от того, что позади нас раздались шаги. Кто-то шел за нами, а мы были в тупике, и дверь не поддавалась. Мы застыли в нерешительности, пока я не вспомнила о своей заколке. Она не помогла в случае с Жаном, но вдруг выручит сейчас... Я быстрым движением вытащила ее из своих волос и вставила в замок. Покрутив в разные стороны, стало понятно, что затея не удалась. Заколка не помогла и в этот раз.

Уилл тяжело вздохнул и повернулся к приближающемуся к нам человеку. Если это Главный, то что мне делать? Попасть снова под гипноз совсем не хотелось. Смогу ли я противостоять этому?

В полутьме нельзя было разглядеть подробно человека, который подходил к нам. Но было понятно, что это мужчина,

и что он высокий. Он, кажется, еще не видел нас, но четко шел к своей цели. А целью, бесспорно, были мы. Я нервно сглотнула и вдруг услышала еле слышный голос Николь. Я напрягла все свое зрение, чтобы увидеть ее, но безрезультатно. Зато внезапно стало понятно, что передо мной, как вкопанный, остановился Николас.

– Леона? – удивленным тоном спросил он.

– Где? – вновь раздался голос Николь, и наконец, она появилась в поле моего зрения, выйдя из-за спины брата. – О, Леона! О... – воскликнула девушка, заметив Уилла.

На Николасе был все еще одет его праздничный наряд, а вот Николь сменила свое свадебное платье на кожаные брюки и клетчатую рубашку. За спинами обоих виднелись лямки рюкзаков. Непонимание причин всего их вида и действий сменилось осознанием: они тоже убегали! Теперь я поняла причину смены настроения Николь. Она не смирилась со свадьбой, она уже знала, что ее не будет!

– А вы что тут делаете? – многозначительно поинтересовался Николас, глядя в упор на Уилла.

– А мы пытаемся открыть вот эту дверь... – ответил Уилл, которого, судя по его серьезному виду, встреча с этими двумя не обрадовала.

– Зачем?

Тон Николаса, строгий и раздраженный, показался мне смешным, и я позволила себе небольшой смешок. Видимо, нервное напряжение этого вечера сказалось вот таким стран-

ным образом. Я поняла, что еще чуть-чуть и у меня начнется истерика, поэтому я быстро спросила, тая надежду на положительный ответ:

– У вас есть ключ?

– Ты про вот этот? – Николас вынул из кармана пиджака ключ и повертел его перед моими глазами. – Не могу поверить, что ты убегаешь с водителем! Я думал, ты заперта в темной комнате. Пожаловаться бы на тебя Жану...

– Но ты не можешь, – таким же строгим тоном сказала я. – Ваш побег тоже сорвется.

Николас что-то тихо проговорил себе под нос, и хотя я не смогла понять ни единого слова, предположила, что это было адресовано мне. Тем не менее, он открыл дверь ключом и сделал жест невиданной щедрости, пропуская меня первой вперед. "Наверняка там опасности, о которых я не знаю", – подумала я, делая несколько шагов в сторону высокого забора. Для того, чтобы выйти за его пределы, нужно незаметно проскочить до запасных ворот. Совсем рядом были слышны громкие разговоры гостей. И хотя я сомневалась, что кто-то из них мог забрести сюда, в самую глушь сада, нужно было вести себя осторожнее.

– Расходимся. Вчетвером мы слишком заметны, – произнес Уилл, беря меня за руку.

– С какой стати я буду слушать водителя? – холодно поинтересовался Николас.

– Еще чуть-чуть и я перестану быть простым водителем,

а твоя заносчивость уйдет, как только ты окажешься за забором!

Я видела реакцию Николаса на слова Уилла. На его лице отчетливо проступил гнев, а пальцы сжались в кулаки. В другой момент она бы меня позабавила, но внезапно я отчетливо услышала, как бьются льдинки друг о друга, и слова, произнесенные красивейшим голосом, какой я когда-либо слышала: "Никто не может разрушить его..." Воспоминание ли это, или мираж, но я испугалась не на шутку.

– Нам нужно уходить. Скорее! – прошептала я ужаснувшись от осознания, что еще мгновение – и уже не смогу ступить ни шагу, просто приросту к земле и дождусь того, кто гипнотизировал меня своими темными глазами.

– Тогда давайте держаться друг друга, – тихо сказала Николь, надевая кепку на голову. Она оценивающе посмотрела на меня и спросила: – Почему ты не переоделась?

– Не успела, – уже на бегу ответила я, понимая, что в этой компании больше всего внимания привлекаю именно я своим длинным светлым платьем.

В наступающих сумерках все вокруг казалось уже не таким четким, но это не успокаивало, потому что я была слишком заметной. А ведь я приготовила темную одежду, чтобы слиться с ночью. Жаль, что наш план побега был нарушен. А вот Николь с Николасом очень хорошо подготовились, у последнего даже ключ от ворот был припасен. Уилл тоже позаботился об этом, и двое мужчин начали спорить, кто же от-

кроет заветную дверь. Как будто у нас было время для таких пререканий! Мне пришлось вырвать ключ у Уилла и самой ее открыть.

– Свобода! – воскликнула Николь, не задумываясь о том, что наша свобода длится всего несколько секунд.

– И куда теперь? – спросила я Уилла, зная, что нам нужно двигаться по дороге, но не зная, как нам достичь хотя бы Снежной Крепости.

– Сбегаете в Лес? – с пренебрежением поинтересовался Николас, не дав Уиллу ответить на мой вопрос.

– Нет! Нам не в ту сторону, – отрезала я и еле сдержала улыбку, понимая, что Николас наверняка удивился услышанному. – А у вас какой план?

– Так я тебе и рассказал!

– Да и не надо!

– Мы идем туда, – прервал меня с Николасом Уилл, направляя за собой.

Я только и успела махнуть на прощание рукой Николь, которая все больше молчала, чем говорила, с того самого момента, как мы встретились. Она медленно помахала мне в ответ и что-то сказала Николасу, молча наблюдавшим за мной. Я не хотела себе признаваться, но в глубине души понимала, что мне было жаль прощаться и с ним.

– Давай быстрее. Мы еще совсем не в безопасности, – произнес Уилл, ускоряя шаг.

– Мы пойдем пешком?

– Нет, за поворотом стоит машина.

Эта фраза была сказана таким непонятным тоном, что я не поняла, ирония ли это была или правда. Я почти бежала за Уиллом, осуждая несправедливость этого мира, в котором многие знакомые мужского пола имеют слишком длинные ноги. Хорошо, что через несколько минут мы действительно оказались у небольшой черной машины. Мимо нас по тротуару прошли парочка северян, даже не посмотревших в нашу сторону. Может, не все так плохо, как я думала. Вполне обычная ситуация для Севера: северянин, одетый в черную одежду и южанка в светлом садятся в машину и уезжают неизвестно куда. Все случается в этой жизни. Меня вообще чуть не убили... Я вздрогнула от этих мыслей. Правильно ли я поступаю, если уезжаю, не рассказав Николь и Николасу, как были убиты их родители, и самое главное, кем? Ведь они имеют право это знать!

Пока я размышляла об этом, Уилл заводил машину, но даже я поняла, что с ней что-то не так. Странные булькающие звуки не были похожи на ровное гудение мотора.

– Придется идти пешком, – раздраженно произнес Уилл, быстро открывая дверь.

Я последовала его примеру. Внезапно рядом с нами остановилась другая машина, современная, серебристая, и наверняка развивающая огромную скорость. Передняя дверь начала открываться вверх, и мы увидели Николь.

– Эй, давайте к нам! На этой развалюхе вы быстро не уде-

те...

Почему-то это предложение я восприняла с радостью, на какую была способна после всего, что произошло со мной.

– С ума сошла? – воскликнул Уилл, поняв, что я собралась принять предложение Николь.

– Есть еще какие-то варианты?

Не услышав ответа от Уилла, я села на заднее сидение машины. Впереди меня сидел Николас, напряженно стуча пальцами по рулю.

– Можно было бы и побыстрее, – нервно проговорил он, когда Уилл сел рядом со мной, положив между нами мою сумку.

Николас нажал на газ, и меня прижало к спинке сидения.

– А куда вы едете? – спросил Уилл настороженно. Скорее всего он не доверял брату и сестре.

– Едем вглубь Севера. К нашей бабушке. Она меня укроет ото всех бурь, – скороговоркой проговорила Николь, а я со своего места увидела, какой пристальный взгляд на нее бросил Николас. Он тоже не доверял нам.

Из непродолжительной беседы выяснилось, что ехать нам всем нужно в одном направлении, и что бабушка живет в той же стороне, куда нужно и нам с Уиллом. Я не стала спрашивать Николь, почему их бабушка не жила больше в доме Жана, не стала рассказывать, кто стал причиной смерти родителей. Я просто наслаждалась наступившим спокойствием. Еще вчера мне представлялось, что всю ночь я буду брести

по дорогам, натирая ноги в кровь, а сейчас я еду в машине, и этот ужасный дом вместе с Жаном и всеми остальными гостями остался далеко позади.

Все вокруг стало темным и мрачным. Лишь тусклый синий свет фонарей подсвечивал наш путь. А машина неслась с огромной скоростью, скользя по темной ленте дороги. Слева уже виднелся лес, а справа начинался очередной район северян.

Мой взгляд постоянно встречался с непродолжительным взглядом Николаса, бросаемым через зеркало заднего вида. Николь, до этого эмоционально беседующая с нами, молчала уже некоторое время. И вроде бы все было, как нужно, но непонятная тревога вдруг охватила меня. Она терзала меня, наводя смуту в сознании, пока в голове не послышалась четкая мысль: "В машине больше небезопасно!"

Я осторожно посмотрела на Уилла, но он сидел со спокойным выражением лица. Все еще сомневаясь в своих ощущениях, я сидела как будто на гвоздях. Как будет глупо, если я сейчас попрошу всех выйти из машины, сама не понимая, почему. Про внутренний голос и говорить нечего! Посчитают сумасшедшей...

"Выходи!" – несколько раз пронеслось в моей голове, прежде чем я увидела на дороге белое пятно, к которому мчалась наша машина. Николас тоже его заметил и резко затормозил, отчего меня мотнуло вперед. Теперь я поняла, что это было за пятно – это был Дух Леса. Не Интарион, а кто-

то другой. Машина остановилась в метре от него, а тот даже не испугался. Лицо его светилось синим светом, и он что-то говорил, но я не могла разобрать.

– Скажите, что вы тоже это видите, – взволнованно сказал Николас.

– О, да! – воскликнула Николь.

Дух Леса взмахнул рукой в сторону леса и исчез. И теперь я точно поняла, что он имел в виду.

– Выходите из машины! – сказала я, открывая дверь. Прохладный ветер тут же взметнул подол моего платья, но я не обратила на это никакого внимания. Я хотела лишь одного – как можно быстрее отойти от машины. – Нам нужно идти в лес.

– Что за чушь? – Николас тоже открыл дверцу и вышел вслед за мной, но лишь затем, чтобы уговорить вернуться обратно. Он подошел ко мне вплотную и надменно произнес, смотря на сумку в моих руках. – На машине мы быстро доберемся до места. Зачем нам ее бросать?

– Что-то случится с ней, – неопределенно ответила я, наблюдая, как из машины выходят Уилл и Николь. – Возьмите свои вещи и быстрее в лес. Неужели вы не поняли, что перед нами был Дух Леса?

– Да мало ли кто это был! Какие еще Духи Леса? Сказок начитались? Я никуда не пойду! – упрямо возразил Николас, скрещивая руки на груди.

Николь сделала несколько шагов в нашу сторону. Она

прислушивалась к нашему спору, но не вставала ни на чью сторону.

– Но я тоже его видела, – произнесла она, перебивая своего брата. – Как ты говоришь... Дух Леса... Ник, нам нужно прислушаться к Леоне.

– Я бы на вашем месте действительно доверился Леоне, – сказал Уилл и первым направился в лес.

– И давно ты ей доверился?

В вопросе Николаса звучала злая ирония, которую Уилл скорее всего уже не услышал, потому что ушел от нас на несколько метров вперед, растворяясь во тьме. Спустя мгновение впереди зажегся слабый свет – это Уилл включил фонарик, чтобы освещать нам путь. Я последовала за ним

– Вы что сумасшедшие? Знаете сколько тварей обитает в лесу? – громко спросил Николас, но отвечать ему никто уже не собирался. Николь, надев рюкзак на спину, шла рядом со мной.

– Ты уверена? – только и спросила она меня.

– Как никогда.

Я надеялась, что Николас нас догонит. В конце концов, его сестра тоже шла рядом с нами. Но с каждым шагом мы удалялись от места, где стояла машина, а Николаса все не было. Мы остановились у лесной тропинки, которая вела в чащу леса. Если мы зайдем туда, Николасу нас уже не найти.

– Может, подождем здесь? – предложила Николь. – Ник слишком упрям, чтобы сдать сразу. А мне нужно отдох-

нуть. Кажется, ногу натерла.

В подтверждение своих слов девушка села на свой рюкзак и тут же сняла с себя обувь. Уилл примостился рядом и принялся искать фонарик, который крепится на голову, чтобы идти дальше в лес со свободными руками. По крайней мере, именно так он сказал нам.

Мне же не сиделось. Беспокойство о Николасе и пришедшие с ним сомнения в правильности сделанного вывода, что машина действительно опасна, заставили меня пойти обратно, чтобы уговорить упрямого индюка пойти с нами.

Я шла все по той же тропинке, освещая ее неярким светом фонарика, переданным Уиллом, когда я озвучила, что хотела сделать. Кажется, я слишком устала, чтобы вновь препираться с Николасом. Никаких аргументов за то, чтобы пойти в лес у меня не было. Кроме Духа Леса, в которого Николас, как оказалось, и не верил.

Посветив фонариком вперед и никого не увидев, я вздохнула и даже начала злиться. Как можно бросить свою сестру на произвол судьбы! Ладно меня, незнакомую южанку, не послушать! Мои мысли были прерваны неожиданным криком: "Бу!" Николас в очередной раз решил меня напугать, но я лишь вздрогнула. Знал бы он, что мне пришлось сегодня пережить, не стал бы вести себя, как озорной мальчишка!

– Не смешно, – сказала я, повернув обратно к лесу. Теперь мне стало спокойней от того, что Николас шел рядом со мной.

– А мне очень даже! Скажи мне, зачем нам нужно усложнять себе жизнь, если можно быстро доехать на машине до нужного места...

– Нужно иногда верить в свой внутренний голос.

– Это он посоветовал тебе сбежать с Уиллом? – поинтересовался Николас ледяным тоном.

– Я не...

Я не "сбегаю с Уиллом", хотелось бы мне сказать, но вместо этого замолчала. Как еще можно объяснить то, что северянин и южанка сбегают вместе? Николас и Николь точно подумали о единственном правильном варианте: у меня с Уиллом роман.

– Это даже как-то обидно, – продолжал рассуждать Николас. – Я сидел с тобой в темной комнате и даже подумать не мог, что ты вот такая...

– Какая?

Я резко остановилась, и Николасу пришлось сделать то же самое. Но он не успел ничего ответить, потому что за спиной раздался страшный, оглушающий звук, а под ногами затряслась земля. Кто из нас упал первым на траву, я уже не поняла, но какое-то время мы так и лежали, не двигаясь, потрясенные и ничего не слышащие. В моих ушах что-то звенело, и лишь потом я начала различать звуки вокруг. Что-то страшно трещало и шипело. В воздухе чувствовалась гарь.

– Что это? – спросила я, видя, что Николас осторожно поднялся, чтобы посмотреть на дорогу, откуда и были слыш-

ны пугающие звуки.

– Моя машина взорвалась.

Я встала и увидела огромное пламя, устремившееся вверх, к черному небу, на котором сегодня нельзя было разглядеть ни одной звезды. Но не это зрелище ужасало, а то, что сказал ошеломленный Николас:

– Нас хотели убить...

Глава 11

Кто именно хотел убить Николаса и Николь, мы не знали, могли только предполагать, и как обычно не сошлись в общей точке зрения. Николас считал, что Жан каким-то образом прознал о побеге и решил разделаться со своими племянниками за непослушание. Мне же все виделось намного сложнее, и почему-то я думала, что хотел убить всех нас Главный. Обе версии пугали до дрожи. За один день я умудрилась побывать на волосок от смерти дважды. То ли еще будет впереди...

– Уходим отсюда. Быстрее! – сказал взволнованно Уилл, внезапно появившись на тропинке рядом с нами и тут же направившись в сторону леса.

– Что, даже не спросишь, в порядке ли мы? – с сарказмом спросил Николас, но тем не менее пошел за ним.

– Живы и ладно!

Я хотела подавить смешок после слов Уилла, но он все равно вырвался наружу.

– Что смешного? – поинтересовался Николас, чуть обо-

рачиваясь на меня. – Как ты вообще узнала, что с машиной что-то будет не так? Вот только не надо про Духа Леса...

– Это все Дух Леса! – назло ему ответила я.

– Да это же сказочки для маленьких... – начал было говорить Николас и тут же споткнулся о невидимую мне кочку. Удержав равновесие, он хмыкнул и обратился к Уиллу: – А где Николь?

– Ждет у опушки леса.

– Ты что оставил мою сестру одну?

– А ты разве нет?

– Я забирал вещи из машины и уже шел к вам...

– А твоя сестра осталась стеречь вещи. Тем более мы издалека слышали, что с вами все в порядке, иначе вы бы не стали так громко разговаривать...

Я уже хотела поменять тему разговора, потому что слушать перепалку двух мужчин было уже слишком. Но вдруг со стороны дороги раздались громкие звуки сирен и, обернувшись, я увидела, что к горящей машине подъезжали две большие. Они вспыхивали ярким синим светом, и все вокруг озарялось и пульсировало в ответ.

– Кто это?

– Служба спасения, – рассеянно ответил Николас. – Наверное вызвали жители района напротив, услышав взрыв.

– Выключите фонарики, – сказал Уилл и последовал своему же совету. – Лучше не привлекать внимания.

В темноте идти пришлось медленнее. Я на всякий случай

даже схватилась за рукав Николаса.

– Бельчонок испугался? – насмешливо спросил Николас.

– Почему это я бельчонок?

– У тебя брошка была с белочкой. Кстати, где она?

– Твой дядя бросил ее в огонь.

– Да, он может! Мне жаль...

Тут я вспомнила про Жана, который все еще сидел в своем темном и страшно любимом месте, и будет сидеть там до утра. И вдруг я спохватилась: а ведь Бонни и читать особо не умеет! Записка, которую я ей написала, может оказаться непрочитанной. И, вероятно, Жан не выберется оттуда никогда!

Я не помнила, как мы вышли к Николь. Не помнила, как я переоделась в удобную одежду. Я только бессознательно шла вслед за Уиллом, светя фонариком себе под ноги, а в голове отчаянно и хлестко звучало: Я – убийца!

Под стать моему настроению начал идти дождь. Вначале несильный и тихий, он совсем не мешал идти. Но вскоре небо как будто прорвало, и полил сильный ливень.

– Нам нужно все равно идти дальше! – крикнул Уилл, сверяя наш маршрут с компасом. – Опасно останавливаться недалеко от машины!

Николас что-то неслышно из-за шума дождя возразил, но мы все равно продолжили путь. От усталости я еле передвигала ногами, но все равно шла вслед за Уиллом. Не знаю, как могла идти Николь, потому что ее ноги были стерты в

кровь, но и она находила в себе силы двигаться дальше. Николас замыкал наше шествие. Мы брели долго, слишком долго для людей, которые никогда не занимались продолжительной ходьбой. На мне все было мокрым и холодным, в ботинках хлюпала вода, а сами ноги утопали по щиколотку в грязи.

Первой сдалась Николь. Она громко крикнула, чтобы мы все услышали:

– Я больше не могу!

– Нужно двигаться дальше! – отрезал Уилл.

– Тебе надо – ты и двигайся! А я все... – С этими словами

Николь устало прислонилась к дереву.

– Нужно найти место для отдыха, – настойчиво сказал Николас. – Мы все слишком устали, чтобы продолжать идти.

Ни у кого нет палатки случайно?

– Есть, – ответил Уилл. – Но она двухместная.

– Хмм... понятно!

Мне не понравился тон Николаса, но я была слишком измучена долгой дорогой и чувством вины, чтобы что-то сказать ему. Пусть и дальше думает, что у меня роман с Уиллом. Какая мне разница, о чем вообще думает он!

Уилл осмотрелся с помощью фонарика, но даже он мало, что понял. Стена дождя, от которой не защищали даже пышные кроны деревьев, не позволяла ничего разглядеть вокруг.

– Ник! – вдруг испуганно воскликнула Николь.

– Что?

– А что ты говорил про тварей в лесу?

– Если бы ты читала не только свои журналы, ты бы знала, что...

– Ник! – перебила его Николь. – Что-то обхватило мои ноги!

Мы с Уиллом посветили фонариками на ноги Николь. И то, что мы увидели, никому не понравилось: большая толстая змея медленно обвивала Николь снизу, поднимаясь все выше и выше.

– Не двигайся! – дал четкое указание Уилл и достал из кармана нож.

Николас дернулся к сестре, но я схватила его за руку. Без оружия он ничем не мог помочь Николь, и сам это понимал.

Уилл сделал шаг к девушке, которая дышала часто и, кажется, тихо плакала. Даже дождь уменьшился, и теперь вся жуткая картина стояла перед нашими глазами четче. Николас сжал мне руку так, что даже было немного больно, но я понимала, что он уже ни о чем не думал, кроме того, что его сестра в опасности. Несколько напряженных минут мы наблюдали, как медленно Уилл подходил к Николь. Змея уже не поднималась выше, застыв на уровне ног. Ее голова чуть покачивалась из стороны в сторону, и было непонятно, заметила ли она приближающегося к ней Уилла.

Страх сковал меня изнутри, потому что я понимала всю опасность ситуации. Уилл уже занес нож, но никак не мог решиться на удар, потому что голова змеи все еще двигалась. И тут в одно мгновение из кустов выскочил зверь, похожий

на барсука, и набросился на змею. Еще одно мгновение – и только что покачивающаяся голова рептилии находилась в зубах этого существа.

Николь вскрикнула от ужаса, а зверек убежал обратно в кусты, волоча за собой змею. Никто из нас не ожидал такого чудесного спасения. Лишь спустя несколько секунд Николас бросился к сестре, чтобы успокоить ее. Истерика, которая чуть не случилась со мной, приключилась с Николь. Она повисла на Николасе и разрыдалась.

Только сейчас я поняла, что дождь перестал идти. С деревьев все еще капало. Небо просветлело, и на нем можно было разглядеть звезды.

– Заканчивайте нюни распускать! – хмуро произнес Уилл. – Нам нужно найти место для ночлега.

– Где же мы его найдем? Может, рядом с этим милым деревом? И тогда еще одна змея соизволит выползти на нас, – презрительно сказал Николас, все еще обнимая сестру.

– Предпочел бы сгореть в машине?

– Предпочел бы переночевать в каком-нибудь доме! – резко ответил Николас Уиллу.

– Может, пройдем вперед и поищем его? – пошутила я и первая двинулась дальше.

– Слышали? Все идем за южанкой!

Я не стала обращать внимание на сарказм Николаса. Просто шла вперед, пока Уилл не обогнал меня, чтобы занять место лидера. Обернувшись, я увидела, что Николас нес

обессилившую Николь на руках. Стало понятно, что далеко мы не продвинемся. Даже то, что я забрала рюкзак Николь к себе, чтобы облегчить ношу Николаса, не поможет долгому пути. "Лес, помоги!" – попросила я в своих мыслях Духов Леса, понимая, что все мы очень устали. Каково же было мое удивление, когда пройдя несколько метров, впереди показался небольшой домик. Уилл остановился и что-то проговорил себе под нос, и хотя в лесу было тихо, я не смогла разобрать ни слова.

– Наши мечты сбываются? – иронично спросил Николас, тоже завидев домик. Он осторожно поставил на ноги Николь рядом со мной.

– Нужно убедиться, что он пустой, – сказал Уилл. – Стойте здесь я посмотрю.

Сбросив рюкзак, Николас пошел вслед за Уиллом. Я даже слышала начало их очередной перепалки:

– Я сказал остаться там.

– Еще чего!

В слабом свете фонарика я увидела, как Николас достал из кармана своего пиджака пистолет и взвел курок.

– У тебя есть пистолет?

– А у тебя что нет?

– Нет! Тогда почему ты не стрелял в змею?

– Потому что змея обвивала ноги Николь. Я что идиот, чтобы стрелять по сестре?

Дальнейшее препирательство мальчишек, по другому

сейчас я не могла их назвать, я уже не слышала. То ли они решили замолчать, потому что приближались к домику и боялись привлечь к себе внимание, то ли просто устали спорить. Я повернулась к Николь.

– Ты как?

– Лучше, чем рядом с тем проклятым деревом, – ответила девушка с усмешкой. – Но мои ноги ужасно болят! Больше не сделаю ни шагу.

– Да, нам всем нужен отдых.

– Леона, расскажи мне, как ты вообще закрутила роман с Уиллом.

– Нет у нас никакого романа!

– Но ты с ним! – упрямо возразила Николь, ничего не понимая.

– Он просто помогает.

– Но почему ты не убежала в Лес?

– Потому что у меня другие цели.

– Работать в библиотеке, да?

– Почти, – ответила я, радуясь, что Николь сама придумала причину моего побега.

– А Уилл тогда причем?

– Он убежал за компанию. У него родственники там. – Я неопределенно махнула рукой в сторону, сама не зная, где это "там".

Николь еще какое-то время вопрошала меня вопросами, на которые у меня не было честных ответов. И поэтому я

впервые невероятно обрадовалась появлению Николаса.

– Все в порядке. Это заброшенный дом. Никто там уже давно не живет. – С этими словами он подхватил на руки Николь и пошел в направлении домика.

Я поспешила следом. Только сейчас я вспомнила, как просила помощи у Духов Леса, и они действительно помогли. "Спасибо", – прошептала я еле слышно, но это была благодарность, силу которой выстукивало сейчас мое сердце.

Домик был небольшим, бревенчатым, с прорезанными окнами без стекла. Никакой мебели внутри не было, кроме старенького кресла и небольшого круглого столика с двумя стульями рядом. Как будто в этом доме только и делали, что сидели, а нам всем очень хотелось спать лежа. Уилл растянул палатку посередине комнаты и любезно предложил нам с Николь поспать там. Он и Николас собирались спать прямо на голом полу. Моя жалость к ним притупилась невероятной усталостью. Даже снимать мокрую одежду и надевать сухую было слишком тяжелой работой. Мне хотелось лечь хоть где-нибудь. Похоже, у всех были примерно такие же мысли, потому что через несколько минут, мы все разом провалились в сон.

Не знаю сколько я спала, но очнулась, когда вокруг все еще было темно. Отдохнувшей я себя совсем не чувствовала, потому что кошмар, из-за которого я проснулась, был слишком ярким. И в нем были не обычные монстры, к которым я почти привыкла. Мне снился Жан, умирающий в безрадост-

ной темноте комнаты, в которую я его заточила. Он стучал по кирпичным стенам и кричал, как маленький испуганный мальчик, а я сидела на ступеньке в подвале и смеялась. И смех мой был чудовищно страшен.

После такого сна мне срочно нужен был свежий воздух. И хотя эта ночь оказалась совсем не жаркой, в палатке все же было намного теплее, чем снаружи. Я осторожно, чтобы не разбудить спящих, выбралась наружу. Ночная прохлада дома так взбодрила меня, что я вздрогнула и обхватила себя руками. На мне было невесомое свадебное платье, которое оказалось единственным сухим предметом одежды, пережившим ливень. Ботинки еще не высохли, но другой обуви у меня не было, а выйти из дома хотелось слишком сильно. Пришлось обуть еще сырые ботинки.

На светлеющем небе все еще виднелись звезды, уже не слишком яркие. Судя по всему, ночь уступала свое место дню. Совсем скоро рассвет.

– Не спится?

Уилл подошел ко мне так неслышно, что его вопрос заставил меня вздрогнуть.

– И тебе тоже?

– Я просыпаюсь от каждого незначительного шороха.

– Уилл, – начала я и не знала, как продолжить. Все мои мысли после кошмара опять вращались вокруг Жана.

– Ты думаешь о Жана?

– Мне он даже снился! – не слишком тихо воскликнула я

и заломила руки. – Понимаешь, я написала записку Бонни, а в ней инструкция, как открыть темную комнату.

– Зачем?

Я удивленно посмотрела на Уилла. Сам-то не смог нажать на курок, а потом еще спрашивает, зачем...

– Я не убийца!

– Я тоже! Но он хотел тебя убить... Ты бы сейчас здесь не стояла.

– Какая разница, – обреченно сказала я, глядя вдаль. Где-то там проснулось солнце. Я это поняла по нежно-розовым всполохам на небе. – Бонни все равно не умеет хорошо читать.

– Вот и славно! – произнес Уилл, глядя на дом позади меня.

Я обернулась. На пороге стоял Николас в одних черных брюках и в распахнутой рубашке. Он лениво потягивался.

– Что славного? – спросил Николас, видя, что мы с Уиллом замолчали.

– Утро, говорю, прекрасное начинается. Пойду раздобуду нам что-нибудь поесть. – С этими словами Уилл направился вглубь леса.

– Мне, пожалуйста, круассан и кофе, – вдогонку ему произнес Николас и, не обращая внимания на не слишком хороший ответ от Уилла, включающий в себя, что именно он принесет ему на завтрак, обратился ко мне: – Я слышал, вы говорили о Жане. Что там с ним?

– Он в темной комнате.

Николас подошел ко мне вплотную, и мой взгляд уперся совсем не в глаза, а в голый торс. Пришлось запрокинуть голову, чтобы увидеть лицо Николааса.

– Почему он там? – спросил он.

– Хотел меня убить.

– Я его понимаю.

– Я серьезно.

В еще туманном рассвете я не могла разглядеть выражение лица Николааса, но было ясно, что он опешил.

– Что-то я не понял...

– Жан действительно хотел меня убить, – твердо сказала я и поняла, что сейчас самое время рассказать Николаасу все, что знала.

Не так я представляла себе, как сообщу ему о том, что случилось с его родителями. Честно говоря, я вообще не могла представить, как такое можно рассказать. Но в исчезающей серой дымке, единственном напоминании об уже ушедшей ночи, нужные слова нашлись сами собой.

– Почему ты вчера не рассказала? – холодно спросил Николаас, сделав шаг назад.

– Наверное, я была в шоке. Такое не расскажешь просто так...

Николас провел рукой по своим волосам и взглянул на светлеющее небо. А потом он сделал то, что меня удивило: он засмеялся отрывисто и глухо, закрыв лицо руками.

Несколько минут я не понимала, что происходит. И только когда сделала шаг к нему, сообразила, что Николас плакал. Я положила руку ему на плечо, чтобы поддержать. Быть может, иногда смех лучше, чем слезы, или все-таки наоборот?

Николас как будто остолбенел, глядя в мое лицо. Что он там видел, я не знала. Но вдруг поняла, что Николас перестал меня раздражать, потому что сейчас я видела его настоящего. Его постоянные друзья, заносчивость и сарказм, растворились в тумане, а в светлых рассветных красках открылось нечто новое, трогательное и честное.

– Мне так жаль, – произнесла я и замолчала, заметив, как Николас помотал головой.

– Знаешь, я теперь сам жалею, что не закрыл его в той комнате. Я его ненавидел. Но сейчас моя ненависть переросла в отвращение. Человек не может быть таким, как Жан. Мои родители были бы живы, если бы не... – голос Николаса сорвался.

Я порывисто обняла его, потому что перед моими глазами стояли его родители, приговоренные к смерти. Об этих видениях я, конечно, не рассказала Николасу, так же, как и о том, что я девушка из легенды.

– Так вот как нужно привлекать внимание женского пола... давить на жалость! – уже совсем другим, более циничным тоном произнес Николас, но не дал мне вырваться из объятий, крепко обхватив руками.

– Пусти! – рассерженно воскликнула я, пытаюсь выскольз-

нуть из его рук. Николас позволил мне чуть отстраниться, но руки не разжал. Я подняла голову, чтобы увидеть его лицо. – Что?

– Твои волосы... Они рыжие, – неожиданно для меня сказал Николас.

"Дождь смыл оставшуюся краску!" – догадалась я. Теперь уже моя очередь была говорить надменным тоном:

– И что? Рыжих девушек никогда не видел?

– Ты такая красивая, – тихо, даже для самого себя, произнес Николас, проведя указательным пальцем по моей щеке, и вновь сцепляя руки на талии.

Мое дыхание участилось. Но с чего бы ему участиться, ведь передо мной всего лишь этот напыщенный индюк... Или уже не совсем напыщенный и не совсем индюк?

– Какая сладкая парочка! – раздалось вдруг слева от нас.

Николас тут же разомкнул руки, и мы одновременно посмотрели туда, откуда послышался хрипловатый голос. В нескольких метрах от нас стояли четверо мужчин. На первый взгляд, они показались бы обычными бродягами, если бы в утреннем свете уже не видны были ножи в руках. Можно было не сомневаться – перед нами стояли разбойники.

– Ну что же вы, продолжайте обниматься, – сказал самый невысокий из них, а остальные засмеялись, будто услышали что-то остроумное. – Мы всегда поощряем любые высокие чувства!

– Можете дальше идти, куда шли, и поощрять их на рас-

стоянии, – с неприкрытой враждебностью ответил Ник.

– Э, нет! Придется нам с вами поболтать, пока мои друзья обчистят вас. Что хорошего несете на себе? Золото, бриллианты... нам все сгодится.

Парень невысокого роста был главарем, это сразу было понятно по тому, как слушались его остальные. И он так странно смотрел на меня, что мурашки бежали уже не от прохладного утра, а от его взгляда. Я вспомнила о том, что мне говорил Уилл. Вчера я смогла противостоять Жану. Так почему бы не попробовать сделать это снова? Я напрягла глаза, изо всех сил желая откинуть названных гостей куда подальше... Но ничего не вышло. Как же я это делала вчера? Может, Уиллу показалось... Я попробовала еще раз, но результат был таким же.

– Думаешь, мы что-то вам отдадим? – презрительным тоном спросил Николас. – Размечтались!

– Николас, не надо! – остановила я его дальнейшую язвительную речь, видя, как не понравились его слова разбойникам, как яростно блеснули их глаза в рассветных лучах солнца.

– Послушай свою подружку! – сказал главарь, убирая нож в карман и доставая видавший вид пистолет.

– Ник, что случилось? – раздался голос Николь позади.

Она стояла у порога, все еще сонная, с растрепанными волосами, и не понимала, что происходит этим ранним утром.

– А у тебя есть еще одна подружка? – захохотал главарь,

а вслед за ним и все остальные.

– Николь, иди в дом!

Я чувствовала, как Николас напрягся. Где же остался его собственный пистолет, который он вчера так бодро достал из своего кармана? Конечно в доме! Кому придет в голову, что на рассвете тебе повстречаются разбойники?

– А нас ты тоже в дом приглашаешь? Мы можем составить компанию этой прекрасной северянке. Мы, знаешь ли, очень обходительны! Мы и тебя приглашаем... в наш дом, – обратился ко мне главарь. – И даже ругать вас не будем за то, что воспользовались нашим гостеприимством. Просто заплатите нам, и мы вас отпустим!

– Сколько хотите?

Николас пошел на попятную, потому что понял, что с такими людьми шутки плохи. Но что мы могли им дать? У меня никакого золота не было, денег тоже. Конечно, у Николаса с Николь должно было что-то быть. А еще я надеялась на Уилла, который был где-то поблизости и мог спасти нас.

– А сколько есть? – надменно спросил главарь и широко улыбнулся, показывая отсутствие пары передних зубов.

– Оставьте нас в покое! – вновь раздался голос Николь позади, но при этом он был сопровожден щелчком затвора.

Я обернулась, чтобы увидеть, как Николь идет к нам и держит пистолет на вытянутой руке. Уверенно держит, и это не могло не радовать.

– О, прекрасная дева вышла на тропу войны! – злорадно

воскликнул главарь, кажется, ничуть не испугавшись девушки.

– А мы еще хотели быть обходительны! – воскликнул разбойник с фингалом под глазом.

– Заткнись, Шрик! Как ты разговариваешь с красивой девушкой!

Пока они препирались Николас успел перехватить пистолет у Николь и направил его на главаря.

– Мы сейчас уйдем, и вы дадите нам сделать это, – непоколебимым тоном произнес он.

– Кто кого? – спросил главарь, не собираясь убирать свой пистолет и выполнять то, что сказал Николас.

И вот опять... То же ощущение торможения, как будто время перестало торопиться. Все вокруг расплывается, а перед глазами встают четкие картинки. И я вижу разбойников такими, какие они есть на самом деле. А они оказываются совсем неплохими людьми... Тот, кто с фингалом, ухаживает за больной матерью, и все свои награбленные деньги отдает на лекарства для нее. Двое других – это братья, которые пошли не по тому пути только потому, что выросли в такой же неблагополучной семье, и никто не дал им шанса на исправление. А сам главарь растит дочку и сына один, потому что жена бросила их ради более счастливого и обеспеченного будущего. Картинки их жизни мелькают передо мной, словно я смотрю в калейдоскоп. Десятки мгновений, ценных для каждого из них, ведь благодаря им все

собралось в один общий путь.

– Чарли, убери пистолет, – обратилась я к главарю, теперь уже точно зная, как его зовут, и сделала шаг навстречу ему. – Я знаю, ты на самом деле никогда никого не убивал. И не убьешь, – добавила я, сама не зная, откуда взялась последняя фраза.

– Ты что делаешь? – шепчет мне Николас, но я не обратила внимание на его вопрос.

Я молча наблюдала, как изменилось лицо главаря. Его глаза сделались влажными, а губы задрожали. Пистолет упал и так и остался лежать у ног его владельца.

– Так это ты! – воскликнул он, глядя на меня сквозь плену слез. Они текли по его лицу, а он даже не замечал их.

– Чарли, откуда она тебя знает? – в недоумении спросил один из братьев и опешил, когда я назвала по имени и его. Еще больше все удивились, когда я рассказала им многое из того, что увидела в своих видениях.

– Откуда ты знаешь нас? – поинтересовался разбойник с фингалом.

– Шрик, ей помогает Дух Леса, – ответил за меня Чарли. – Она девушка из легенды.

Разбойники с удивлением посмотрели на меня, оценивая сказанное. Я видела, что они хотели засмеяться, ведь все, кто слышал о легенде всегда думали, что девушка оттуда должна выглядеть совсем иначе: взрослее, сильнее и выносливей. Но они поверили, видя реакцию своего главаря, слыша правду

о себе из моих губ.

– Я вообще ничего не понял, – раздраженно произнес Николас за моей спиной. – Какая-то легенда? И ты что, с ними знакома?

Я обернулась и увидела, что он все еще держит пистолет, но теперь он был направлен на меня.

– Ник, ты чего? – воскликнула Николь, глядя на его руки.

– Неужели, ты не понимаешь, что эта рыжая обвела нас вокруг пальца? Она каким-то образом узнала, что мы планируем побег... Стоять, а не то буду стрелять! – приказал Николас Чарли, сделавшему движение вперед. Тот послушно встал, но уже ближе ко мне.

– Я впервые их вижу, – вставила я несколько слов в свою защиту, а кипящая, как лава, обида начала застилать мне глаза.

– Так я тебе и поверил! Ты их имена знаешь. Не нужно делать из меня дурака! Ты со своим водителем специально притащили нас сюда, чтобы ограбить. Вы даже машину мою умудрились взорвать!

– Я не... – начала я и замолчала, потому что спорить и опровергать мне не хотелось. Почему-то слова Николаса причиняли боль.

– Даже сказать нечего! – холодно произнес он и обратился к разбойникам: – Признавайтесь, кто из вас четверых играл роль Духа Леса на дороге?

Разбойники возмущенно зароптали, потому что все они,

как ни странно, верили в Предвечного, и такого богохульства не терпели.

– Ник, я ей верю, – сказала Николь, глядя мне в глаза. – Я читала о легенде.

– Да ты что? Совсем свихнулась? Она даже о родителях мне соврала! Они сейчас нас ограбят и убьют...

– Вроде бы никто убивать не собирается, кроме тебя, – твердо произнесла я, глядя на дуло пистолета. Сейчас, когда обида плавно перетекла в гнев, я явно ощущала эффект дежавю.

– Парень, это же нас спасительница! Убери пистолет, – слышала я голос Чарли, но уже приглушенно. – Ты же не собираешься ее убивать...

– А если собираюсь?

Больше я ничего не могла разобрать, потому что в ушах зазвенело так сильно, что хотелось прикрыть их ладонями. Но я сдержалась, потому что чувствовала, что сейчас потеряю сознание. Прежде, чем отключиться, я видела, как Николаса отбрасывает назад, а пистолет, грозящий мне опасностью, отлетает в сторону. И рассветные краски разом померкли.

Глава 12

Как красиво меняются тени от деревьев на боковой стороне палатки! Некоторое время я наблюдала за этим, не желая ни о чем больше думать. Ни о том, как я оказалась здесь, ни о том, что предшествовало этому. Я просто буду наслаждаться

тем, что лежу. Но что это за звуки за пределами палатки?

Позабыв о своем желании ничего не делать, я выбралась из своего уютного местечка и вышла на небольшое крыльцо. Я была готова увидеть все что угодно, кроме того, что представало перед моими глазами: на небольшой опушке перед домом танцевали четыре разбойника, рядом с ними, держась за руки пританцовывали Уилл и Николь, а на пеньке, поросшим зеленым мхом, сидел Николас и играл на флейте. Мелодия, которую я слышала была настолько красива и чиста, что я невольно заслушалась. Волшебным звучанием окрасилось все, что я видела перед собой, как будто эта опушка леса стала сосредоточением чудес. Даже когда мелодия плавно затихла, все вокруг было окутано ощущением совершенного волшебства.

– Спасительница мира очнулась! – прокричал Николас, поднимая флейту вверх.

Все вокруг захлопали в ладоши и закричали приветственные фразы. Неужели, при потере сознания я в очередной раз ударила голову? Или ударились люди передо мной, да причем одновременно? С ними явно было что-то не так, потому что они вели себя не слишком адекватно, продолжая танцевать под губную гармошку, на которой начал играть Чарли.

– Давай потанцуем! – радостно произнес Николас, в несколько шагов преодолев расстояние до меня.

Я даже не успела ответить, как он протянул меня к себе и

закружил в танце. Да что вообще происходит? Еще недавно Николас целился в меня из пистолета, а теперь улыбается и смотрит так... нежно. Все, я точно сильно ударилась о землю.

– Больше не будешь бросаться взглядами? – весело спросил Николас и сам же засмеялся своей шутке.

– Что с вами всеми? – в недоумении спросила я, но не получила ответа, потому что Николас вдруг потянул меня за руку.

– Ты, наверное голодна. Иди поешь суп.

Конечно, я очень хотела есть. С прошлого дня ничего во рту не было. Грибной суп, мой любимый. Как часто мне варила его мама там, на Юге. Я начала есть. Приготовленный на костре, приправленный острым голодом, суп был бесподобен.

Оказывается, Уилл и Николас прошлись по лесу за грибами, пока я была без сознания. А разбойники развели костер и достали из своего погребца посуду и сушеные овощи. Николь сама готовила обед, кажется, впервые в своей жизни. И он получился потрясающе вкусным. Это все я узнала от Шрика, который составил мне компанию и ел вторую порцию супа. Он смеялся невпопад, рассказывая мне о том, как ходил за водой к роднику. Странный Шрик. Станные все вокруг.

Пока я была занята едой, Николас сменил Чарли, вновь играя на флейте какую-то милую мелодию. Я до сих пор не понимала, что за веселое настроение разом нахлынуло на

всех, но, похоже, это было заразно. Мне вдруг тоже захотелось танцевать. Я встала и закружилась в танце под магическое звучание флейты, а голова кружилась от внезапного ощущения счастья. И остановиться было невозможно, потому что ноги как будто существовали отдельно от меня. Только когда мелодия прекратилась, и в лесу стали слышны лишь птичьи голоса, я перестала танцевать.

– Пойдем! – сказал Николас, беря меня за руку. – Знаешь, какое красивое место я нашел сегодня! Тебе понравится...

Я следовала за ним, сама не зная почему. Через несколько минут мы вышли на поляну, которая в лучах полуденного солнца выглядела еще волшебней опушки леса перед домом. Вся она была усеяна лиловыми цветами, которые завораживали взгляд и чудесно благоухали. Даже теплый ветер, гуляющий по полю, веял запахом свежести и непередаваемой легкости.

– Это лавандовое поле. Тебе нравится? – восторженно поинтересовался Николас, все еще не отпуская моей руки.

– Очень!

У меня не было слов. Хотелось пробежаться по поляне и кричать от переполняющей меня радости. Никогда еще в своей жизни я не видела ничего более красивого. Такой Север был мне по душе.

– Побежали? – предложил Николас.

– Давай!

И мы побежали, проносясь по ковру цветов, мчась к гори-

зонту. Лес окружал поляну лишь с трех сторон, а четвертая была бесконечным продолжением лилового цвета.

Мы остановились не сразу, только когда поняли, что дыхания не хватит, чтобы двигаться дальше. Николас повернулся ко мне, разгоряченной и по-детски счастливой. Он сорвал ближайший цветок и прислонил к моим волосам.

– Твои волосы так хорошо сочетаются с лиловым цветом.

– Спасибо, – только и сказала я, все еще не веря, что красота вокруг реальность, а не сон.

А может быть, это все-таки сон? Потому что не припоминаю, чтобы Николас смотрел на меня вот так, как сейчас, как будто я для него целый мир, который он внезапно открыл для себя. И это воздушное свадебное платье, что на мне, давало волшебное ощущение сказки.

– Ты прости меня, что не поверил тебе. Я был идиотом.

– Ты был индюком... – произнесла я, улыбаясь.

– А сейчас? – ласково спросил Николас, нисколько не злясь на сказанное мною.

– Кажется, уже нет.

– Леона...

Мурашки побежали по спине от голоса, которым произнес Николас мое имя. И эти мурашки показались мне очень даже приятными, потому что появились не от страха или ужаса, а от волнения. Николас аккуратно взял меня за подбородок и потянул вверх.

– Посмотри на меня.

А я старалась смотреть куда угодно, только не на него. Потому что впервые мне было страшно. Храбрая, упрямая девушка вдруг поняла, что есть кое-что волнительней этого чудесного места. Странное чувство появилось во мне, а я не понимала и даже не хотела понять, что это.

– Да посмотри же на меня. Чего ты боишься?

"Тебя", – хотела ответить я, но собрала всю свою жалкую волю и взглянула в голубые глаза Николаса.

– Бельчонок, – произнес он тихо и коснулся моих непослушных волос, к которым вернулся прежний рыжий цвет. – Как так получилось, что я думаю только о тебе?

"Если это всего лишь сон, то это самый жестокий сон в мире", – подумала я прежде, чем Николас наклонился ко мне, чтобы... что? Неужели поцеловать? Дожила! Мой первый поцелуй будет с северянином! А лицо Николаса все ближе и ближе к моему, и что странно, мне нравилась эта близость. Нежно он коснулся моих губ своими губами, будто боялся испугать, и замер. Я не дышала. Вокруг меня было столько воздуха, полного свободы, но вдохнуть я не могла. Казалось, если я сделаю хоть одно движение, все исчезнет. А вот этого я и представить не могла, потому что в душе понимала: мне нравится то, что сейчас происходит. И, о Предвечный, мне нравится Николас! Он, как будто прочел мои мысли, потому что продолжил поцелуй, вначале робко и несмело, затем, чувствуя, что я отвечаю в ответ, уже требовательно, с напором и пылкостью. И я пропала... Пропала в этом поцелуе,

затерялась в лавандовом поле и беззаботном голубом небе над головой. С упоением я припала к его губам, не желая больше думать ни о чем, даже о том, что мне нужно идти дальше. Все мои цели разом забылись. Все главное сейчас передо мной!

Где-то недалеко послышался слабый звук мотора...

– Прячьтесь! – раздался чей-то громкий и суровый голос у меня в голове, и я отпрянула от Николаса.

Шум мотора приближался, заглушая мирное жужжание пчел в цветах. В одно мгновение я поняла, от кого нам нужно прятаться.

– Ложись! – требовательно крикнула я Николасу и подтолкнула его вниз, прямо в лиловые цветы.

– Ага, – довольно отозвался он и тут же улегся в цветы.

Я быстро легла рядом, надеясь, что мы вовремя скрылись в кустах лаванды. Николас тут же притянул меня к себе так, что мое лицо оказалось напротив его. Сердце было готово выпрыгнуть из груди от осознания того, что он так близко. Его рука запуталась в моих волосах, а губы приближались к моим... Рев мотора раздался прямо над нами, и я испуганно посмотрела в небо. Над нами быстро пролетела машина, точно такая же, в которой я прилетела на Север.

– Они ищут вас. Нужно быть осторожнее! – проговорил кто-то рядом со мной, но я точно знала, что никого не увижу.

Кто же мне подсказал? Я склонялась к тому, что это был Дух Леса. Теперь я особенно четко поняла, что имел в виду

Интарион, когда говорил про помощь со стороны. Хорошо, что и в этот раз все обошлось. Шум машины совсем исчез и в мир вернулись простые, обычные звуки лавандового поля. Интересно, кто же нас искал? Может, Главный... А вдруг это Жан, которому все-таки удалось выбраться из темной комнаты? Как так случилось, что я потеряла бдительность?

– Леона... – тихо сказал Николас, глядя на меня с нежностью. Как будто он и не видел и не слышал этой жуткой машины.

– Что?

Я медленно поднялась, понимая, что мое свадебное платье еще больше испачкалось. Ко вчерашним пятнам от пунша прибавилась трава и чуть влажная земля, еще не до конца высохшая после ливня.

– Куда ты? – спросил он тихо и удивленно.

– Иду к остальным. Ты со мной?

– Неужели тебе не хочется остаться здесь, хотя бы еще на чуть-чуть?

А ко мне уже возвратилось осознание, что мне нельзя останавливаться, нужно обязательно двигаться дальше. Внезапная эйфория исчезла так же внезапно, как и появилась. И мне стало стыдно за то, что потратила свое время на глупые развлечения, вместо того, чтобы продолжить путь к своей цели. Более того, я испытывала смущение после поцелуя, потому что он, к огромной моей досаде, понравился. Это жестоко! Никогда бы не подумала, что такое вообще могло про-

изойти. И с кем же впервые поцеловалась девушка, ненавидящая северян? С северянином!

– Леона, – произнес Николас, вставая вслед за мной. И звук моего имени из его губ был похож на мелодию флейты. – Прежде, чем мы пойдем к остальным, скажи мне...

– Что сказать? – тихо спросила я, видя, что он замешкался и замолчал.

– Я тебе нравлюсь?

Так, Леона, держись! Нельзя больше допускать сближения между им и мной. Это неправильно, так не должно быть, ведь ничто не должно отвлечь меня от главного. А Николас отвлекает, причем очень сильно. Что же ответить?

– Ты молчишь... – сказал Николас, подходя ближе ко мне. И все мои мысли растворились в воздухе, оставляя место теплоте. – Почему? Тебе нельзя испытывать чувства к северянину? Но, как теперь оказалось, ты тоже наполовину северянка. Что в этом плохого?

– Я никогда не думала о тебе как о... – я запнулась и замолчала, потому что Николас коснулся моей щеки.

– А я думал.

Наваждение какое-то... Что вообще происходит и когда это все началось?

– Думал, когда нашел эту поляну. Думал, когда собирал грибы. Я так счастлив, что повстречал тебя!

– Правда? – только и спросила я, замороженно глядя в его глаза.

И через мгновение очнулась. Нет, это был не сон. Лишь иллюзия... В моей голове состыковались факты, которые я читала в книгах из библиотеки Жана. Этот лес был полон сюрпризов для тех, кто не знал про него. Странное веселье у всех, включая меня... Что это было? Ответ прост и лежит на поверхности. Поляна с ее красотами разом померкла, а северянин, стоявший рядом со мной должен был вызывать уже совсем другие эмоции. Но может быть я ошибалась?

– Николас, а какие грибы ты собирал?

– Грибы? Да совершенно обычные. Те, которые можно есть. С ярко оранжевыми шляпками.

– Значит, с оранжевыми шляпками, – повторила я с огорчением, жалея, что мои догадки подтвердились. – В этом лесу такие грибы есть нельзя. В совсем малом количестве они лечебны, а в большом – дают не очень хорошие эффекты. И теперь я поняла, какие именно.

– Мм?

Николас все еще стоял очень близко и, я только сейчас это заметила, гладил меня по руке. Потребовалось огромных усилий высвободить свою руку и сделать несколько шагов назад.

– Николас, неужели ты не понимаешь, все, что ты испытываешь сейчас не настоящее. Это обман. Просто мираж.

Почему-то было горько от слов, что я произносила, сама не знаю почему. Мне хотелось верить... А верить во что? В то, что могу понравиться северянину? В то, что действи-

тельно хотела, чтобы он меня поцеловал? Со мной случился морок, накрыло наваждение. Смогу ли притвориться, словно всего этого и не было?

Невозможно смотреть в голубые глаза, глядящие на тебя с обожанием, и знать, что на самом деле это не так. Николас очнется от дурмана, вызванного грибами, и посмеется над бедной Леоной, которая чистосердечно приняла все за чистую монету. А все это лишь заблуждение. Никому ненужные воздушные замки для девушек, верящих в сказки. В жизни так не бывает...

– Пойдем к остальным. Нам всем очень скоро будет плохо, – сказала я и отвернулась от бесконечного лилового края, от голубых глаз Николаса.

Я шла к домику, а Николас, все еще ничего не понимая, шел позади. От бывшего веселья не осталось и следа, а послекусие оказалось слишком горьким, чтобы его выносить.

– Леона, подожди! – попросил меня Николас странным голосом.

Я обернулась. Кажется, он становился прежним, несколько угрюмым и высокомерным, северянином. Так не хотелось останавливаться, потому что теперь, среди тенистых деревьев, его глаза были почти синими, как река, в которой я любила плавать на Юге.

– Чего тебе? – нарочно слишком грубым тоном поинтересовалась я.

– Я не понял, а на тебя подействовали грибы?

Все время, пока мы шли до домика, я терзалась этим вопросом. Безусловно, я чувствовала небывалую легкость и радость, но мой разум не помутился, как у других. Поэтому я сделала вывод, что нет, грибы на меня не подействовали так, как на остальных. Но я никогда не признаюсь Николасу в этом!

– А как ты сам думаешь? – спросила я и двинулась дальше.

– Мы целовались! – воскликнул Николас так, что я вздрогнула.

– Я помню.

– Что скажет твой Уилл на это?

– Он не мой. Он просто меня охраняет.

– Да?

Мне наверное показался радостным тон в его вопросе, потому что, с чего бы он таким был. Я просто молча шла дальше.

– Да постой же ты! – Николас тронул меня за плечо и развернул к себе.

И вот опять передо мной его глаза, в которых нет больше той нежности, зато есть глубина и синева. Ну что этому северянину от меня нужно? Поиздеваться? Сказать очередную колкость и рассмеяться своим звонким смехом?

– Прости меня за то, что не поверил тебе, – начал он спокойно и уверенно, в очередной раз удивив меня. – Мне до сих пор трудно это принять, потому что я всегда сомневался в легенде. Но ты одним своим взглядом заставила поверить

в ее правдивость.

– Я сама смеялась над этим, пока не оказалась внутри нее.

– Что мы сейчас будем делать?

– Страдать, – с сожалением ответила я, чувствуя, как еле заметные до этого молоточки в моей голове превращаются в кувалды.

– Почему? – удивился Николас.

– Скоро узнаешь.

Все остальные уже узнали. Эйфория закончилась, а на ее место пришла страшная головная боль, от которой хотелось лезть на стенку. Все это Николас и Николь знали бы, если бы изучили книги о Севере, хранящиеся в их огромной библиотеке. Но, похоже, прочитала их только я одна.

Мы проходили мимо стонущих братьев, лежащих прямо на траве, мимо Чарли, который ходил из стороны в сторону, держась за голову. Шрика я не видела, зато заметила Уилла, который упирался в стену дома руками.

– Неужели так все плохо? – спросил Николас, глядя, как все вокруг мучаются.

– А ты еще ничего не чувствуешь? – сквозь зубы проговорила я, злясь на ущербность своего собственного состояния. Я наивно предполагала, что побочные действия меня не затронут.

– Конечно, нет! Я сильный и выносливый. Что мне сделается?

Я застыла от ужасающей боли в висках, когда Николас

произнес последние слова слишком громким голосом. Как разум не отключился, так это пожалуйста, а как страдать, так вместе со всеми! Может, я тоже хотела чувствовать легкость, а не быть почти здравомыслящей! Но тогда нас бы заметили с этой летающей штуковину. Интересно, а нашу компанию на опушке тоже не заметили? Надо бы уходить, но в таком состоянии это сделать невозможно.

– Ник, я здесь, – глухим тоном сказала Николь из дома. – Мне очень плохо...

– Сейчас иду. – Николас повернулся ко мне и спросил: – Откуда ты знаешь про грибы?

– Читала в вашей библиотеке.

– И нет никакого способа это остановить?

Думай, Леона, думай! Нужно просто напрячь свою память, не обращая внимания на очередной приступ боли.

– Я не помню. Вроде бы нет... – прошептала я и застонала. – А у тебя нет никаких лекарств?

– Мы должны были быть уже у бабушки. Я не готовился к такому путешествию.

– Я тоже...

– Иди полежи. Может, станет лучше.

Николас пропустил меня вперед и зашел в дом следом. Николь лежала прямо на полу и беззвучно плакала. Завидев нас, она попыталась присесть. Но от любых движений боль становилась нестерпимой, и Николь так и застыла на вытянутых локтях, не шевелясь.

– У тебя уже прошло? – спросила она брата, а в ее голосе слышалась надежда, что и у нее все скоро закончится.

– И не начиналось, – пожал плечами Николас и опустился на колени рядом с сестрой.

– Что это за ужас такой творится со всеми?

Я слушала, прислонив голову к прохладной стене, как Николас торопливо объясняет Николь про наш неправильный обед, а тем временем, кувалды в моей голове уменьшались и превращались в молоточки. Я даже сумела улыбнуться этому грандиозному событию, когда услышала фразу, брошенную Николасом:

– Ох, теперь я, кажется, понял!

Следующий час он тоже полулежал у стены, стиснув зубы и прикрыв рукой глаза. Я подходила к каждому, чтобы помочь хоть чем-то: одному принести воды, другому положить на лоб платок, смоченный холодной водой. Николь было хуже всех, она не могла выдержать такую боль и почти что кричала. Я испытывала огромную жалость ко всем, но поделать ничего не могла.

Уилл пришел в себя следующим. Затем постепенно начали оживать разбойники. Когда к Николь пришло долгожданное облегчение, она закричала уже не от боли, а от радости, чем сильно потревожила все еще страдающего Николаса.

– Нам нужно уходить, – сказал Уилл, подойдя ко мне, когда я передавала Николасу воду.

– Но не всем из нас стало лучше, – возразила я.

– Они могут пойти позже. Все равно нам не по пути.

– Бросите нас с Николь? После всего, что между нами было?

В голосе Николааса злая ирония, несмотря на то, что ему не совсем до нее. Но я поняла, к кому был обращен последний вопрос.

– Уходить, так всем вместе, – сказала я, забирая пустую кружку из рук Николааса. – Подождем еще.

– Придется идти опять по темноте. Уже почти вечер.

– Значит, будем идти в темноте. Нам не привыкать.

Николаас как-то странно посмотрел на меня и опять закрыл своей рукой глаза. Так было легче переносить боль.

Через час мы вчетвером пробирались сквозь чащу леса. Разбойники решили остаться в своем домике, слишком уставшие после недуга, свалившегося на всех нас. Чарли на прощание сказал Николаасу, что больше никогда не разрешит ему собирать грибы. На это дело нужны знания и опыт. А в моей голове выстроился целый ряд прочитанного в книгах, что еще нам нельзя есть, и, оказалось, того, что здесь росло и не годилось в пищу, было слишком много. Если мы в ближайшее время не выйдем из леса, нам грозит голодная смерть. Когда я читала книги про Север, я и не предполагала, что мой рацион будет настолько скудным. Все, что можно было есть в лесу, это ягоды черники и определенного вида орехи. Даже бруснику срывать было нельзя, потому что она вызывала галлюцинации. А от клюквы, растущей в топком

болоте, можно было заснуть и больше никогда не проснуться.

Мы шли долго. Наступили сумерки, и все вокруг окрасилось дымчатой синевой. Уилл все сверялся с компасом и картой, которую я вырвала из "Географических открытий". Он был расстроен тем, что не проверил, какие грибы насобирали Николас, потому что чувствовал ответственность за всех нас. Но самое главное, он был расстроен тем, что мы шли не совсем верной дорогой.

– Мы уже должны были выйти к району "Северные ветры", – сказал он нервно. – Но мы все еще в лесу.

– Может, наш предводитель недостаточно хорош в знании местности? – спросил Николас, последние полчаса неся Николь на руках, потому что та вновь не могла идти.

– Может, ты помолчишь?

– Неа!

Постоянные стычки между Николасом и Уиллом мне стали надоедать. Я поправила лямку рюкзака Николь и пошла первой.

– Опять пойдем вслед за Леондой. Спорим, сейчас она опять нас выведет к какому-нибудь домику?

Проигнорировав иронию Николаса, я шла уверенными шагами к цели. Какой? Я и сама не знала. Но верила, что все образуется.

Через несколько минут лес начал редеть. Еще через какое-то время вдали послышался шум воды. Его слышали

все и воодушевились. Вскоре мы вышли к берегу бурлящей реки, бегущей быстро вдаль. С огромной радостью я поспешила к воде с большим желанием напиться ею на всю жизнь. Остальные последовали моему примеру. Наверное, Николас и Николь никогда так не радовались реке, как сейчас, когда уже несколько часов мы шли, мучаясь жаждой.

Вода была бодрящей и чистой. Я даже подумывала искупаться, но становилось все прохладней. И если в начале нашего пути все были одеты легко, то после заката солнца стало заметно холоднее, и все накинули кофты.

– Все! Я здесь остаюсь, – твердо заявила Николь, присаживаясь прямо на песчаный берег.

– Слышали? Приготовить принцессе кровать с балдахином!

– Сам и готовь, – буркнул Уилл и приступил к собиранию палатки. – Переночуем здесь. А ранним утром пойдем дальше.

– Без кофе никуда не пойду, – заявил Николас, растягиваясь на зеленой траве. Хотя он и старался держаться, по нему все равно было видно, что дорога с Николь на руках далась ему нелегко.

Уилл не смог удержаться, чтобы не поиронизировать:

– Может, тебе еще и свежесдобитую румяную булочку к кофе выдать?

– Неплохо звучит! – мечтательно воскликнула Николь. – Чем будем ужинать?

– Пойду поищу что-нибудь, – сказала я, включая фонарик, потому что вокруг становилось все непрогляднее.

– Только не грибы! – произнес Николас, устало поднимаясь со своего места.

– Это по твоей части. Я вроде бы не просила о сопровождении.

– Я вроде бы и не сопровождаю, а охраняю.

И вот так пререкаясь, мы незаметно отошли от остальных на приличное расстояние. Вдоль берега реки ничего съедобного не росло, а в лесу делать уже было нечего. Даже с фонариком ничего уже нельзя было разглядеть.

– Как ты это сделала? – спросил Николас, когда мы повернули к нашему лагерю.

– Что именно?

– Отбросила меня.

– Я не знаю. Это произошло само собой.

– Неужели, ты правда думала, что я тебя убью?

– А ты хотел?

– Нет, конечно! Но я и вправду думал, что ты в стоворе с разбойниками.

Я хмыкнула и задумчиво посмотрела на небо. На нем появлялись первые звезды. Так странно сложилась моя жизнь, даже жалко стало себя на мгновение. Непонятно откуда взявшиеся видения, неожиданный способ защиты, дальнейшая неопределенность – все это пугало. Николас, как будто прочитал мои мысли, потому что спросил:

– Ты боишься?

– Чего?

– Того, что тебе предстоит. Что ты будешь делать на Крае?

– Я не знаю. Но я не боюсь, – твердо заявила я, хотя знала, что это совсем не так.

– А я бы боялся... Тебе грозит смерть, если кто-то узнает. Жан знал, да?

– Догадывался.

– А я ведь мог бы тебя сдать, – тихо произнес Николас и остановился.

Я замерла. Мимо нас беззвучно пролетела летучая мышь и скрылась в сумраке леса.

– Но ты же не сдашь?

– После лавандового поля? Вряд ли, – хмыкнул Николас и пошел вперед.

Медленно я шагнула вслед за ним, обдумывая, шутит он или нет. В своих мыслях даже прошла дальше лагеря, все еще безнадежно высвечивая местность фонариком в поисках еды. Николас шел позади, насвистывая какую-то незнакомую мне мелодию. Слева от нас стала видна пустая дорога, освещенная синим светом дорожных фонарей. Но меня привлекла не она, а то, что виднелось в стороне от нее. Тусклым светом освещены были деревья, так похожие на яблони...

– Видишь? – спросила я у Николаса, резко свернув на дорогу.

– Угу. Приготовишь мне яблочный пирог?

Я проигнорировала его тонкий юмор. Мы оба были голодны, и яблоки казались прекрасной альтернативой голоду.

Похоже, это был яблоневый сад, но никаких зданий я не разглядела. Лишь яблони, на которых росло много красноватых плодов. Это же не воровство, если мы позаимствуем немного яблок себе?

Николас снял с себя кофту, и мы набросали в нее столько, сколько посчитали, что можем съесть сегодня. Мы даже не удержались и съели по яблоку прямо здесь, слишком вкусно они пахли.

– Теперь пойдем обратно, – довольно сказал Николас, завязывая кофту как мешок.

– Стоять! – раздался резкий женский крик, и в полутьме отчетливо послышалось, как кто-то взвел курок.

– А полежать можно? – отозвался Николас, потянувшись к своему пистолету.

– Это можно устроить, – уже спокойным голосом произнесла девушка, вышедшая из-за яблони. И голос ее мне показался знаком.

В серых сумерках нельзя было разглядеть лица, но фигура, длинные темные волосы разом вернули меня в детство, проведенное вместе с подругой.

– Рената...

И это был не вопрос. Потому что я уже знала, кто стоял передо мной с ружьем в руках.

Глава 13

– Леона? – удивленно спросила Рената, все еще не выпускающая из своих рук ружье.

– Вы что знакомы? – не менее удивленно поинтересовался Николас, держа в руке пистолет.

– Это правда ты?

Глупый вопрос, я прекрасно понимала это. Но мне нужно было его озвучить, прежде чем броситься в объятия подруги.

– погоди, – насмешливо сказала она, прислоняя ружье к стволу яблони. – Как ты здесь оказалась?

– Долго объяснять. Я так скучала!

Мы обнялись, лучшие подруги, которые уже и не думали, что когда-нибудь встретятся.

– Я что-то не понял... – протянул Николас, глядя на нас. – Кто это?

– Это моя подруга детства, – объяснила я ему, а затем сразу к Ренате: – Что ты тут делаешь?

– Ох, это тоже долгая история. А ты? – Рената отошла на шаг назад, чтобы в тусклом свете фонаря рассмотреть Николаса. – Ты что сбежала с северянином?

– Вот и я так тоже подумал!

Я в очередной раз проигнорировала сарказм Николаса и рассказала заранее заготовленную историю моего побега, которую уже говорила и Николь. Не то чтобы я не доверяла Ренате, потому что и так в мою историю было вовлечено больше людей, чем хотелось бы. Но такое не поведаешь при случайной встрече. Быстро рассказав про мифическую библио-

теку, про Уилла, который едет домой, а Николас и Николь к своей бабушке, я перевела тему на самую Ренату:

– А ты здесь работаешь?

– Да. – Подруга тяжело вздохнула. – Видишь ли, меня понизили в должности, если можно так выразиться. Я проработала несколько дней в саду одного богатого северянина, а потом ему не понравились мои розы! Представляешь, они могли кому-то не понравиться! И он отправил меня сюда, в его домик за городом. Знаешь что я делаю каждый день? Поливаю и охраняю яблони!

– Рената, мне так жаль! – воскликнула я, понимая ее, как никто другой. Мечта всей ее жизни растворилась в воздухе.

– Это все прекрасно. – Николас замешкался, понимая, что подобрал не совсем верное слово. – Точнее печально, но нам бы где-нибудь переночевать... Мы так долго шли.

– А почему вы пешком? – спросила Рената с любопытством.

– Наша машина сломалась, – соврал Николас.

Только сейчас я заметила, что он убрал пистолет, который до этого был в его руке. Может, и хорошо, что он такой недоверчивый. В этом мире всегда нужно быть бдительным. Но не с Ренатой же!

Подруга провела нас сквозь неровные ряды ветвистых яблонь к небольшому домику, в котором она жила. В темноте уже ничего нельзя было разобрать, но то, что нам удастся поспать этой ночью не на холодной земле, придавало мне

радости. Хотя скорее всего я просто была счастлива от того, что рядом со мной находился близкий человек, по которому я очень скучала.

– Я же говорил, что ты опять приведешь нас к какому-нибудь домику! – произнес Николас, оглядывая скромную обстановку комнаты, в которую мы вошли.

– Обращайся, – обронила я ему, чуть улыбнувшись.

– Непременно! В следующий раз загадай дом получше.

Небольшая чугунная печка стояла посередине комнаты, справа от нее находился стол с четырьмя стульями, слева – коричневый диван с несколькими подушками. Даже в доме у Ренаты, который остался на Юге, обстановка была побогаче.

– Все, что есть! Если не нравится, можно и на улице поспать, – резко сказала Рената.

– А меня все устраивает, – заявил Николас и отправился за Николь и Уиллом.

Рената села на стул и снисходительно посмотрела на меня:

– Ну рассказывай!

Я села рядом с ней, только сейчас понимая, насколько сильно устала за последние дни. Ноги гудели и были как будто неподъемными.

– А что рассказывать?

– Ты с этим красавчиком Николасом?

– Нет! – уже не таким уверенным голосом воскликнула я, потому что сразу вспомнился наш поцелуй посреди лавандового поля.

– Тогда как объяснить, что вы вместе? Северяне нас терпеть не могут! Только не надо про библиотеку и все остальное... Я знаю, когда ты врешь!

– Случайно вышло. Они подвозили нас с Уиллом, пока машина не сломалась.

– Значит, ты с Уиллом?

– Да нет же! – Я закрыла руками лицо. Тяжело, когда нужно говорить неправду. – Уилл просто помогает... Рената, я направляюсь на Край.

– Зачем? – удивленно спросила она, пододвигая ко мне свой стул поближе.

– Я девушка из легенды.

Глаза Ренаты ничего не выражали. Почему-то я не смогла разглядеть в них изумление.

– Неужели? – воскликнула она и хлопнула себя по коленям. – Я знала! В смысле догадывалась.

– Да? – удивилась я. Забавно! Все вокруг догадывались, одна я была огорошена этим известием.

– А с чего вдруг тебе в Лес не разрешали ходить? Я, правда, думала, что тебя слишком опекали и боялись. Но возможность того, что ты та самая, я не исключала. А как ты узнала об этом?

– Ко мне приходил Дух Леса.

– Да ладно! Это же сказки для маленьких!

Я покачала головой. Почему в нашем мире можно убивать, угнетать и обманывать, а верить в хорошее нельзя? В

наших сказках Духи Леса всегда представляли собой тех, кто помогал в трудных ситуациях и спасал. И на деле это оказалось правдой!

– Хочешь сказать, что ты и в Предвечного стала верить? – насмешливо спросила Рената.

– А если да?

– С ума сошла?

– А почему ты считаешь, что это неправда? Рой верил с самого начала. Нам просто нужно было услышать его.

Рената резко встала со стула и заходила по комнате, так, что деревянные доски под ее ногами закрипели. Она нервно откинула прядь волос с лица и почему-то прошептала:

– Нет, я не могу поверить в эту чушь.

– Я и не заставляю. Каждый решает сам, верить или нет.

Какое-то время мы смотрели друг на друга в молчании, таком странном и непонятным для нашей встречи, пронизанным лишь стрекотанием сверчков за окном. В неярком свете лампы Рената выглядела не такой, какой я привыкла ее видеть. Лицо ее осунулось, а сама она была напряженной и тревожной.

– У тебя что-то случилось? – нарушила я нашу затянувшуюся паузу.

– Что могло случиться? Просто главная мечта моей жизни разрушилась в один миг!

– Но ты не одна такая, – честно сказала я.

– Ты про свое желание стать учителем? Зато сейчас твоя

миссия намного выше, чем учить сопливых детишек. Неужели ты не понимаешь, кто ты?

Я пропустила ее слова про детей, хотя никогда не слышала от нее таких выражений. Конечно, она очень расстроена, потому что вместо того, чтобы украшать сад, она находится здесь.

– Может, все образуется, и тебя вернут...

– Лео, хватит! Не надо.

Рената поспешно подошла ко мне и встала прямо на колени рядом со мной, опустив голову на мои колени.

– Мне так нравилось, когда в детстве мы лазили по яблоням. Помнишь, мы даже построили домик на дереве? – Подруга засмеялась тихим и лучистым смехом, а я погладила ее по голове. – Построили из чего смогли. Но это было наше укрытие.

– Конечно помню! Мы даже спали там, когда жара была невыносимой. А в тени яблони было так хорошо...

Я невольно заулыбалась от нахлынувших воспоминаний, от которых стало тепло и спокойно. И все невзгоды на миг отошли прочь, даже ноги перестали болеть, потому что вспоминалось солнечное детство, в котором ничего не болело. Все было так ясно, спокойно и понятно.

– Сейчас я часто вспоминаю это. Потому что стала ненавидеть яблони, – раздраженно сказала Рената, поднимаясь с колен. Она подошла к окну и вглядывалась в темноту.

– Понимаю. Ты здесь совсем одна?

– Нет. В хозяйском доме живет прислуга и управляющий. Я бы тоже там жила, но не поладила со служанкой. Слишком она заносчивая и сварливая. Поэтому я решила жить здесь. Все равно мое дело заниматься яблонями и огородом. – Рената сморщила нос, отчего ее красивое лицо сделалось смешным. Я еле сдержала улыбку, потому что все, что она рассказывала было на самом деле грустным. – Копаюсь в грядках и смотрю, чтобы на яблонях не было вредителей. Чудесное занятие, не находишь?

– Ты и на Юге копалась в грядках, – хотела я подбодрить подругу, но вышло не очень хорошо. Она посмотрела на меня чуть ли не со злостью, которую я впервые встречала в ее глазах в таком первозданном виде.

– Я занималась цветами, а не помидорами и огурцами. Это большая разница! Я думала, что приеду сюда и буду создавать красивые сады. Но этому идиоту не понравились мои розы!

Рената подошла ко мне очень близко и вытащила заколку из моих волос. Она потрогала ее указательным пальцем и тяжело вздохнула.

– Мне так жаль... – тихо произнесла я.

– Я могла бы остаться на Юге и выйти замуж за твоего брата, – печально сказала Рената. – Я его любила. А теперь моя жизнь идет под откос.

– Не говори так! Еще не все потеряно. – Я встала рядом с подругой, чтобы смотреть ей прямо в глаза. – Хочешь, пой-

дем вместе со мной. Ты будешь помогать мне. А когда все образуется, мы вернемся на Юг. Вы будете счастливы с Экбертом!

– Чем я могу помочь тебе? От меня нет никакого толку. Я не умею драться, не смогу тебя защищать.

– Ты будешь моей опорой, будешь утешать меня, если вдруг я буду без сил. А защищать я смогу нас обеих, потому что у меня есть сила.

– Какая? – настороженно спросила Рената и взяла меня за руку.

– Я могу отбрасывать взглядом любого, кто хочет причинить мне зло. Я еще сама не поняла, как это работает. Но разберусь. А еще у меня бывают видения, но в этом я тоже пока что не разобралась.

– Да? – Рената убрала руку и сделала шаг назад. Она как то криво улыбнулась, как будто вовсе не хотела этого делать. – Лео, ты пугаешь меня.

– Порой я сама себя пугаю, – улыбнулась я ей в ответ.

Я вздрогнула от неожиданного скрипа двери. На пороге появилась запыхавшаяся Николь, с явным наслаждением евшая сочное яблоко.

– О, это самое вкусное яблоко, которое я когда-либо ела! – с восторгом сказала она и махнула Ренате рукой.

– Вы наверное голодны, – всплеснула руками подруга и поспешно направилась к двери, за которой оказалась маленькая кухня. – Сейчас я вас накормлю!

– А кофе есть? Или хотя бы чай? – поинтересовался Николас, заходя в комнату наши пожитки.

Уилл появился последним, и вид у него был настороженным. Еще один северянин, который никому не доверяет.

– Сейчас сделаю горячий чай! – крикнула Рената из кухни, и я пошла ей помогать.

Пужинали мы горячим картофельным пюре и запеченной рыбой, пойманной прямо из реки, у которой хотели заночевать. Ничего вкуснее никто из нас не ел уже несколько дней. Мы так устали, что не хотелось даже разговаривать. Но тем не менее мы поведали Ренате нашу забавную историю о грибном супе, и она так громко смеялась, что мы тоже повеселели. Я даже переглянулась с Николасом, чувствуя, как мои щеки краснеют от воспоминаний о поцелуе. Ни за что не буду придавать этому значение. Подумаешь, первый поцелуй! Это все лиловые цветы... Любая девушка потеряла бы голову от такой красоты!

Мы разбрелись по разным местам, чтобы наконец-то лечь спать. На втором этаже домика находилась всего одна небольшая комната с двуспальной кроватью, которую Рената отдала нам с Николь. Сама она отправится спать в хозяйский дом, чтобы всем нам было удобнее.

– Скажу, что в домике нашествие муравьев, и спать просто невозможно – произнесла она, прощаясь с нами до утра.

Рената подошла ко мне и обняла крепко и по-особенному нежно. Затем она осторожно прикрепила мне заколку в

волосы и ушла. Я тоже была очень рада встретиться с ней, но, наверное, слишком устала, эмоционально и физически. Сердце мое на какое то мгновение сжалось от нехорошего предчувствия.

– А со мной пообниматься? – язвительно спросил Николас, укладываясь на диване. – Может, споешь колыбельную?

– Спокойной ночи, – только и сказала я ему и кивнула Уиллу, который устроился на раскладушке, найденной Ренатой на чердаке.

Сон еще никогда не манил меня с такой неотвратимой силой, что можно было забыть все на свете. И я забыла. Стоило лишь мне коснуться щекой подушки, и сон забрал меня всю в свои мягкие обволакивающие объятия.

Утро встретило меня солнечным светом, льющим из окна. Николь еще спала, когда я нехотя выбралась из кровати, ступая босыми ступнями по деревянному полу. Мне хотелось побыстрее искупаться в быстрой реке и смыть пыль и грязь скитаний по лесу. Ноги все еще гудели после непривычно долгой ходьбы. Подумаешь, боль! Зато я спала на удобной кровати и в тепле.

Выйдя на улицу, я вдохнула сладкий аромат яблок. День обещал быть теплым и солнечным. Даже ночь выдалась на редкость теплой. И не скажешь, что это Север!

Путь до реки занял совсем немного времени. Я выбрала место для купания, где мне показалось, что течение не такое сильное. Быстро освободившись от одежды, я ступила в

прохладную воду. Да, она не успела нагреться под утренними солнечными лучами, зато была чистойшей и прозрачной, и ноги сразу перестали болеть. Когда вода дошла до пояса, я нырнула, чувствуя себя такой же счастливой, как и на Юге. Конечно, там было заметно теплее, но сейчас, после такого тяжелого пути, здешняя вода бодрила и дарила наслаждение уставшим ногам. Я откинулась на спину, позволив течению нести меня вперед.

– И ты меня не разбудила ради такой красоты! – раздался голос Николь с берега.

Я чуть не ушла под воду от ее такого неожиданного появления. Крикнув Николь, чтобы она шла сюда, я перевернулась на живот и поплыла против течения, но не могла с ним справиться. Просто плыла на месте. Забавно, что все мои старания сейчас были бесполезны. Течение все равно сильнее.

– Ой, как холодно! Как ты вообще в такой воде купаешься? – поинтересовалась Николь, приближаясь ко мне. – Ох, хотя мои многострадальные ноги благодарят меня за это купание.

– А мне нравится, – сказала я, вставая на ноги и раскинув руки в сторону. – Как ты поняла, что я здесь?

– Пошла за тобой. Пол в этом доме слишком скрипучий. А вот мальчики так и спят дальше.

– "Мальчики" очень верное определение для них, – заметила я, улыбаясь.

– Рассказывай, что у вас там произошло с Николасом. –

Николь подошла ко мне и плеснула себе на лицо воды.

– Ничего такого...

– Я уже знаю, что когда говорят "ничего такого", это означает обратный эффект.

– Ну... мы поцеловались. Но это ничего не значит. Просто это был порыв души.

Мне показалось, что когда-то я уже проживала нечто похожее. И этот разговор тоже был рядом с рекой. А потом я вспомнила, как говорила Ренате, что когда я буду влюблена, все вокруг будут знать об этом... Но ведь речь не о Николасе. Я не могу быть влюблена в него!

– Ага! Я так и знала! – радостно взмахнула руками Николь, и много-много капелек воды взметнулись в утренних лучах солнца. – Когда-нибудь я буду называть тебя сестрой!

– Это ничего не значит, – повторила я смущенно. – Ты лучше расскажи, как ты решилась на побег.

– Так это ты меня направила по нужному течению. Вот как сейчас. Жаль, я плавать не умею...

– Я?

– В свадебном салоне. Ты сказала, что убежала от жениха. Вот я и решила повторить этот фокус. Николас меня поддержал, хотя его шанс стать хорошим врачом намного уменьшился. Ты знала, что Жан платил за наше обучение?

– Знала, – тихим голосом произнесла я, теперь понимая, на какую жертву пошел Николас ради сестры. Стало стыдно

за то, что я ему наговорила около кабинета Жана.

Жан... Выбрался ли он из своего заточения? Или умер в темноте, проклиная меня и Уилла? Тяжелым грузом на душе все еще висел этот камень, но я уговаривала себя, что такое наказание он заслужил из-за своих поступков. Возвращаться и спасти его я, понятное дело, не собиралась. А вот возвращаться на берег было уже самое время.

– Нужно выходить. В такой воде долго находиться нельзя, – сказала я и направилась к берегу, а Николь пошла за мной.

– Леона, скажи, ты боишься того, что ждет тебя на Крае? Этим утром врать было нельзя, потому что даже в прозрачных капельках росы, все еще сохранившейся на траве, блестела и сверкала чистота.

– Боюсь. Я не знаю, что меня там ждет.

Почему-то именно сейчас, в это теплое, так напоминающее о Юге, утро, мне захотелось поведать Николь все, что приключилось со мной. Мы неторопливо оделись и сели на берегу рядом с зарослями камышей, позволяя ласковому солнцу согреть нас. Я рассказала все, без утайки, в том числе и о Рое с Ренатой, и даже о Ру. Печаль и радость перемешались в мягком утреннем свете, сплетаясь невесомой паутинкой в воздухе. Нельзя полностью ощутить радость, не познав страдания.

– Теперь я все поняла, – сказала Николь после того, как я закончила свой рассказ. – Я с тобой. Этому миру пора ме-

няться. Но скажи мне, неужели на Юге все так плохо?

– Плохо, – только и успела произнести я, прежде чем чья-то рука зажала мне рот, а на голову надели что-то темное, неприятно пахнущее химией.

Все, что я успела услышать после этого, заключалось в словах, которые произнес чей-то грубый мужской голос: "Наконец-то попалась!" Да, я кажется попалась, вот только не знала, кому именно.

Глава 14

Мое сознание не отключилось, хотя я понимала, что мешок на моей голове был пропитан каким-то лекарством, скорее всего с усыпляющим эффектом. О его более сильном действии я и думать не хотела. Лишь надеялась, что это не яд.

Руки и ноги связали толстой и грубой веревкой. А я даже ботинки не успела застегнуть! Кто-то подхватил меня на руки, и хотя я пыталась брыкаться, но все мои порывы слабели с каждой секундой. Тот, кто нес меня, точно был крепче и сильнее, и я перестала сопротивляться.

В темноте ощущения стали намного ярче. Помимо ужасного запаха химии я чувствовала запах земли от мужчины, даже слышала, как неистово колотится его сердце. Было непонятно, сколько человек напали на меня, и что случилось с Николь. После того, как на мою голову накинута мешок, я слышала только ее короткий крик, а затем лишь шелест листвы и едва различимый шепот мужчин.

Несли меня недолго. Наверное, похитители двигались к дороге, потому что запах яблонь начал перебивать выветривающийся запах лекарства.

Я терялась в догадках, почему меня похитили. Узнали, кто я на самом деле? Тогда непонятно, как они это сделали, ведь я не кричала об этом направо и налево. А если это разбойники, то дела плохи, потому что по постоянным ругательствам того, кто нес меня на руках, было понятно, что он явно не являлся добряком.

Мои мысли прервались, потому что тот, кто нес меня, то ли устал, то ли был слишком сердит. Он бросил меня, как какой-то мешок с картошкой, на твердую поверхность. Больно ли мне было? Еще как! От удара я вскрикнула, тем самым привлекая внимание своих похитителей.

– Опа! Она не спит, – произнес первый.

– Как так? Та девка сказала, что от этой настойки все засыпают, – сказал второй.

– Значит, ее ничто не берет. Она же особенная!

– А светловолосая сразу вырубилась. Что делать-то будем?

– Поедешь с ней в кузове. Смотри, чтобы мешок не сполз, а то тебе не сдобровать!

– А чего сразу я?

– Боишься?

– А вдруг она что-то еще умеет, помимо взгляда?

– Вот ты и проверишь! Она вроде притихла. Все-таки за-

снула?

Я, может, и притихла, но не заснула. Решила притвориться спящей, раз так хотели мои похитители, которых, как оказалось, было двое. По крайней мере, в разговоре слышалась только пара голосов.

– Эй, – раздалось рядом со мной. Кто-то поднял мою руку вверх и отпустил ее. – Все-таки спит. Видишь, как тебе повезло. Ничего она не сможет тебе сделать, пока ее глаза закрыты.

– Может, она ничего и не умеет. Вдруг нам соврали.

– Хочешь проверить?

Я чуть не вскрикнула. Они знают! Знают, на что я способна! От кого же они узнали? Кто меня предал?

– Давай быстрее! Нам пора ехать.

– А с блондинкой чего делать? Выбросим по дороге?

– Пусть с нами едет. Там посмотрим.

Через минуту машина завелась и поехала. Где-то рядом со мной сидел мужчина, напевая незнакомую мне песню. А мне казалось, что я начала задыхаться, потому что теперь я поняла, кто меня предал...

Вначале я подумала о разбойниках из лесного домика. Но они верили в легенду и предать меня означало для них изменить самим себе. Кроме того, зачем им это, если они сами перед моим уходом показали, что они не так бедны, как казалось на первый взгляд. В потайных местах около домика были закрыты целые сокровища, которые они берегли и охра-

няли. Они верили, что вскоре на эти деньги построят Храм в честь Предвечного. Странно, но деньги, добытые неправедным путем, они собирались потратить на благие цели. Им осталось только дожидаться, когда на самом Севере разрешат Храмы, потому что с Великой Войны они были запрещены.

Версию про то, что меня мог сдать Уилл, я тоже отмела. Он мог сделать это намного раньше. Нет. Даже не так. Уилл никогда не смог бы сделать это. Про Ренату и думать нечего, лучшие подруги никогда не совершат предательство в отношении друг друга. Николь ехала сейчас в машине рядом со мной, в таком же положении, что и я. Единственное, в чем ей больше повезло, так это в том, что она была без сознания. Лучше бы и на меня подействовало это сонное лекарство, потому что тяжесть, сдавливающая все внутри меня, становилась невыносимой. Это не просто боль от веревки, врезающейся в руки и ноги. Это мучительная, почти непереносимая боль, при которой приходится стискивать зубы. Ведь человек, предавший меня, сам говорил, что может меня сдать. И сделал это...

А мне так хотелось верить, что лавандовое поле было не просто так. Вспоминая об этом, голову железным обручем сжала обида, а нехватка воздуха была сродни падению в бездну. Я задыхалась с мыслями о Николасе, о том, что он предал меня изощренно и жутко, потому что я имела неосторожность довериться ему. Знал ли он, что и Николь будет рядом со мной в тех же условиях? И что будет, когда узна-

ет? Неужели пожалеет... Но не меня. Сестру. Николь, скорее всего, ничего не грозит, а вот что ждало меня... Я знала, что ничего хорошего. Могла ли я покориться судьбе и ехать в этой машине на верную смерть, если не задохнусь раньше в этом темном мешке? Ну уж нет!

Очень медленно, и надеясь, что незаметно, резала я веревку на руках о какой-то острый предмет. Я не понимала, что это, но мне казалось, что это камень. И что удивительно, с каждым движением, с каждым маленьким сдвигом к цели, мне становилось легче дышать.

И вдруг машина резко остановилась. Ехали мы совсем недолго, чтобы привести мой план в исполнение, а из-за того, что меня дернуло в сторону, я потеряла предмет, о который перерезала веревку. Мужчина, что сидел рядом со мной, ругнулся и громко спросил:

– Сэм, что случилось?

– Там человек... в белом.

– Какой еще человек! – в негодовании воскликнул мужчина рядом со мной и вылез из кузова, задев при этом мои ноги.

Мне все стало понятно, как только я услышала про человека в белом. Дух Леса вновь помогал мне. Я пошевелила ногами и внезапно поняла, что веревка больше не стягивает их. С руками было то же самое. Я свободна! Быстрым движением руки я скинула мешок с головы и жадно вдохнула воздух. Еще некоторое время мне понадобилось, чтобы при-

выкнуть к свету.

"Беги!" – раздалось рядом со мной, и я поняла, кто именно мне это сказал. Но прежде нужно было освободить Николь. Она спала в самой глубине кузова машины, ее лицо было открито, но руки связаны так же, как и у меня. "Оставь ее. Спасайся!" Но как я могла оставить ее здесь с этими страшными людьми? Это было невысказано. Я похлопала по ее бледным щекам, но лекарство действовало слишком сильно.

– Что ты там принимаешь, если тебе белые люди мерещатся? – с насмешкой в голосе произнес кто-то за моей спиной. – Опа! Это что за фокусы?

Я резко развернулась, чтобы увидеть своего противника. Это был среднего возраста мужчина, с короткими светлыми волосами и испуганным взглядом, который он безуспешно пытался скрыть за бравадой.

– Отпустите нас, – твердо сказала я, делая шаг навстречу.

– Еще чего хочешь? Может, на колени перед тобой встать, о спасительница ми...

Он не успел договорить, потому что отлетел от меня на несколько метров. Я не ожидала такого исхода, потому что так и не поняла, как это у меня выходит. Тем не менее, я вышла из кузова и мужчина, пытавшийся подняться, отлетел еще дальше, и так там и замер.

Вокруг ничего не было, кроме зеленой полосы леса с обеих сторон. Вообще никого, кроме того, кого, как я слышала, называли Сэмом. В кабине его не оказалось, поэтому я

сделала вывод, что он убежал в лес, как только понял, что я очнулась.

Я вернулась к Николь, безуспешно пытаюсь привести ее в чувство. После нескольких минут бесполезных усилий я подумала, что могла бы сесть за руль. Водить я не умела, но надеялась, что у меня получится. И все-таки сев за руль, я поняла, что ничего у меня не выйдет. Непонятные кнопки, рычаги, которыми я не знала, как управлять, не внушали доверия.

Я вышла из кабинки, хлопнув дверцей. Что же делать? Долго нести на руках Николь я не смогла бы, а вокруг ничего не было, кроме дороги и зеленой полосы леса. Вдруг в гудящей от напряжения тишине раздался слабый звук мотора. Что-то приближалось с той стороны дороги, на которой лежал без сознания один из моих похитителей.

Мечты имеют свойство сбываться. Но кто мне мог дать гарантию, что приближающаяся машина, которую я уже могла разглядеть вдали, везет людей, которые помогут? Вдруг это совсем не те, кого я бы хотела увидеть?

С трудом я перетасила моего похитителя на обочину дороги и встала рядом, дожидаясь, когда машина приблизится ко мне. Она остановилась около меня, но разглядеть, кто именно сидел там, было невозможно из-за темных окон. Я уже видела такой эффект в машине Николаса: внутри тебе видно все, что снаружи, а если наоборот – нет. Дверь со стороны водителя медленно открылась, и из машины появил-

ся незнакомый мне пожилой мужчина в кепке, закрывающей половину лица.

– Что у вас случилось? – громко спросил он, сделав несколько шагов ко мне.

Я молчала, пребывая в нерешительности. Помощь, о которой я мечтала, пришла, но я не знала, что с ней делать.

– Вы в порядке?

Мужчина подошел ко мне близко, и я почувствовала запах хвои, который сразу напомнил о Рое. Может, этот мужчина тоже живет посреди леса. На вид добродушный и заботливый, да еще так беспокоится... В какую то долю секунды мои мысли обрушились, как и надежда на доброту этого человека. Неожиданно мужчина подставил мне подножку, отчего я тут же рухнула на траву. Еще одно мгновение – и на моей голове оказалась какая-то шапка, которая закрывала мне глаза. И вновь неприятный запах химии ударил мне в нос. Нестерпимо захотелось спать, но я все равно пыталась сопротивляться. Я даже слышала начало разговора:

– Как последний трус спрятался в лесу? – со злой насмешкой поинтересовался пожилой мужчина.

– Ты видел, что она с Джеком сделала? Конечно, я убежал. Почему ты так поздно?

– Тебя забыл спросить. Бери нашу добычу и поехали уже...

– А с Джеком что будем делать?

– Здесь оставим. Пусть пешком до нас доберется, если

сможет. – Мужчина громко хмыкнул и со злорадством продолжил: – В здешних лесах опять стали василиски бродить.

– А с северянкой что будем делать?

– С какой?

– Она вместе с этой была. Мы ее тоже забрали.

– Идиоты! Зачем она нам? Оставим здесь...

Больше я не слышала ничего, потому что сну удалось победить меня. Прежде чем отключиться, я только подумала о том, что опять доверилась северянину и снова зря.

Очнулась в полной темноте и испытала пугающее чувство дежавю. Интересно, когда-нибудь можно мне очнуться посреди солнечной поляны и не с ужасной сухостью во рту, а с поцелуем любимого на губах? Вот такой расклад был бы по мне! Проблема в том, что поляна и любимый только в мечтах, а на деле... мрачная тьма.

Я попыталась встать, но больно ударилась головой о потолок, слишком низкий, чтобы стоять в полный рост. Что и говорить, положение мое было незавидным, просто аховым, да еще и пахло здесь не слишком хорошо. Я начала обследовать место, где оказалась. Вывод, сделанный мной по прошествии нескольких минут, не обрадовал: я находилась в клетке. Еще один вывод пришел ко мне несколько позднее, потому что я плохо соображала после того, как очнулась. Темнота вокруг была создана искусственно, потому что у меня на голове была то ли шапка, то ли маска, крепко пристегнутая к голове, и при всем усилии снять я ее не могла.

Ничего страшного... Подумаешь! Скоро меня спасет Дух Леса, ведь не оставит он меня здесь навсегда. Я тоже могу попытаться сбежать, если представится удобный случай. Только бы снять эту штуковину с головы...

– Очнулась, красавица? Долго же ты спала. Уже вечер на дворе.

Я узнала этот голос, он принадлежал тому самому пожилому мужчине. И вовсе он не добр, как показалось мне на первый взгляд. "Зато теперь уже ничего не покажется", – с грустью подумала я, дергая себя за маску.

– Можешь не стараться. Эта маска без ключа с тебя не снимется. Ты хоть говорить-то умеешь?

– Умею, – тихо проговорила я.

Раздался ужасный скрип двери, от чего даже мои зубы запылились.

– Вот и хорошо. Давай поболтаем, – раздался голос мужчины уже рядом со мной. – Меня зовут Маркус. А тебя?

– Леона.

– А ты неразговорчивая, да?

– Нет.

Я сложила руки на груди, хотя и понимала, что выглядела сейчас нелепо, стоя на полусогнутых ногах и с непонятной маской на голове. Маркус в клетку ко мне не вошел, просто стоял где-то рядом с открытой дверью.

– Понятно. И упрямая. Знаешь, Леона, почему ты здесь?

– Потому что меня кто-то предал?

– А ты догадываешься кто? – вкрадчивым голосом спросил Маркус.

– Догадываюсь. Но вам не скажу.

– Ладно. Это неважно. Лучше скажи, как ты научилась своим штучкам?

– Каким штучкам?

– Как ты научилась отбрасывать людей одним лишь взглядом? – В голосе Маркуса слышалось нетерпение.

– Я не знаю, о чем вы говорите.

– Правда? – Он резко схватил меня за подбородок и сильно сжал. – Ты даже не понимаешь, с кем имеешь дело. Ты у меня заговоришь!

Маркус отпустил меня, а я все равно чувствовала сильную боль в лице. Но я буду сильной, ведь меня скоро спасут, надеялась я.

– Можно воды? – спросила я, желая показать свою храбрость.

– Ты еще не поняла? Воды не будет. И ничего у тебя не будет.

Послышался скрип закрывающейся двери, затем удаляющиеся шаги. На всякий случай я подергала дверь, но она действительно была закрыта.

Так, Леона. Нужно сосредоточиться и не обращать внимания на жажду. Судя по запаху хвои и крикам птиц, я находилась рядом с лесом. Если я чувствовала ветер на своей коже, то клетка находилась на улице.

Мои размышления прервал лязг открывающегося замка клетки. Я даже вздрогнула, потому что не слышала никаких приближающихся шагов. Что-то гроыхающее подкатилось к моим ногам, и на этом все затихло.

– Эй! Кто это?

Дверь быстро закрылась, я даже не успела встать. Я ощутила предмет передо мной и поняла, что это обыкновенное железное ведро. Несколько секунд я пыталась понять, зачем мне оно, а когда поняла чуть не расплакалась. Как еще меня собираются унижить? Посадили в клетку, как животное; одели ужасную маску; дали простое ведро для моих нужд...

Следующее унижение последовало через час. Мне дали в миске непонятную бурду, которая пахла резиной. Я отодвинула еду, хотя так ее можно было назвать с большой натяжкой, как можно дальше от себя и села на ворох сена в углу. Почему-то вспоминался мамин яблочный пирог, который она всегда пекла по праздникам. Волнуется ли она за меня? Конечно! Надеюсь, ни мама, ни Экберт никогда не узнают, через что мне приходится проходить на моем пути. Да и будет ли этот путь продолжаться?

Я надеялась, что Дух Леса мне поможет, но судя по всему, он не торопился. Уже чувствовалось, как тепло дня сменяется прохладой ночи. Когда совсем заглодало, я закопалась в сено, насколько смогла.

Рядом с клеткой Маркус посадил на привязь своего сторожевого пса, который свирепо рычал при каждом моем дви-

жении. Мне представлялось, что он огромный и страшный и, конечно, очень злой.

Где-то вдалеке ухнула сова, а Дух Леса все не приходил. Неужели, это мне наказание за то, что не послушалась его совета в машине, когда он сказал оставить Николь? В итоге Николь все равно оставлена, а я нахожусь не пойми где, даже не зная, зачем. Хотя нет, все и так понятно. В скором времени меня убьют.

Странный шорох послышался мне со стороны леса, как будто кто-то тяжелый движется в мою сторону. Пес, призванный охранять меня, зарычал глухо и грозно. Мурашки побежали по спине, когда я осознала, что этот кто-то приближается к моей клетке.

– Кто это? – прошептала я тихо-тихо, потому что все ночные звуки разом пропали. Но что было более всего страшно, так это то, что пес перестал рычать.

Мой голос пропал. Какое-то существо находилось прямо передо мной, отделяемое решеткой, а я не могла понять, кто это. "А если это василиск?" – с ужасом пронеслось у меня в голове. Сейчас я почти ничего не могла вспомнить из прочитанного в книгах о василисках. Помнила лишь, что они огромны и страшны, а еще убивают одним своим взглядом. Вот в этот момент я и порадовалась, что на моих глазах шоры в виде маски. Но еще большая радость пришла ко мне, когда я поняла, что неизвестное существо стало отступать, уползать обратно в лес.

– Песик, – позвала я того, кто совсем недавно рычал на меня.

Ответом мне была полная тишина. Даже ветер перестал дуть. Страх охватил меня изнутри своими паучьими лапками. Неужели это был василиск, и его взгляд убил пса? Я обняла себя за колени. Вот теперь я боялась, боялась своей беспомощности и, как мне тогда казалось, обреченности. Страх сделал свое черное дело, я почти потеряла надежду на спасение.

Под утро я все-таки заснула, хотя меня не раз тревожили ночные насекомые, которых я не видела. И от этого они казались мне непременно ужасными и даже опасными.

Меня опять разбудил лязг открывающегося замка моей клетки. Я хотела встать, но вспомнила про невысокий потолок, и просто присела.

– Что ты сделала с моим Тором? – со злостью закричал Маркус.

– Ничего.

– Ничего? Он мертв! Как ты это сделала?

– Ночью какое-то существо из леса приходило к клетке.

– Точно? И кто это был?

Маркус зашел ко мне в клетку и присел прямо передо мной. От него неприятно пахло табаком, отчего я закашлялась и посадила и без того пересохшее горло. И вновь мужчина грубо схватил меня за подбородок и потянул вверх, как будто хотел взглянуть в мои глаза, чтобы понять, говорю ли

я правду.

– Я не знаю, кто это был.

– Василиск... – задумчиво произнес Маркус, отпуская меня. – Неужели они и правда опять появились в лесу... – Он встал и отошел от меня подальше. – Пить хочешь?

– Да.

– Сейчас тебе принесут.

– Почему вы меня держите здесь? Почему не убили?

– Кое-кто хочет выяснить, откуда у тебя этот дар. Не бойся. Как только мы узнаем, тебя убьют, – сказал Маркус с насмешкой.

– А вы сами не боитесь?

– Чего я должен бояться?

– Духов Леса. Они меня защищают.

Маркус засмеялся громко и раскатисто. Я даже привстала от такой неожиданной реакции.

– Там, где мы находимся, нет никаких Духов Леса.

– Вы тоже считаете, что это сказки? – спросила я, думая, что передо мной человек, который не верил ни в каких духов.

– Нет, почему же. Просто сюда они не заходят. Здесь нет для них места.

То, что сказал Маркус повергло меня в шок. Я так ждала, когда уже Дух Леса меня спасет, а оказалось, что мои ожидания напрасны.

– Иди сюда, – грубо сказал Маркус. Я уже собиралась не подчиниться, когда осознала, что его слова обращены не ко

мне. – Давай быстрее! Не заставляй повторять меня дважды.

Кто-то легкой, почти неслышной походкой подошел к клетке. Мне показалось, что это женщина, потому что от нее исходил чуть заметный аромат цветов.

– Дай ей поесть и воды. Я сегодня, можно сказать, добрый. А потом мы поговорим, Леона.

Слово "поговорим" звучало пугающе. Маркус сделал шаг в сторону и остановился, громко хмыкнув.

– А вы еще незнакомы?

Слышно было как женщина учащенно дышала, так и не произнеся ни единого слова. Маркус коротко рассмеялся и произнес:

– Леона, познакомься с той, кто будет помогать нам, пока ты у нас. Это Рената...

Я сделала шаг вперед. Надо же, какое совпадение! Сколько южанок с именем моей подруги...

– Невежливо молчать. Скажи что-нибудь!

– Я сейчас принесу еду.

Этот голос! Этот такой знакомый и родной с самого детства голос, который узнаешь из тысячи, миллионов других голосов!

– Рената? – выдохнула я.

Мне вновь как будто стало совсем нечем дышать. Я совершенно не понимала, почему Рената находится здесь. Ее тоже похитили? Маркус заставил работать служанкой?

– Леона, ты еще не поняла? – мужчина издал короткий

смешок и продолжил язвительным тоном: – Именно она предала тебя.

Глава 15

– Вот еда, – сказала мне Рената через какое-то время после того, как Маркус сказал мне, что именно она предала меня.

– Это правда? – с болью и горечью спросила я ее.

Невозможно поверить! Это просто непрекращающийся кошмар наяву...

– Мне пришлось, – еле слышно ответила Рената.

Ей пришлось! Мое сердце сделало удар и остановилось. Как она могла? Моя лучшая подруга...

Рената поставила металлическую миску к моим ногам, а я даже не почувствовала запаха. Одним ловким движением я подцепила ее за край и запустила туда, где, как мне казалось, находилась Рената. Но я ошиблась в своих измерениях, миска ударилась о решетку клетки и с грохотом упала на пол. Рената вскрикнула от неожиданности и громко выругалась. Неужели, она ожидала чего-то другого от человека, которого предал один из самых близких людей?

– Это ты зря. Больше еды тебе не положено. стакан воды у дверцы.

– Сколько тебе заплатили? – произнесла я сквозь зубы.

– Нисколько.

– Ты сделала это просто так? – В моем голосе боль и горечь кричали так громко, как кричат смертельно раненые

большие птицы, хотя на самом деле голос был еле слышен.

– Понимаешь, мне вернут мою мечту, – уже громче ответила Рената.

Нет. Не понимаю. Отказываюсь это понимать. Я нервно провела рукой по маске, в очередной раз проверяя ее. Сейчас она давила на глаза намного сильнее. Нашу дружбу, меня променяли на обновленный красивый сад, на какие-то там мерцающие розы. Осознавать это было невыносимо больно.

– Это стоило того? – поинтересовалась я, вставая со своего места.

– Я не знаю. Ты пойми, я не хотела так поступать. Но выхода не было, – пыталась оправдаться Рената. – Я не хочу, чтобы наш мир изменился. Меня все устраивает.

– Уходи! Хорошо, что я не вижу сейчас твое лицо.

– Прости, – бросила мне Рената перед уходом.

Я держалась изо всех сил. Старалась быть сильной. Верила в лучшее. Но сейчас... меня ранили в самое сердце. "Никогда, никогда никому не доверюсь", – подумала я сквозь слезы. Но мне и не придется, ведь скоро меня убьют.

Опустошенная и почти сломленная, я сидела в своей клетке долгими тяжелыми днями и ночами. Сбилась со счета, сколько прошло времени. Да и мне было все равно. Моя воля, моя, казалось, неискоренимая, жажда жизни, исчезли без следа. Я лишь желала поскорее избавиться от заточения, а способ был один. Но никто не торопился воплощать его в жизнь.

Маркус каждый день беседовал со мной, каждый раз все изощреннее подбираясь к тому, чтобы узнать, откуда у меня появилась возможность отбрасывать людей и наблюдать видения. Но я и сама не знала.

– Лео, так дело не пойдет. Расскажи мне все, и я выпущу тебя отсюда, – произнес Маркус, осторожно присаживаясь рядом.

Сегодня он поменял тактику и вместо постоянных насмешек и издевательств решил заделаться другом.

– Я ничего не знаю, – безразличным тоном сказала я, ломая соломинку в руке.

– Послушай, завтра придет тот, кто уже не будет обращаться с тобой так, как я. Он страшен в гневе.

– Пусть приезжает.

Безразличие стало мне новым другом. Что поделать, если старых друзей не осталось...

– Лео! Да пойми же ты! – Маркус потряс меня за плечи. – Лучше рассказать все сейчас, чем ждать ужасных мучений. И я тебя отпущу.

– Так я и поверила! Вы никогда меня не отпустите.

В клетке воцарилась тишина. Мой собеседник о чем-то думал, все еще сидя рядом со мной. Прошло несколько минут, прежде чем он спросил:

– Ты правда не знаешь, как у тебя появилась эта сила?

Откуда у меня появилась способность отбрасывать людей на расстояние и видеть видения? Этого я и сама не знала.

– Правда не знаю, – честно ответила я, накручивая соломинку на палец.

– Вот завтра и проверим.

Маркус встал и вышел, не заперев за собой клетку. Я слышала, как отдаляется звук его шагов, но все равно осталась сидеть на своем месте. Это была ловушка, я точно знала. Даже пытаться не стоит выбраться отсюда. А если все-таки стоит? Я осторожно встала, чтобы не удариться головой о потолок. Но что я собираюсь делать? В лесу без зрения далеко не уйдешь. А маску не открыть, хотя я и пыталась, пока не могла заснуть в первые ночи после того, как обнаружилось предательство Ренаты.

В нерешительности я остановилась перед открытой дверью. Прежняя Леона побежала бы куда глаза глядят, точнее теперь уже не глядят. Она точно бы совершила побег. А теперь... А теперь есть только Леона, которая не пережила ни заточения, ни предательства близкого человека. Эта девушка слепа, ее сковывает тьма, которой нет конца.

И еще эти разговоры с Маркусом! Шаг за шагом он подводил меня к краю пропасти, в которую я уже была готова упасть. Я думала, что я сильная, что смогу вынести все невзгоды, преодолеть все трудности. Но эта темнота, в которой я жила, отдаляла меня ото всего, во что я верила.

Я коснулась места, где должна была быть дверца, и рука прорезала пустоту. Я уже собралась с остатками сил, чтобы сделать шаг... Но я не сделала. Поджав сухие губы, я трус-

ливо отошла к солеме и зарылась в нее лицом, точнее ненавистной маской... Отрывки бесед с Маркусом, словно большие жужжащие мухи кружились в голове, и невозможно было избавиться от них.

– Расскажи мне о своем детстве, Леона, – допытывался Маркус, сидя рядом со мной.

– Я не хочу рассказывать о нем.

– Почему?

– Это счастливые воспоминания. А здесь нет места радости.

– Ты думаешь, что если поделиться этим, то твои воспоминания станут безрадостными?

– Нет. Но с вами делиться не хочу.

– Про Ренату тоже не расскажешь?

– Про нее тем более.

Мы были так счастливы, проводя все свое свободное время в домике на дереве. Сладко пахло яблоками. Жизнь была такой яркой и безоблачной. Дерево было огромным. Оно охраняло нас и защищало от дождя и зноя. Кто сейчас охраняет меня, если даже Дух Леса оставил меня? Как дальше бороться, если нет больше сил?

– Леона, как ты могла поверить в свою значимость? – Маркус стоял надо мной и уже несколько часов унижал и оскорблял. – Ты же видела себя. Ты обычная девушка, каких тысячи.

– Возможно.

– Это так и есть! Зачем ты напридумывала себе непонятно что?

– Тогда зачем на мне эта маска?

– А зачем тебе вообще что-то предпринимать, куда-то идти? – Маркус проигнорировал мой вопрос, продолжая гнуть свою линию. – Этот мир и так хорош, его не нужно улучшать. Что ты о себе вообразила? Сумасшедшая!

Я закусила пересохшие губы так сильно, что выступили капельки крови. Ничего не хочу! Ничего! Я простая восемнадцатилетняя девушка, которой нужно было думать о том, чтобы учить детей, встретить на Юге мужчину, который был бы мне хорошим мужем. И наши дети бегали бы среди яблонь посреди солнечного света. И никакой тьмы не будет...

– Ничего мне не хочешь сказать? Например, о Духе Леса... Ты его встречала? – спросил Маркус, открывая дверь клетки.

– Нет.

– Ты боишься пыток?

Рядом со мной раздался громкий выстрел, отчего я вздрогнула, но упрямо покачала головой. Нет, я не боюсь. По крайней мере, для Маркуса я буду выглядеть храброй.

– Подойди ко мне.

Я осталась сидеть на своем месте. Не встану. Ни за что. Маркус несколько секунд ждал, но потом понял, что он это делал зря.

– Слишком гордая? Ну так попрощайся с этим каче-

ством!

В тот день Маркус стрелял в воздух много раз. Каждый вопрос без ответа, каждое его утверждение сопровождалось оглушающим выстрелом. И к концу этой бьющей по сознанию пытке я зарыдала, не выдержав напряжения последних дней и ночей. Да, я перестала быть храброй. Но самое плохое, я совсем перестала надеяться, что выйду из этой клетки.

И вот она открыта... Пожалуйста, выходи! Но я не смогла.

– Я разочаровался в тебе, Лео, – раздался голос Маркуса вблизи от клетки. – Ты не захотела убежать?

Я молчала. Темнота и молчание стали моими компаньонами.

– Ну что, ждем завтра Жана. Мне сказали, что он твой старый знакомый, – Маркус коротко рассмеялся и закрыл мою клетку. – Лично я с ним не знаком, но слышан. Мне сказали, что он очень зол на тебя. Гнев его будет ужасен. Зря ты не попыталась убежать.

Наверное, Маркус не видел, как я улыбнулась, потому что иначе точно посчитал бы сумасшедшей. Это была улыбка безысходности. Завтра все решится. И, быть может, все закончится.

Я никогда не молилась, считала, бесполезным занятием, но сегодня решила это сделать. Присев на колени, я сложила руки так, как их складывал Эллиот. Даже ветер стих, вслушиваясь в слова, которые непонятным образом нашлись сами собой. Я не молила за себя, зная, чем закончится для

меня встреча с Жаном. Просила лишь об одном – дать шанс кому-то еще попробовать спасти этот мир. К сожалению, я не смогла сделать это сама...

– Я принесла тебе чай, – сказала Рената за моей спиной. – Если ты его выпьешь, заснешь и больше не проснешься.

– Серьезно, Рената? Это все, что ты можешь сделать для меня?

Я поднялась с колен и развернулась к ней.

– Ты знаешь, мне так жаль... Я слышала разговор про Жана. Не хочу, чтобы он тебя мучил

– А здесь меня пряниками кормят? Как ты будешь спокойно спать, зная, что меня убили из-за тебя?

– Я не знала... Мне сказали, что тебя не тронут.

– Тебе наврали.

– Я уже поняла. Прости меня.

Я отвернулась от Ренаты, хотя и так каким-либо образом не могла ее видеть.

– Уходи. И забери этот чай с собой. Я приму свою судьбу с честью.

Смелость и отвага, непонятно откуда взявшиеся в разговоре с Ренатой, покинули меня с ее уходом. С ужасом я думала, что сделает со мной завтра Жан, ведь это я заперла его в темной комнате. И месть его будет страшна. Самым лучшим решением было бы заснуть и проснуться в новом дне, в котором и решится моя судьба. Но спать мне не хотелось. Гулко билось сердце, вспоминая вчерашний разговор с Мар-

кусом:

– *Ничего не скажешь?*

– *Нет.*

– *А теперь?*

Меня окатили ледяной водой, отчего стало вдвойне обидно. Целое ведро... Я так хотела пить, а положенный стакан воды казался каплей в океане, никогда не утоляя жажду.

– *Вот и помылись, – коротко рассмеялся Маркус. – Ну а про разбойников ты мне ничего не скажешь?*

– *Про каких?*

– *Из лесного домика.*

Я замешкалась. Откуда Маркус узнал про них?

– *И что с ними?*

– *О, они мертвы.*

– *Как?*

– *Мои ребята убили их, – бесцветным голосом сказал Маркус. – И знаешь, кто виноват в их смерти? Ты. Мы шли за тобой, но встретили их.*

Я не заплакала. Слез у меня больше не осталось. Но чувство вины огромным комом нарастало внутри меня. Никаких видений в этом ужасном месте у меня не было, но в своем воображении я представляла, как плачет больная мать, оставленная сыном; как переживают дети Чарли, не зная, что с ним произошло. Все это не давало мне уснуть.

Ночь приближалась стремительно. По тому, как сильно дул ветер, я понимала, что погода меняется. Озябшими паль-

цами я перебирала соломинки. Это простое действие должно было успокоить меня, но оно не помогало.

Сегодняшняя ночь была холодной и мрачной, прямо как мысли в моей голове. Наверное, я слишком глубоко в них погрузилась, что не заметила, как кто-то оказался около моей клетки.

– Эй, – раздался тихий мужской голос, который мне был знаком. – Леона, это мы. Сейчас я открою клетку.

Кто это "мы"? Я никого не ждала... Кроме Жана. Но он придет, только когда пройдет эта жуткая бесконечная ночь. И вдруг я поняла, что это голос Уилла. Теперь раздавался лишь еле слышный скрип металла. Может, мне почудилось? Я начала сходить с ума? Мой слух притупляется из-за этой маски. Голос Уилла приняла за крики ночных животных. Такое бывает, когда сидишь в клетке долгими днями и ночами...

Дверь открылась почти без скрипа. Нет же, мне это только кажется. Этого не может быть, потому что сам Дух Леса не может сюда пробраться.

– Бельчонок, что они с тобой сделали? – потрясенным голосом сказал Николас, и теплые руки обняли меня. Но это объятие длилось совсем недолго. – Нам нужно снять маску. Уилл, попробуй.

– Сейчас. Посвети.

Мне до сих пор не верилось, что ко мне пришло спасение. Так не бывает. Я готовилась к смерти. Никакой радости я не

испытывала, как будто наблюдала со стороны за той Леоной, которой ничего уже не нужно. Она привыкла жить в клетке, как зверь. Она ждала смерти...

– Готово, – тихо произнес Уилл. – Леона, я снимаю.

Для меня ничего не изменилось, кроме того, что на лоб перестала давить маска.

– Ты можешь открыть глаза, – прошептал Николас, нежно касаясь моей щеки.

Это слишком трудно сделать, когда привыкла к мраку. Но если подумать, сейчас ночь и тоже темно. Осторожно я открыла глаза... О, как красиво вокруг, невзирая на мою темницу! Рядом сосновый лес, простирающийся до самого неба, на котором столько звезд... Даже глаза заболели от их света. И все-таки мне захотелось взглянуть еще раз на небо!

А совсем рядом Николас, такой красивый, такой... испуганный. Почему же он так странно смотрит на меня?

– Ты в порядке?

Я помотала головой. После всего, что со мной случилось, я далеко не в порядке.

– Пора уходить, – тихо сказал Уилл, первым выходя из клетки.

Николас взял меня за руку, ведя за собой. Ступив за пределы моей темницы, я чуть не расплакалась. До сих пор не верилось, что я свободна. Справа от места моего заточения стоял большой дом, в котором жил Маркус по своим помощникам. И Рената...

Мгновенно я вырвала свою руку из теплой руки Никола-са и повернула в направлении дома. Я даже успела сделать несколько шагов, прежде, чем меня остановили.

– Леона, нам нужно уходить.

– Нет, Николас. Я это так не оставлю. Они должны отве-тить за все.

– Убьешь их? – спросил Уилл. – Ты же не убийца!

Мне нечего было ответить, но я упрямо сделала еще один шаг к дому. Николас, не отставая, вновь захватил мою руку в свою.

– Завтра приедет Жан. Ты думаешь, он их не накажет за то, что ты сумела сбежать? Леона, нужно уходить.

– Откуда ты знаешь про Жана?

– Расскажу в машине. Но до нее нужно дойти. Ты смо-жешь?

Смогу ли я? Да мне даже сейчас идти нелегко, хотя мы прошли всего ничего! После скудного питания, суточного стакана воды и отсутствия движений мне все трудно делать.

– А сколько идти до нее?

– Около двух километров, – ответил Уилл. – Давай я тебя донесу на руках.

– Нет. Я сам донесу, – резко ответил Николас и обратился ко мне: – Я буду аккуратен.

Он осторожно взял меня на руки, будто боялся причинить боль. Моя голова покоилась на его плече и стало так спокой-но, словно я очутилась дома, там, где меня всегда ждали.

- Как вы меня нашли?
- Это долгая история.
- Расскажешь в машине?
- Да.
- Николас...
- Что?
- Спасибо.

В темном лесу, освещаемом лишь слабым светом фонарика Уилла, я все равно увидела, как Николас улыбнулся мне. Радость жизни понемногу возвращалась ко мне, но на душе все равно было беспокойно. С каждым шагом, приближающим нас к машине, тревога внутри меня становилась больше. Как же я устала от этого напряжения, почему нельзя просто отдохнуть на плече Николаса. Почему столько сложностей? "Остановитесь!" – раздался голос в моей голове, и я дернулась от испуга.

– Что такое? – поинтересовался Николас.

– Поставь меня на землю, – сказала я и после того, как ощутила под ногами твердую почву, продолжила: – Замрите.

Николас и Уилл последовали моему совету, а я прислушалась. Где-то далеко ухала сова, скрипели сосны, но это были обычные ночные звуки леса. А то, что испугало меня, слышалось совсем рядом. Шорох листьев, ломающиеся ветки... все это я уже слышала несколько дней назад, когда неизвестное существо появилось у моей клетки. Но что странно, эти звуки слышались со всех сторон. Как будто тот, кто приходил

ко мне, сейчас был не один. А металлические прутья клетки больше не отделяли меня ни от кого. Вот теперь по-настоящему стало страшно.

– Закройте глаза и не открывайте! – сказала я Николасу и Уиллу.

– Почему? – с недоумением спросил Николас. – Кто это?

– Василиски? – предположил Уилл, доставая из кармана пистолет.

– Скорее всего. Закройте глаза. Ни за что не смотрите на них.

– Да какие василиски? Они не водятся в здешних местах, – сказал Николас, но не так уверенно, как хотел бы.

– Тебе еще непонятно? Теперь все по-другому, – произнесла я, с неохотой закрывая глаза. После маски это делать особенно не хотелось.

Мы застыли. Кто-то тяжелый, пахнувший гвоздикой и серой, возник прямо передо мной, а потом, судя по звукам, эти существа появлялись со всех сторон. Сколько их, сказать было трудно, но понятно было одно – они окружили нас.

– Уходите! – крикнула я в темноту. – Мы не трогаем вас, вы не трогаете нас.

Существо прямо передо мной продвинулось ко мне вплотную. Я чувствовала его зловонное дыхание у себя на лице. Внезапно вспомнилось, что у василисков есть яд, способный убить меня за несколько минут.

– Лео, они как бы не уходят, – сказал Николас, не знав-

ший, как и я, что делать.

– Может, поглазеют на нас и свалят? – испуганно спросил Уилл.

Всем нам было страшно рядом с теми, кого нельзя увидеть.

"Открой глаза", – услышала я шипящий голос в голове, совсем не похожий на голос Духа Леса. Оно со мной разговаривает! Но как? Ни за что не поверю этому существу, кто бы он ни был!

"Если ты та самая, мы не причиним тебе зла. Мы не сможем убить тебя взглядом"... А если я не та самая? Что если Маркус прав и я сошла с ума? Вон с василиском веду мысленный диалог, можно сказать, почти неторопливую беседу!

"Не откроешь глаза, мы убьем твоих друзей". Я открыла глаза и огляделась. Фонарик Уилла был направлен вниз, и ничего нельзя было разглядеть, кроме силуэтов больших существ, окружавших нас. Напротив меня находился василиск, точная копия изображения в книге, которую я когда-то читала, а я смотрела на его страшное тело.

"Посмотри мне в глаза". И я посмотрела. В его глазах появились лучи удивительного пурпурного цвета, осветившие все вокруг. Ждала ли я, что упаду замертво после того, как решилась взглянуть на василиска? Конечно! Но я все еще была жива.

"Настоящая", – прошипел василиск и чуть отступил на-

зад.

– Лео, что происходит то? – нетерпеливо спросил Николас.

– погоди. Просто стой и не открывай глаза, – ответила я ему.

"Ты нашш враг. Но мы отпуссаем тебя и жждем, что ты возвратишшь нашш прежжний мир. Ссеверяне изгнали нас изз нашших месст. Мы всего лишшь хотим обратно. Мы жжелаем тебе удачки".

Сегодняшняя ночь была полна сюрпризов. Даже василиски дарили мне свободу и желали удачи. Я смотрела, как они уходят обратно в лес, а непонятно откуда появившийся сильный ветер обдувал мое лицо. Глядеть в глаза собственной смерти страшно, но еще страшнее струсить. Подумать только, я смотрела в глаза василиску... и ничего не произошло. Маркус зря старался меня сломить. Хоть я и слаба, но восстановлю силы, чтобы продолжить мой путь. И ничто меня не остановит.

– Они что, уходят? – спросил Уилл, переминаясь с ноги на ногу.

– Да. Но подождите открывать глаза. Они еще близко.

– А почему они нас не тронули? – В голосе Николаса удивление. Судя по пистолету в его руке, он тоже готовился дать отпор, если понадобится.

– Я с ними договорилась. Открывайте глаза.

– Как это? Взяла и мысленно договорилась?

– Вообще-то да.

Николас усмехнулся, получив ответ на свой вопрос. Он быстро огляделся вокруг, чтобы убедиться, что от василисков и следа не осталось. Но на самом деле, при ближайшем рассмотрении с помощью фонарика, следы как раз остались. Вся земля рядом с нами была выжжена.

– Надо двигать к машине, а то мало ли кто еще захочет договориться с Леоной, – сказал Уилл и обратился к Николасу: – Не устал? А то могу я понести.

– Никогда не устану, – упрямо произнес Николас, осторожно поднимая меня на руки.

Я невольно улыбнулась, хотя то, что сейчас произошло с василисками, окончательно лишило меня всяких сил. Хотелось лечь в теплую кровать и спать долго-долго.

– Уже скоро, бельчонок, – прошептал мне Николас, как будто сумел прочесть мои мысли.

– А Николь? – вдруг вспомнила я о его сестре. – Вы нашли ее?

– С ней все в порядке. Она с Джеспером.

Потребовалось несколько секунд, чтобы я осознала, о чем говорит Николас. Тот, от кого убежала Николь, теперь рядом с ней, а ее брат так спокойно говорит об этом!

– Что?

– Все хорошо. Я объясню в машине.

Почему мне все хотят объяснить уже в машине? До нее еще так долго идти, а спать хочется уже сейчас... Утомлен-

ная всем, что произошло со мной, я и не заметила, как заснула на плече Николаса. Объяснений я так и не дождалась.

Глава 16

– Нет, это отражение не может принадлежать мне, – говорила я сама себе, стоя перед зеркалом, освещенным синеватым светом.

Если к моим рыжим волосам в утреннем беспорядке я привыкла, то к красным опухшим глазам и к бледному лицу в пятнах привыкнуть было тяжело. В зеркальном отражении я всегда выглядела неплохо, а сейчас хотелось быстрее отвернуться. Конечно, я не была первой красавицей у нас на Равнине, но всегда знала, что обладаю привлекательной внешностью. А теперь... И Николас видел меня вот такой. Брр! С содроганием я залезла в наполненную горячей водой ванну и задумалась. Так спокойно было лежать здесь, пока тяжелые мысли не настигли меня вновь.

А Чарли вместе с другими разбойниками больше не смогут построить Храм. Их убили просто потому, что они были не в том месте. И успокаивать себя тем, что отомщу за них, я не могла.

Слезы, мои привычные спутники на Севере, выступили на глазах. Я даже не знала, как найти детей Чарли, чтобы помочь им. Но моя помощь могла оказаться с противоположным эффектом, потому что вокруг меня и всех, с кем я общаюсь, сжималось кольцо опасностей, неся за собой смерть.

"Уйду одна", – решила я для себя. Если уже сейчас столько

трудностей выпадает на мою долю, то что же будет дальше? Нет, больше не буду никого подвергать опасности. Уилл и так слишком долго мне помогал. А за себя уже не страшно. Я просто буду идти дальше и стараться достичь цели. Если не достигну... Что ж, по крайней мере, я пыталась, и никто больше не пострадает.

Удовольствия от горячей ванны я больше не получала, поэтому просто помылась и вернулась к себе в комнату. Где именно я находилась, где все остальные – меня больше не волновало. Главное, что клетка осталась где-то далеко.

Судя по виду из окна, моя комната находилась на втором этаже, а знакомые голоса моих спутников слышались откуда-то снизу. По короткой тени от деревьев в саду я поняла, что проспала до полудня.

– Вижу, ты проснулась. Можно к тебе? – спросила Николь, приоткрывая дверь в мою комнату.

Я как раз пыталась что-то сделать с волосами, потому что после стольких дней в заточении они никак не расчесывались. Но какое мне дело до волос, когда Николь жива и невредима! Я бросилась к ней, раскрыв руки для объятий. Бедная девушка тоже натерпелась от похитителей.

– Как ты? – спросила я, утыкаясь в светлые волосы Николь. Только не плакать, Леона! Хватит уже!

– Ну лучше, чем ты. Хотя тоже досталось. У меня нога сломана!

Чуть отодвинувшись от нее, я увидела то, что не замети-

ла в порыве радости от встречи: правая нога Николь была в гипсе, а у двери стоял костыль.

– Как? – с изумлением спросила я.

– Не знаю. Но очнулась я с ужасной болью в ноге. Хорошо, что помощь подоспела вовремя.

– А кто тебе помог?

– О, это...

– Вот только не говори, что это длинная история!

– Вообще-то да, – насмешливо произнесла Николь.

– И ты расскажешь мне позже? – вздохнула я.

– Да! Сейчас нужно привести твои волосы в порядок. – Николь замешкалась, глядя на меня, но все равно закончила фразу: – И лицо.

– Николь! – взмолилась я. – Скажи, где мы находимся!

– В доме, который арендовал нам Джеспер.

– Я ничего не понимаю. Ты же спасалась от него бегством.

Что происходит?

Прежде, чем ответить, Николь доковыляла до моей кровати и села на краешек. Я села рядом с ней.

– У нас с ним теперь договор. Если ты доберешься до Края, Владыка потеряет свою силу и власть. А Джеспер после этого хочет командовать Севером, сохраняя мир с Югом. Поэтому он помогает нам.

– А где он? – спросила я, не веря, что такой человек, как Джеспер, может править Севером достойно и уж тем более жить в мире с Югом.

– Уехал по делам и пожелал тебе удачи. А еще оставил много денег, чтобы ты успешно добралась до Края.

Надо же, василиски тоже пожелали мне удачи, а они тоже совсем не на стороне добра. Что ж, кто будет править Севером и Югом после того, как я достигну цели, еще неизвестно. Все может поменяться много раз, но главное дойти до Края.

– А ведь это Джеспер нашел меня в том фургоне, – продолжала Николь, криво улыбнувшись. – Спас меня, как настоящий рыцарь.

– А свадьба?

– О, ее не будет. Он даже не сердился за то, что я убежала. И даже на тебя за то, что заперла Жана в его любимой темной комнате. Теперь они с Жаном в разных командах, хотя Джеспер до сих пор как бы дружен с Владыкой. Не знаю, правильно ли это, но такое предательство мне по душе.

Мое сердце кольнуло невидимой иглой от слов Николь, потому что подумала о предательстве подруги. До сих пор не могла понять Ренату, да и не хотела.

– Просто нужно выбрать правильную сторону, – грустно сказала я.

– О, дорогая моя! Нам все рассказал этот Джек, которого ты отшвырнула далеко-далеко. Твоя Рената сдала тебя им?

– Она больше не моя.

Николь обняла меня порывисто и сменила тему, сказав, что сделает из меня сейчас красавицу. Верилось с трудом. Я лишь слабо улыбнулась этой затее, но тем не менее через

полчаса, благодаря умелым рукам Николь, выглядела вполне сносно.

Медленно мы спустились по замысловатой, с плавными изгибами лестнице и оказались в просторной и светлой гостиной. Мои глаза еще не привыкли к яркому свету, поэтому я поспешила задернуть тяжелые шторы на окнах. Стало темнее, но зато мои глаза перестали болеть.

– Ты как? – осторожно спросил Николас, поднимаясь с темного дивана около камина.

"Где-то я это уже видела", – вспомнилось мне. Тогда он был совсем другим, холодным, отстраненным, а теперь полон теплоты.

– Хорошо, – ответила я, поворачиваясь к Николасу. Он слишком близко подошел ко мне. Хорошо, что теперь в комнате не так светло, и ему не видны мои все еще остававшиеся покрасневшими глаза.

– Потом поворкуете, – шутливым тоном произнесла Николь. – Леоне нужно поесть.

Стол уже был накрыт и полон вкусной и красивой еды. Я старалась не вспоминать клетку и то, чем меня кормили там. Сейчас можно наслаждаться поздним обедом и ни о чем не думать. Но я не могла. Слишком много всего произошло, а впереди ждет еще больше.

– Лео, ешь! Ты так похудела, – с сочувствием сказала Николь, глядя, как я ковыряю вилкой в тарелке. – Как ты собираешься идти на Край дальше?

– Просто собираюсь, – ответила я, рассматривая витражное окно в столовой. – А где Уилл?

– Закупается всем нужным для нашего похода.

– Нашего? – переспросила я Николааса.

– Ну Николь не сможет теперь пойти с ее травмой. Она будет с нашей бабушкой в домике в горах. А я пойду с тобой.

– Нет! – громче, чем следовало, сказала я. – Ты не должен идти со мной. Это опасно.

– Поздновато думать об опасностях, – возразил Николас, глядя мне в глаза.

– Зачем тебе это? – спросила я

– Думаю, ты понимаешь.

– Будет тебя охранять! – вмешалась в разговор Николь. – Это так романтично!

Мне кажется, я даже покраснела, когда поняла, что Николас ничего не возразил сестре, не отшутился в своей любимой манере, а замолчал и продолжил есть молча. Остаток обеда Николь говорила почти без остановки, рассказывая подробности встречи с Джеспером, и как Николас и Уилл выслеживали место, в котором меня держали. Благодаря тому, что рассказал им Джек, тот самый парень, которого бросили мои похитители, Николас и Уилл примерно понимали, где искать, но никак не могли найти. То место, где я находилась, было в окружении Зловещих сосен, и никто из северян туда не совался. Поговаривали, что именно там во время Великой Войны северяне выпускали пленных южан, даря им

мнимую свободу. Но никто не возвращался обратно. Теперь понятно, почему я не слышала Духа Леса там.

После обеда я пошла в сад, завернувшись в небольшой плед, заботливо переданный мне Николасом. Он присоединился ко мне через несколько минут после того, как помог Николь подняться до ее комнаты.

Сад, в котором мы находились, был намного красивее сада Жана. Я любовалась яркими цветами и небольшим каскадным фонтаном. Солнце ушло за тучи, и мои глаза спокойно смотрели на красоту вокруг.

– Ты точно в порядке? – спросил Николас после того, как мы некоторое время молчали, слушая шум текущей воды и пение птиц на деревьях.

– Наверное. Я и сама не знаю.

– Лео, скажи... – Николас замолчал, наверное подбирая правильные слова. – Тебе не причинили никакого вреда?

– Кроме того, что заперли в клетке, как дикое животное? Спасибо, что на цепь не посадили! Ах да, вместо цепи была эта ужасная маска!

Николас нервно провел ладонью по своим волосам и холодно произнес:

– Они понесут наказание. Жан им не простит того, что упустили тебя.

Слезы вдруг покатались из моих глаз и я громко и некрасиво всхлипнула. Ну почему, почему я опять плачу! Это просто текущая вода. Она живая, полная сил... А я уже не та-

кая. Смогу ли стать прежней, зная, что даже близкий человек может предать ради своей эгоистичной мечты?

– Бельчонок, иди сюда, – с нежностью произнес Николас и обнял меня, а я плакала и плакала под шум воды, утыкаясь в его джемпер.

– Когда Жан запер меня первый раз в темной комнате, я тоже плакал, – начал говорить Николас, когда я успокоилась. – Меня никогда не наказывали родители, а он запер там просто из-за какой-то шалости. А когда я узнал, что он приедет в тот дом, где тебя держали, я хотел подкараулить и убить. За родителей. Но это трудно, когда...

– Когда ты добрый и хороший человек? – договорила я за него и чуть отодвинулась, чтобы посмотреть в его голубые глаза.

– Да. Наверное, я трус.

– Нет. Его ждет справедливое наказание, – твердо сказала я, веря в те слова, что слетали с моих губ. – После того, как наш мир изменится, все предатели, мучители и убийцы понесут наказание за то, что они делали.

– Тогда я рад, что пойду с тобой. – Николас улыбнулся мне так, что захотелось сделать то же самое, но я знала причину, по которой не смогу ему ответить тем же.

– Что-то я устала. Пойду полежу, – сказала я и быстро ушла от него в свою комнату.

Там я бросилась на кровать и сжала пальцами покрывало. Нет, Николас, ты не пойдешь со мной. Никто из тех, кто мне

сейчас дорог, не пострадает. Я пойду одна.

Прошло несколько дней. Я отдыхала и набиралась сил, проводя время в чтении, неспешных прогулках по саду и беседах с Уиллом. Николас повез Николь к бабушке и должен был вернуться этой ночью. Николь еще в самом начале передала мне мою сумку с вещами, в которой лежало и мамино свадебное платье, которому я вернула прежний чистый вид. И теперь платье перешло к Николь на хранение, потому что на Край нужно было взять лишь самое необходимое и не тяжелое. Уилл позаботился обо всех вещах, которые нам были необходимы. Все эти дни он тщательно собирал наши рюкзаки, не зная, что понадобится мне лишь один.

Мой план был простым. Я не могла доехать до Ледяного леса, через который нужно было пробраться к Северным горам, без помощи Уилла и Николаса, потому что на машине это было намного быстрее. Но дальше я собиралась идти без них. В первый вечер, когда мы разобьем палатку, я уйду от них, пока они будут спать. Конечно, без палатки мне придется тяжело, но я надеялась на надежность спального мешка. Кроме того, в горах наверняка должны были быть какие-нибудь пещеры, в которых можно было бы скрыться от непогоды. Перебравшись через горы, я окажусь совсем близко к Краю. А там... Я совсем не знала, что меня ждет. Я даже спрашивала Уилла, но и он не знал точного ответа. Иди туда, зная куда, но не совсем понимая, а что дальше? Приходилось полагаться на то, что Духи Леса мне помогут.

– Уилл, ты доверяешь Джесперу? – спросила я, сидя на скамейке в саду.

Лето на Севере подходило к концу, и чувствовалось, как становится заметно холоднее даже днем. Солнце больше не грело, и я закуталась в мягкий плед по самый подбородок. Уилл тренировался в готовке на газовой горелке, которая, как он думал, должна была нам послужить в походе.

– Ему никто не доверяет, – ответил Уилл. – Николас даже не рассказал ему о том, куда на самом деле везет Николь.

– Это правильно. Я не верю, что он помогает от чистого сердца.

– Да. Но именно благодаря ему у нас есть все для того, чтобы продолжать наш путь. Было бы странно отказаться от этого.

– Точно, – сказала я, вынимая руку из пледа, чтобы убрать волосы с лица.

– Чем дальше на Север, тем больше существ нам встретиться, – со вздохом произнес Уилл. – Василиски – это только начало.

– Может, удастся договориться и с ними? – предположила я и спросила то, что меня давно интересовало: – А драконы там есть?

– Наверное. Когда мы начали развиваться, создавать все эти районы, многие существа ушли подальше от людей: в леса, горы и на Край. На Крайний Север, как ты сама понимаешь, очень мало, кто хотел бы идти. А экспедиции, ко-

которые мы создавали, чтобы понять, что там творится, были безуспешными. Возвращались всего несколько человек, да и то тронувшиеся умом.

– И что они говорили?

– Я не знаю. Им не давали говорить. Просто смеялись над ними. После двух или трех безуспешных попыток Владыка запретил путешествовать на Край.

– Это интересно... А где сейчас эти люди, которые вернулись из экспедиций?

– Не знаю, – пожал плечами Уилл, вернувшись к своему основному занятию.

– Уилл, а почему ты работал водителем у Жана? Я думала, что все северяне богаты и не выбирают себе такие профессии.

– Ты ошибаешься. Чем дальше вглубь Севера, тем беднее жители. Не так, как у вас, конечно. Но в сравнении с тем местом, где ты работала, намного проще. Я как раз из глубинки. Мы заедем по пути к моей семье. Сама увидишь.

Неожиданно было услышать такое про северян, потому что нам на Юге постоянно твердили, что у наших врагов есть все, чего нет у нас. Как же так? Оказывается, северяне не все богачи. Значит, те официантам из ресторана в замке тоже приходится зарабатывать себе на хлеб. А я наивно полагала, что они просто ничем другим больше не хотели заниматься.

– Моя мама чудесно готовит вишневый пирог, – продолжал Уилл. Если он начинал о чем-то вспоминать, то мог дол-

го говорить об этом. – Тебе понравится. А еще...

– Может, не надо? – перебила я его. – Все, с кем мы пере-секаемся, так или иначе страдают.

– Мы же ненадолго, – возразил мне Уилл. – Не думаю, что встреча повредит моим родным.

Еще немного выслушав Уилла, который рассказывал ве-сельные истории из своего детства, и окончательно замерзнув, я вернулась в свою комнату. Скоро все изменится. Придет-ся терпеть лишения, встретиться с настоящим холодом и се-верными ветрами. А здесь, в этом теплом доме, все это ка-залось таким далеким и иллюзорным. Ведь это и есть мое последнее пристанище перед тем, как отправиться на Край. Здесь я запасалась силами идти дальше. А что там дальше, понятно и так: опасности, много опасностей, о которых сей-час не стоило бы и думать.

Мой взгляд переместился на сумку, в которой почти ни-чего не осталось из тех вещей, что я брала с собой на Юге. Хотя... Я вдруг вспомнила про одну вещь, которую нико-гда не хотела бы больше видеть. Тем солнечным утром перед купанием в реке я оставила заколку, подаренную Ренатой, в своей сумке, боясь намочить ее и испортить. Лучшая подру-га меня предала, а я переживала за сохранность ее подарка...

Я достала заколку из сумки и повертела ее в руке. Кра-сивая... И напоминает о дружбе, которая разрушилась из-за чьей-то эгоистичной мечты. И ведь я тоже мечтала... совсем не о том, что происходит со мной сейчас. Неужели я могла

бы предать кого-то из близких и друзей, лишь бы вернуть себе надежду на то, что будет все, как я себе надумала? Нет, я была уверена, что никогда не смогу сделать такое.

В дверь громко и решительно постучали. Неужели Николас вернулся раньше, чем должен был? С заколкой в руке я подбежала к двери и распахнула ее. Передо мной действительно стоял Николас и улыбался.

– Решила меня заколоть? – поинтересовался он, глядя на заколку.

– Нет... Просто разбирала сумку, – ответила я, любуясь его взлохмаченной прической и теплотой взгляда голубых глаз.

Я стояла и смотрела на Николаса, как будто впервые видела его. Он стал совсем другим и таким мне очень нравился. Как жаль, что та поляна с нашим поцелуем оказалась для него лишь игрой воображения. Если бы...

Я не успела дорассуждать, потому что очутилась в объятиях Николаса, и его теплые губы прижались к моим. Заколка со стуком упала к нашим ногам, но мне было совсем не до нее. И не до спасения мира. Сейчас в этой комнате были только мы, и ни о чем другом я не хотела и думать.

– Я скучал, – сказал Николас после того, как наши губы разомкнулись.

– Я тоже.

Это было правдой. Не произнести вслух такие слова нельзя, потому что долго хранить их внутри себя невозможно.

Об этом хочется говорить и кричать. Но сомнения все равно назойливо досаждали меня даже сейчас.

– Я думала тот поцелуй на поляне был под влиянием...

Николас приложил палец к моим губам, не дав досказать. Он покачал головой и посмотрел на меня с грустной улыбкой.

– То утро, когда тебя похитили, – мрачно произнес Николай, проводя рукой по моей руке. – Я думал, что больше никогда тебя не увижу. Понимаешь? Ты могла быть мертва. И то, что произошло на поляне, так и не повторилось бы. Но ты здесь...

"Это ненадолго", – невесело подумала, но сказала совсем другое:

– Я тебя не узнаю! Где тот надменный, напыщенный индюк, который издевался над бедной южанкой?

– Может, его и не было? Может, это была всего лишь маска, потому что я боялся того, что чувствую к тебе?

– А что ты чувствуешь? – спросила я и замерла, боясь услышать ответ, который мне не понравится.

– Меня тянет к тебе, ты мне нравишься. – Николай чуть улыбнулся и добавил: – На той поляне все было по-настоящему.

Он склонился ко мне и поцеловал вновь, с той нежностью, на которую, мне казалось когда-то, он не был способен. "Так вот, как это бывает, когда загорается твой светлячок и танцует вместе с тем, с кем хотел бы танцевать всегда", – подумала

я, чувствуя непонятный трепет внутри. Наверное, это еще не любовь... Но сейчас я вся была как бы соткана из нитей счастья. Мне казалось, моя душа засветилась, как самая яркая звезда. Время для меня остановилось, я словно выпала из окружающего мира. Мне хотелось, чтобы этот день не заканчивался. Вдруг появилось что-то очень важное для меня... осознание моего сердца! Не искать ничего другого в Николасе, кроме него самого. Я подумала, может быть, именно так и происходит рождение любви...

В этом доме рядом с Николасом было так спокойно, что я не собиралась разрушать эту идиллию мыслями о том, что завтра нужно отправляться снова в путь. Пусть будет здесь и сейчас. И только это важно на данный момент.

Мы проговорили полночи, рассказывая друг другу все самое заветное и тайное. Я поплакала на плече Николаса, говоря о предательстве Ренаты. Затем мы, взявшись за руки, вышли из дома, чтобы попрощаться с дружбой, которая разрушилась навсегда.

При свете луны мы прошли вглубь сада. Около склоненного к земле цветка, закрывшего свои лепестки с приходом ночи, я глубоко вонзила заколку во влажную от холодной ночной росы землю.

Слез больше не было, только внутри меня по-прежнему ощущалась горечь обиды на подругу. Я никогда не пойму причины такого ужасного поступка и простить тоже не смогу. Только лишь надеюсь, что Рената поймет сама, как непра-

вильно поступила, и что из-за этого могло произойти. Предателей никто не любит. Теперь и северяне из ее компании, наверняка, настороженно относились к той, которая может перевернуться на любую сторону. Но это уже ее проблемы и ее жизнь.

Как ни странно, мне помог этот ритуал, потому что обида постепенно превращалась в принятие того, что все люди разные. Даже те, кому ты доверял больше, чем самому себе, могут солгать, оклеветать или отречься, тем самым нанеся глубокую рану, которая еще не скоро заживет. Но все-таки не все могут стать предателями, далеко не все...

– Боишься? – спросил Николас, провожая меня до спальни.

– Да, – честно ответила я. Прятаться за показной храбростью было неправильно.

– Я буду с тобой. Уилл будет с тобой. Вместе нам горы по плечу, – шутливо произнес Николас, хотя мы оба знали, что впереди много трудностей.

– Спасибо.

Он поцеловал меня на ночь в лоб так целомудренно и сдержанно, что мне показалось, Николас догадался о моих планах уйти одной. Но нет, такого не могло быть. Просто он устал от долгой поездки, а впереди еще одна, намного труднее.

С тяжелым сердцем я закрыла дверь и прислонилась к ней. Кто бы знал, как мне хотелось пройти с Николасом весь мой

путь. Но разве я могу рисковать жизнью того, кто мне дорог? У меня нет права распоряжаться жизнями других людей. Это только моя дорога, по которой я должна пройти до конца через все преграды и напасти. А если не удастся... И все же я пыталась. Зато моя совесть будет почти чиста, зная, что погибну одна и больше не подведу никого к краю, с которого можно упасть.

Глава 17

Чем дальше мы ехали, тем все отчетливее становилось ясно, что мы движемся вглубь Севера. Все меньше становилось деревьев с пышной листвой и цветов в садах. Все мрачнее были люди, встречающиеся нам на пути. Дома уже не казались такими шикарными и богатыми, но все равно они выглядели добротными и основательными.

По утрам расстилался густой серый туман, в котором ничего нельзя было разглядеть. В такие моменты мы останавливали машину и ждали, когда он рассеется, и мы увидим мягкий утренний свет. Спали прямо в машине, от чего ноги затекали, а спина болела. Но Николасу и Уиллу было тяжелее, чем мне, потому что они сменяли друг друга за рулем, чтобы не терять драгоценное время. Наша машина, черная, не привлекающая внимания, ехала бесшумно и быстро по дороге, которой казалось не было конца.

Постепенно я привыкла к такому распорядку, потому что в поездке на машине, которая ехала почти без остановок, была своя прелесть. Когда Уилл находился за рулем, Николас

садилась ко мне на заднее сидение, и я могла положить голову ему на плечо, или наоборот, он засыпал, кладя голову мне на колени. И от этой близости мне становилось тепло и уютно.

С той самой ночи в доме между нами не случилось больше ни одного поцелуя. Странно это было делать при Уилле, хотя тот сразу догадался о наших чувствах друг к другу. Николас, сидя рядом со мной, брал мою ладонь в свою, и от этого мое сердце трепетало от волнения. Я наслаждалась этими моментами, запоминая их и вбирая в себя те эмоции, которые они дарили. Скоро я буду совсем одна, и мне необходимо будет помнить о том, что мне непременно нужно вернуться к Николасу. Потому что когда я вернусь, все вокруг будет другим. И именно в таком мире я хотела бы кричать о своей любви, как и обещала когда-то.

Мы ехали уже четыре дня, когда Уилл, сидящий за рулем, свернул с трассы в сторону. Впереди виднелись черепичные крыши домов с торчащими из них трубами. В закатных красках было видно, как из некоторых труб клубился сизый дым. Я оглянулась, чтобы посмотреть на Николаса. Он спал на заднем сидении, подогнув свои длинные ноги. Чтобы ему было комфортно лежать, я и пересела на переднее сидение.

– Мой район. Хочу увидеть родителей и сестру, – пояснил Уилл голосом, в котором чувствовалась теплота.

– А как он называется? – спросила я, разглядывая растущие рядом с домами сосны и кедры.

– Сосновый бор.

– Мы уже приехали? – сонно поинтересовался Николас.

– Почти. Мы заедем к моей семье, – ответил Уилл, оставив машину около большого кирпичного дома. – Может, мы и переночуем здесь, а утром отправимся дальше...

– Прекрасная идея! – воскликнул Николас, потягиваясь. – Хоть поспим, как люди.

– Уилл, ты уверен? – спросила я, вспоминая наш разговор в саду. А вдруг его родные могут пострадать из-за меня?

– Конечно! Мы уже так далеко забрались, и ничего с нами не случилось...

Мы вышли из машины и прошли до калитки. В саду, под высоким кедром играла девочка лет семи.

– Дорри! – крикнул Уилл, а та от неожиданности выронила куклу из рук.

– Уилл!

Девочка кинулась в объятия своего брата, а тот закружился с ней, радостно смеясь. Нет ничего приятнее смотреть на семью, которая воссоединяется через долгое время. Хотелось бы и мне когда-нибудь увидеть свою вновь. Николас, как будто почувствовав мои грустные мысли подошел сзади и обнял за плечи. Только бы я смогла сбересть то, что начало происходить между нами.

Через несколько минут мы очутились в уютном доме, познакомились с родителями Уилла, душевными и отзывчивыми людьми. Его мама, взгляд которой так напоминал мою

маму, все время подходила к нему и обнимала. А отец, передвигающийся с тростью после несчастного случая, сидел в кресле, и глаза его были влажными от еле сдерживаемых слез. Они все скучали по Уиллу, и даже не спрашивали, почему их сын уехал так далеко от того места, где работал. Простые люди, они приняли фразу Николаса о том, что Уилл берет нас в свадебное путешествие в горы, за правду.

Мама Уилла накормила нас горячим ужином и понимая, что мы очень устали после долгой дороги, проводила в комнаты. Каково же было мое удивление, когда мне с Николасом выделили одну спальню!

– Проходи, дорогая, – сказал Николас, пытаюсь выглядеть серьезным, но это плохо у него выходило.

– Спокойной ночи, молодожены! – насмешливо произнес Уилл, проходя мимо нас в свою комнату.

– И тебе того же, – отозвалась я, уставившись на огромную двуспальная кровать.

Николас, как ни в чем не бывало, поставил наши рюкзаки на тумбочку и принялся что-то искать в своем.

– Нельзя было придумать что-то другое, не про молодоженов? – тихо спросила я, все еще стоя около двери, как будто хотела уйти куда-нибудь подальше.

– Неа, – отозвался Николас. Он явно был доволен сложившейся ситуацией. – Я в душ. Ну чего ты, бельчонок, приуныла? Если хочешь, я посплю на полу.

Вот этого я и хотела, конечно! Но он и так столько време-

ни спал не пойми как. А на полу жестко и холодно...

– Кровать большая. Поместимся вдвоем, – не слишком решительно сказала я, провожая взглядом Николаса.

Чего так волноваться? Это всего лишь кровать... Палатка тоже у нас будет общая, пока я не покину своих друзей. Вообще-то, иногда моя уверенность в том, что я отправлюсь дальше одна, уменьшалась. На ее место приходили страхи. Я боялась разных существ, обитавших в тех местах; холода; голода; в конце концов, сбиться с пути и потеряться. Но больше всего я боялась одиночества. Привыкнув к иронии Николаса, к длинным монологам Уилла, которые скрашивали наше путешествие, я не могла понять, как обойтись дальше без этого. Но потом я представляла, что они погибают из-за меня, из-за моего малодушия, и решимость идти вместе с ними улетучивалась.

Николас вернулся через минут десять, чистый и довольный. После того, как мы умудрялись чистить зубы и умываться не пойми где, обычный душ окрылял. С большим удовольствием я подставила лицо под теплые струи воды. Хотелось так и стоять здесь, слушая шум воды, не думая о скором времени, в котором я буду идти совершенно одна и надеяться только на себя.

Переодевшись в чистую одежду, я вернулась в спальню. Николас уже спал, лежа на самом краю кровати. Еще чуть-чуть и он мог вполне оказаться на полу, как он и предлагал. Аккуратно, чтобы не потревожить его сон, я легла на другой

стороне кровати. Между нами вполне могли уместиться еще пара человек. Немного смешно было вспоминать себя прежнюю, ненавидящую северян, считавшую Николаса напыщенным индюком. Я улыбалась, вспоминая моменты, когда мы пререкались, и сама не заметила, как заснула.

Пробудилась я от непонятного шума: кто-то говорил рядом со мной. В темноте, забыв где я нахожусь, не сразу сообразила, что это Николай. Похоже, ему снился кошмар. Слов разобрать я не могла, было очевидно, что мне необходимо разбудить Николаса. Я перелезла через всю кровать и потрясла его за плечо.

– Николай, проснись!

Он вздрогнул и часто задышал, как будто ему не хватало воздуха.

– Что? – хрипло спросил Николай, тоже, видимо, поначалу не понимая, где он находится.

– Тебе снился кошмар.

Я включила настольную лампу. На лице Николаса все еще виднелась тревога, но постепенно она растворялась в мягком свете.

– И ты спасла меня...

– Да нет, просто разбудила.

– Жена, я пытаюсь быть романтичным.

– Разве нам сейчас до романтики? – тяжело вздохнула я.

– Ты слишком много на себя берешь, – произнес Николай, убирая непослушный локон с моего лица. – Может, хотя бы

сегодня ты побудешь просто красивой девушкой, которой не нужно думать о спасении мира?

– Да, но...

Я не успела договорить, потому что Николас привлек меня к себе и поцеловал. Я должна была стать обычной восемнадцатилетней девушкой, познающей радости первой любви, но уже не могла... Слишком близко до цели, слишком опасно переставать думать, когда на кону столько жизней...

– Но ты не можешь, – с грустью сказал Николас, оторвавшись от моих губ и поцеловав меня в кончик носа.

– Не могу, – подтвердила я.

Я лежала в объятиях Николаса и слушала, как громко бьется его сердце.

– Что тебе снилось? – спросила я через какое-то время.

– Жан, – ответил Николас с ненавистью в голосе. – Даже во сне я не мог причинить ему вреда. А он смеялся мне в лицо.

– Когда-нибудь и он понесет наказание...

– Лео, вот только не надо! – Николас резко сел на кровати и его длинная челка закрыла пол лица. – Такое бывает только в сказках, когда злодеев настигает кара за их дела. В жизни они живут долго и счастливо и продолжая творить зло вокруг.

Я села вслед за Николасом, желая возразить услышанному, но он, откинув челку назад, тут же продолжил:

– Я жил с Жаном под одной крышей столько лет и не знал,

что живу с убийцей своих родителей! Да если бы я не сбежал с Николь, поддался трусости, то так и продолжал бы сидеть за одним столом рядом с тем, кто лишил меня родителей! И единственное, что я сейчас могу сделать, так это помочь тебе достичь Края... А что дальше? Ты знаешь, что будет дальше, и зачем тебе его достигать?

– Там будет видно, – пожала я плечами. – Главное добраться.

– Но ты и правда веришь, что все изменится? Что после этого мы сможем жить в мире и согласии?

– Возможно.

– Ладно. Если я верю тебе, значит, поверю и в то, что ты говоришь. А о чем твои кошмары?

– Мои?

Я замаялась, не зная, что ответить. Они мне не снились с того самого момента, как я отправилась в путь на Край. Даже странно, что когда-то они были почти частью меня.

– В моих снах я оказываюсь на Краю, но не на Севере, а на Юге. Там теперь мой папа... И он никогда не успевает спасти от чудовищ, нападающих на меня.

– Мне жаль, – печально произнес Николас, обнимая меня. – Надеюсь, с ним все в порядке.

– И я очень надеюсь.

Нашу беседу нарушили тихие, но настойчивые звуки за дверью, как будто кто-то царапал по дереву. Так я и знала, что ночевать в этом доме было плохой идеей! Кто-то пытался

пробраться к нам в комнату посреди ночи... Хорошо, что мы уже не спали в этот момент.

– Кто это? – испуганно прошептала я.

– Сейчас проверим. Достань на всякий случай свой пистолет.

Николас вытащил из-под своей подушки оружие и засунул под одеяло, чтобы неслышно снять предохранитель. Но вышло это все равно громче, чем хотелось бы. Теперь тот, кто находился за дверью, точно знал, что мы не спим. Я тоже протянула руку к своему пистолету, который лежал на тумбочке. Уилл не зря потратил время на то, чтобы обучить меня обращаться с оружием, пока мы ждали возвращения Николаса. Больше надеясь на то, что мне удастся отбросить взглядом всех, кто хотел причинить мне вред, я подошла вслед за Николасом к двери. Образовалась абсолютная тишина. Тот, кто стоял за дверью тоже перестал издавать непонятные звуки. Николас взялся за ключ и быстро повернул его в нужную сторону. Еще мгновение – и дверь распахнулась, а за ней, к нашему огромному удивлению, никого не оказалось. В недоумении мы переглянулись и хотели уже пройти чуть дальше, когда пронзительное "мяу" огласило ночную тишину. Я подскочила на месте. На пороге сидел большой рыжий кот, хвост которого ходил из стороны в сторону.

– Это кот, – с облегчением сказал Николас и громко выдохнул.

– Эй, кис кис. – Я присела на корточки, чтобы погладить

это рыжее чудо, но кот гордой походкой прошел мимо меня к кровати и прыгнул на нее.

– Похоже, он намекает, что нам надо поспать, – насмешливо произнес Николас, закрывая дверь на замок.

Кот принялся умываться, даже не догадываясь о том, как сильно перепугал нас. Я уже направлялась к своей стороне кровати, как рука Николаса поймала мою.

– Постой. Можешь исполнить одну просьбу? – тихо спросил он с волнением в голосе.

– Какую?

– Спой мне какую-нибудь песню. Моя мама часто пела колыбельные на ночь, чтобы отогнать плохие сны.

– Хорошо... – чуть улыбнулась я, не ожидая такую просьбу от того, кто до этой ночи выглядел уверенным и непоколебимым. – Сейчас вспомню что-нибудь.

Да какую же песню ему спеть, если в голове крутятся однотипные песни Юга? Не про рыбака же он хочет услышать! Николас лег, а я присела на краешек кровати рядом с ним. Погладив кота, который замурчал от удовольствия и растянулся рядом с нами, я вдруг начала петь песню. Слова сами собой стали выстраиваться в нужном порядке, а мотив, непонятно откуда взявшийся, зазвучал в моей голове совершенно произвольно:

Лед в моих руках плавился.

А ты, как кот, ластился.

Ты с моей бедой справился,

От сомнений прошлых избавился.

Лед в твоих руках пламенел,

А огонь гореть не посмел.

Потерял ты все, что имел,

Но нашел все то, что хотел.

И сгорая должен стать черным лед,

Ну а вышло все наоборот.

Лед, сгорая, превратился в огонь.

Не посмевающий обжигать мне ладонь.

– Красивая песня. Откуда ты ее знаешь?

– Понятия не имею, – растерянно произнесла я.

– Полежи рядом со мной, – попросил Николас. Я прилегла рядом с ним, думая, что вскоре вернусь на свою сторону кровати.

– Лео, – сонно произнес Николас, утыкаясь лицом в мои волосы. – Мне кажется, я люблю тебя.

– Что? – прошептала я, пытаясь осознать, что он только что сказал.

Ответом мне была тишина. Николас уже спал, так и не ответив на мой вопрос. Но все главное, пожалуй, уже было сказано. Через мгновение я тоже провалилась в сон с улыбкой на губах.

Проснулась я не слишком рано. Внизу уже завтракали, судя по вкусным запахам, проникающим в комнату. Кот уже сидел у двери и ждал, когда его выпустят, что я и сделала, как только дошла до него. Николас тоже проснулся и потя-

гивался в кровати.

– Когда-нибудь мы точно так же проснемся в одной постели, но ехать уже никуда не придется, – сказал он, нехотя поднимаясь. – И ты действительно будешь моей женой.

– Это предложение руки и сердца?

– Пока что нет. Я романтичен, а сейчас, как ты и сказала, нет времени ни на какую романтику.

Внутри все затрепетало, а потом опустилось камнем на мое сердце. Как прекрасно звучат мечты влюбленных, но кто позволит им сбыться, если суждено совсем другое?

Мы позавтракали в чудесном доме семьи Уилла и засобирались в путь. Маленькая Дорри обняла Николаса и с детской непосредственностью сказала на прощание:

– Бросай свою жену и приезжай ко мне. Ты мне очень понравился. Ты красавчик.

На что Николас, хитро прищурившись на меня, что-то тихо зашептал сестре Уилла на ушко. Только в машине, сидя рядом с Николасом на заднем сидении, я спросила, что он говорил Дорри. Николас точно так же наклонился ко мне и прошептал в ухо:

– Сказал, что, когда придет время, она встретит такого же красавчика, как я, и полюбит его всей душой. А я уже слишком стар для нее, поэтому остаюсь с женой.

– Это так мило...

– Да, но такого же красивого, как я, она конечно же не встретит! – не мог не добавить Николас.

– Это точно! – подтвердила я с иронией в голосе, и тут же засмеялась от того, что Николас начал щекотать меня.

Некоторое время мы обменивались шутками, но потом успокоились и просто смотрели в окно. Моросил небольшой дождь, и от этого все казалось серым и унылым. Хорошо, что рядом есть тот, кто меня веселил. Жаль, что уже ненадолго.

К вечеру мы добрались до Ледяного леса. Николас, который сменил Уилла за рулем, припарковал машину у небольшого оврага. Скрытая за высокими кустами, она не привлекала внимания, если специально не приглядываться к этому месту. Вокруг было пусто и безлюдно. Последний район мы проехали около двух часов назад, тогда же мы видели последних людей. Озноб пробежал по моей спине. Я вдруг поняла, что вскоре придется покинуть Николаса и Уилла.

С тяжелыми рюкзаками за спиной мы зашли в серый густой лес. Под ногами был синий мох, оказавшийся очень скользким. Приходилось идти медленно и то и дело хвататься за ближайшие деревья, чтобы ненароком не поскользнуться. Высокие заросли папоротника, осока и колючие кустарники, встречающиеся нам на пути, выглядели неприветливо. Да, это был совсем не мой любимый Лес, который радовал своим дружелюбным многоцветием.

Шли мы до самой темноты. Возможно, могли продвинуться и дальше, но полил сильный дождь, и мы решили остановиться рядом с высокими елями. Где-то далеко были волки, и от этого становилось не по себе. Когда палатка была собра-

на, мы все забрались внутрь. Дождевики, накинутые на нас, помогли не промокнуть до нитки, но не защищали от холодного и пронизывающего ветра. Николас взял мои замерзшие ладони в свои, и этот его жест растрогал меня сильнее, чем мне хотелось бы. Я приложила все свои усилия, чтобы не расплакаться.

Мы перекусили вяленным мясом и хлебцами, потому что приготовить в такую погоду что-то горячее вряд ли получилось бы. Уилл предался воспоминаниям о своих походах с отцом, а я впервые его совсем не слушала. Просто сидела и запоминала его горящие от увлеченного рассказа глаза, точечный профиль Николаса и его теплые руки. Мне не хотелось никуда уходить, но я знала, что другого варианта не было.

– Николас, может ты сыграешь нам на флейте, – предложила я, думая о том, что скоро все мы должны лечь спать, а уснут только двое, потому что мне нужно уходить.

Он как-то странно посмотрел на меня, с удивлением и как будто с испугом, но кивнул и достал флейту из своего рюкзака. Палатка наполнилась меланхоличной мелодией, полной грусти и нежности. Через несколько минут мы уже слышали что-то быстрое, огненное и стремящееся к небесам, а под конец мелодия превратилась в льющуюся лунным светом светлую печаль, но в ней чувствовалась теплящаяся надежда. Это было так прекрасно, что слезы появились в моих глазах. Почему-то мне показалось, что эта музыка показывала мой

путь, такой нелегкий, временами наполненный грустью, временами стремящийся вперед, не смотря на препятствия. И все-таки мелодия заканчивается на счастливой ноте... Будет ли так на самом деле, или музыка просто так растворилась в ночи?

– Где ты научился так играть на флейте? – спросила я Николаса чуть позже, находясь в его теплых объятиях.

В нашей большой палатке были две отдельные спальни и одна общая комната, в которой мы ужинали. И уже никому не казалось странным, что одну спальню заняли мы с Николасом.

– Меня бабушка научила. Николь не захотела учиться играть, как она сказала, на древнем и немодном инструменте, а я из принципа захотел.

– Я рада, что ты оказался таким принципиальным, – с улыбкой произнесла я и добавила: – У тебя так хорошо получается. А как называлась та мелодия, что ты играл сейчас?

– "Всполохи огня". Она очень древняя. Ее создатель был южанином.

– И все-таки мы можем сотворить великое!

– Я и не говорил, что не можете. Ты сейчас тоже творишь великое.

Николас дотронулся губами до моего лба, подтверждая сказанное им. Но сегодня, перед расставанием, о котором знала только я, мне хотелось другого. Я поцеловала его сама в губы, вбирая всю сладость ощущений, которые толь-

ко могут быть между двумя влюбленными. Поцелуй длился нескончаемо долго, но все же он не мог быть вечным.

Николас заснул, а я слушала его ровное дыхание и долго не могла собраться, чтобы уйти. Наконец я тихо встала и, надеясь, что Уилл тоже спит, забрала свой рюкзак и осторожно выбралась из палатки. Вокруг было темно, а дождь все шел и шел, позволяя мне неслышно уходить прочь от тех, кого я боялась потерять.

Глава 18

Всю ночь я пробиралась через лес. Обессиленная, но испытывавшая радость хотя бы от того, что не забыла надеть дождевик, я еле передвигала ноги, но все равно упорно шла вперед. Больше всего меня сейчас беспокоила мысль, что Николас обнаружит мое отсутствие раньше наступления утра. Но я все-таки надеялась, что его сон глубокий и крепкий, особенно под шум дождя.

Не заметив выступающий корень, я споткнулась о него и упала, больно ударившись коленкой. Видимо, пришло время найти место для того, чтобы поспать несколько часов, иначе от усталости я буду падать на каждом шагу. Скоро должен был наступить рассвет, но из-за туч солнца видно не будет. Я посветила фонариком вокруг, но никакого укрытия не было, а устраиваться на земле я не хотела. Без палатки мне казалось, что это слишком опасно, тем более Ледяной лес являлся местом обитания многих необычных существ. Вспомнив о них, я испуганно посветила фонариком опять, но только

сова, потревоженная моим присутствием, прошумела крыльями надо мной и скрылась в темноте.

Заприметив крепкое на первый взгляд дерево, я взобралась по кряжистому стволу не слишком высоко, но и не слишком низко, чтобы никакие твари не могли достать меня с земли. Привязав веревкой рюкзак, а потом и себя к толстой ветке, я успокоилась. Конечно, было неудобно и жестко, зато никто не мог добраться до меня. Мысленно произнеся молитву, которую с некоторых пор тихим шепотом проговариваю каждую ночь, я тут же забылась усталым сном.

Не знаю, сколько я так спала, но меня разбудил треск веток где-то рядом со мной. Испугавшись, я дернулась, но забыла, что привязана. Темнота почти рассеялась, освободив место густому, низкому туману, стелющимся серым ковром внизу. Но наверху, там, где я полулежала на ветке, все было видно намного четче. И то, что я увидела, мне совсем не понравилось.

В ужасе я уставилась на страшное существо, сидящее рядом со мной на ветке. Оно походило на огромную летучую мышь с перепончатыми лапами, но голова его была то ли волчьей, то ли лисьей. Кажется, я читала о таком существе в книге, но из-за того, что оно было так близко, и от оцепенения, охватившего меня с ног до головы, я не могла вспомнить, как оно называется. А оно просто, казалось, изучало меня, глядя своими темными глазами, и не издавало ни единого звука.

Я впала в оцепенение, видя этот мой утренний кошмар. Конечно, можно было ожидать, что это существо нападет на меня, поэтому моя рука, я надеялась, что незаметно, тянулась к карману рюкзака, где лежал мой пистолет. Но эта огромная летучая мышь, издав какой-то странный булькающий звук, вдруг оттолкнулась от ветки и улетела прочь.

Я испуганно осмотрелась, но больше никого рядом с собой не обнаружила. Да, отличная идея была поспать на дереве и решить, что никто не доберется до меня... Я как-то не подумала про тех, у кого есть крылья. Нервно хмыкнув про себя, я достала пистолет из рюкзака и положила в карман своей куртки. Так было намного надежнее.

Спускаться в густой туман, в котором ничего не было видно, мне не хотелось, поэтому, собрав остатки своей храбрости, я осталась сидеть на дереве, пока туманная дымка не рассеялась. И все-таки, несмотря на утренние переживания, я чувствовала, что мои силы восстановились.

Спрыгнув на землю, я спугнула какого-то маленького зверька, отдыхающего у соседнего дерева. Он быстро ускакал в ближайšie кусты. Я уже ничему не удивлялась. Подумаешь, похож на зайца, но с рогами на голове... После огромной летучей мыши, которая не совсем походила на себя, можно было легко представить себе, что за существа тут жили... Но не хотелось. Слишком страшно идти одной и чувствовать взгляды загадочных существ, прятавшихся за деревьями и кустами. И все равно, преодолевая свой страх, я дви-

галась дальше.

Я шла целый день, останавливаясь лишь на короткий отдых и перекус. Сказывался плен в клетке, так непросто мне было двигаться вперед. Спина ныла от непривычно тяжелого рюкзака, ноги деревенели от каждого сделанного шага, но я упрямо шла дальше, преодолевая боль.

Постепенно начало темнеть, а я так и не поняла, где мне остановиться на ночлег. Лезть на дерево мне больше не хотелось, хотя недавно это мне казалось самой благоразумной идеей. Но сталкиваться с непонятными летающими особями больше не хотелось. А если заночевать внизу... неизвестно, сколько еще тварей могут оказаться рядом со мной, пока я сплю. Оставался вариант вообще не спать, а идти всю ночь, но мои гудящие ноги были против него.

К вечеру похолодало настолько, что от моего учащенного дыхания шел пар, и мне пришлось утеплиться еще больше. Одежда прибавила тепла, но не прибавила сил, и, сделав несколько шагов, я поняла, что идти дальше просто не могу. Слишком нелегко дались пройденные за сегодня километры.

– Где же мне заночевать? – впервые за день я произнесла хоть какие-то слова вслух, устав от молчания. – Может, у этого дерева или у того? Так трудно решить...

Сказала и тут же испугалась, а вдруг кто-нибудь ответит... Откуда мне знать, какие существа тут вообще водятся. В книгах о Севере про Ледяной лес почти не было никакой информации, только про огромные ели и заросли папоротни-

ков, которые больше нигде не росли, да про густые туманы. Ну, это все я уже и так увидела вживую.

Хорошо, что у меня в рюкзаке приличные запасы еды, потому что здесь ничего ягодно-грибного не росло. А вот вода заканчивается, поэтому завтра мне необходимо побыстрее добраться до источника с водой. К одному из них я сегодня не пришла, помня, что именно у него Уилл планировал пополнить запасы воды. На всякий случай я решила, что лучше туда не ходить, тем более мне пришлось бы сделать небольшой крюк, отклоняясь от пути. Но все это завтра. А сейчас так хочется поесть и отдохнуть...

Я достала из рюкзака бутылку воды и два ореховых батончика. Если бы я так сильно не устала, я бы разожгла костер, но в буквальном смысле не могла пошевелить ни одним пальцем. Медленно расправляясь со своим нехитрым ужином, я прикидывала, какое место мне выбрать для ночлега. И все-таки безопаснее на дереве, чем на земле. Вновь забралась я на, кажущееся надежным, дерево с толстыми ветками и привязала себя, чтобы не упасть во сне. Из-за холода пришлось достать спальный мешок, который отлично послужил мне одеялом, а под голову я положила запасную кофту. Вот теперь мне было очень даже удобно, и я моментально заснула, забыв про все свои страхи.

Проснулась я оттого, что мягкие утренние лучи попадали прямо мне в глаза. Только я могла выбрать место на дереве, где все мое тело находилось в тени, кроме лица. По-

терев глаза и освобождаясь от оков сна, я развязала веревку, чтобы потянуться. Я посмотрела чуть дальше, чем следует, и от испуга чуть не свалилась с дерева. В каких-то двух метрах от меня сидела огромная летучая мышь все с тем же немигающим взглядом темных глаз. Такая же, что и в прошлое утро. Хотя это непонятное существо выглядело поистине устрашающим, я каким-то образом поняла, что оно совсем не опасно для меня. В конце концов, если бы эта тварь хотела напасть, то уже сделала бы это. Как будто подтверждая мои умозаключения, существо издало знакомый булькающий звук и улетело прочь. Видимо, оно так прощалось, но уточнить было не у кого, да и не хотелось.

Идти в солнечном свете было намного радостнее, чем без него. Незнакомые мне птицы щебетали на своем птичьем языке, а на ветках серебрились паутинки. Судя по карте, которую я незаметно вытащила из рюкзака Уилла перед тем, как уйти, моим источником воды должно было стать озеро, находящееся в нескольких километрах от меня. Сегодня мне шло намного легче, поэтому я быстро преодолела оставшееся расстояние, и синева озерной воды стала мне наградой за проделанный путь.

Озеро было огромным, и мой путь должен был пролегать вдоль его песчаного берега. Но вначале мне необходимо было запастись водой. С помощью специального фильтра я очищала воду так, как учил меня Уилл, пока мы жили в доме Джеспера. Мне вдруг захотелось искупаться и несмотря на

холод, я сделала это. Вода была холодной, а солнце больше не грело. Но все равно, даже дрожащей от холода после моего неожиданного купания, я знала, что мне это было необходимо. Усталость от долгой дороги, напряжение, наконец, обыкновенный страх от неизвестности, все это забрала от меня эта холодная озерная вода. После небольшого перекуса, с обновленными силами, я продолжила путь.

Уже садилось солнце, подсвечивая небо почти багровым светом, когда я вышла к ущелью, единственному пути к Северным горам. Где-то рядом шумел водопад. Он обнаружился очень скоро. Несколько минут я любовалась тем, как быстро текла вода сверху вниз, а до моего лица долетали капли брызг. Внизу вода разбивалась об острые, хорошо отточенные камни, на которые я не смогла смотреть долго, слишком опасно выглядели они вблизи, ведь я тоже была рядом с ними.

Обойдя водопад я прошла по узкой дорожке до входа в ущелье. Посмотрев назад, туда, где осталось синее озеро, я поняла, что начался мой подъем в гору. Озеро оказалось внизу, и было видно все как на ладони. А я поднималась все выше и выше, редкие деревья и кустарники не мешали моему подъему.

Меня окружали горы. Сейчас, как никогда ранее, я остро осознавала свое одиночество, но я сама выбрала такой путь. Так было правильно! С грустью подумала о Николасе, по которому скучала каждую минуту все больше и больше.

Не нужно было поддаваться чувствам, тогда и не было бы так горько посреди громадных гор, где чувствуешь себя песчинкой. Но эта песчинка крайне важна, ведь без нее не было бы и гор.

Поднимаясь все выше к вершине горы, я ощущала бесконечность времени и в то же время его быстротечность. Внизу оставался мир, где все постоянно меняется. Здесь же неудержимо притягивает к себе многовековое спокойствие, невозмутимость и величие гор. Мне так захотелось понять смыслы, объединяющие горы и землю, верх и низ. Мне вдруг стало ясно: понять их, значит не просто выжить, а стать победителем.

Еще мне хотелось громко крикнуть что-то горам, вершины которых виднелись вдали, но я не осмелилась. Возможно, я это сделаю, преодолев длинное ущелье с грудой валунов и рекой, текущей каскадами, а сейчас нужно приберечь силы для сложного этапа пути.

Тяжело вздохнув, я двинулась дальше. Наверное, придется заночевать где-то в ущелье, но пока светло и можно разглядеть то, что у меня под ногами, я буду идти вперед. Двигаться дальше приходилось намного медленнее, потому что камешки под ногами оказались очень скользкими, и несколько раз я почти теряла равновесие.

Очень устав после того, как я справилась с первым сложным участком пути, я села под старое высохшее дерево и прикрыла глаза. Сложно все это оказалось, намного труднее,

чем я себе представляла, но я должна справиться. Если не я, то кто? Так думалось мне под сухой кроной уже отжившего свой век дерева, когда вдруг кто-то заломил мне руки. Неясные тени мелькнули рядом со мной, и чьи-то холодные руки попытались завязать мне глаза. Ну уж нет! Не на ту напали! Я защищалась яростно и отчаянно. Мой дар, моя сверхсила помогли мне отбросить одного из мужчин довольно далеко. Но их было много, не меньше полдюжины, а я, увы, одна. Сильный удар пришелся мне прямо в живот. У меня перехватило дыхание и потемнело в глазах. В считанные секунды после этого мне завязали глаза, а веревки остро впились в мои руки и ноги. Неужели я опять чья-то пленница? Что это за группа людей? Откуда им известно про меня? Ответ пришел быстро, когда рядом со мной раздался лающий голос человека, про которого мне хотелось бы забыть.

– Скучала?

"Жан все же нашел меня", – подумала я со злостью.

– А ты далеко пробралась... – голосом, не предвещавшим мне ничего хорошего, произнес он, вышагивая вокруг меня. – Как ты вообще сумела сюда дойти? Здесь лес кишит всякими тварями...

– Они не трогали меня.

– Да? – Жан взвизгнул от недоумения. – Ну тогда знай, что трону тебя я. – Он захохотал громко и раскатисто, и его смех эхом прокатился по ущелью, заглушая шум текущей реки. – Испугалась, рыжая?

– Нет, – твердо ответила я, ни за что не хотевшая показать этому мерзавцу, что внутри вся дрожу от страха.

– А ловко ты меня повела, – сказал Жан, больно дергая меня за волосы. – Притворилась темненькой, сбежала с моим водителем. Еще и моих племянников прибрала к своим рукам. Но знаешь, на что я больше всего обижен на тебя? – с сарказмом спросил Жан и, сделав театральную паузу, продолжил: – Ты закрыла меня в темной комнате. Я просидел там двое суток, прежде, чем мои идиоты-друзья догадались, как освободить меня. Знаешь ли ты, что я пережил, сидя там? Знаешь?

– Догадываюсь, – произнесла я, подсознательно чувствуя, что зря отвечаю ему. Любое мое слово раздражало его еще больше.

– Она догадывается... – передразнил меня Жан и его помощники захохотали. Он рявкнул на них: – Пошли вон! Чего ржете, как кони? Ушли куда подальше!

Вот теперь мне стало еще страшнее, потому что я оставалась наедине с психом, способным на что угодно.

– О, ты узнаешь, каково мне было в темной комнате, а покажу я это наглядно... Но прежде покажу тебе кое-что другое. Скажем так, это будет первое и второе блюда. Они тебе не понравятся, – хихикнул Жан и тут же продолжил зловещим тоном: – Ну а десерт ты возненавидишь и будешь молить о смерти!

Жан подошел ко мне близко, было слышно, как он часто

дышал, как будто его злоба вырывалась изнутри.

– Как возникают у тебя видения? Я хочу показать тебе кое-что...

– Я не знаю.

– Может, взять тебя за руку, и ты увидишь то, что я хочу тебе показать? – Он схватил мои связанные позади руки и сжал их с такой силой, что я закусила губу. Не буду кричать от боли, что бы он ни делал. – Видишь?

– Нет... С закрытыми глазами не умею!

– Хитрая! – Жан стянул платок с глаз, стоя позади меня. Я заморгала от теплого оранжевого света, льющегося с небес. – Дернешься, и будет очень больно. Будешь вести себя смиренно? – спросил он, держа мою голову в своих руках.

– Хорошо, – прошептала я, чувствуя как его руки сжимаются, как тиски.

– Смотри! – закричал он страшным голосом, и мне показалось, что эхо было слышно даже на снежных вершинах.

И я увидела деревянный домик разбойников в лесу, а вокруг клубящийся синий туман. Но почему-то мне сразу стало понятно, что это не туман, а ядовитый газ, простирающийся по всей опушке, медленно заплывающий внутрь дома. А там, на полу, лежат разбойники, забывшись вечным сном.

Я замычала что-то произвольное, непонятное даже самой себе. Сердце гулко застучало в груди от увиденного, оно никак не могло, не хотело принять увиденное.

– Теперь на второе, – зловеще произнес Жан, не отпуская моей головы.

Вначале я увидела только ярко-оранжевые языки пламени и дым, поднимающийся к серому небу. Горел какой-то дом, и никто не смел тушить пожар, потому что рядом стояло шестеро крепких мужчин с оружием в руках. Рядом стояли люди, в их глазах был ужас, но никто из них не подходил близко. А потом рыжим пятном из двери пронесся кот и скрылся в саду. И я узнала этот дом...

Снова пережив муки сердца, я почти не дышала. Это дом Уилла... Там его родители, сестра. Так же нельзя, это противоестественно быть такими злыми! Что за люди могут сделать такое? Убивать невинных нельзя!

А тем временем в окне, сквозь густой дым на мгновение мелькнуло испуганное детское личико и скрылось в смоге. Мое видение продолжалось до тех пор, пока не рухнула горящая крыша, и не раздался радостный возглас мужчин, охранявших дом от спасения. Те, кто должны были защищать слабых, встали на противоположную сторону и наслаждались чужой бедой.

– Нет... – выдохнула я, и горячие слезы потекли из моих глаз, а сердце разрывалось от горя. – Зачем? Там же ребенок...

– Это наказание для всех, кто помогал тебе в пути, – запальчиво произнес Жан, все еще крепко держа мою голову в своих руках. – Тебе понравились первые два блюда? Я счи-

таю, что это шедевры. Чак! – позвал он своего помощника. – Быстро иди сюда! Нужно завязать ей глаза.

Чак имел неосторожность появиться почти передо мной. Узнав лицо одного из тех мужчин, что стояли рядом с горящим домом, я собрала в себе всю свою ненависть к этим нелюдям и отбросила его так далеко, что он упал в быстро текущую реку.

– Идиот! – фыркнул Жан. – Идите все сюда, но подходите сбоку. А ты, – Жан сжал мою голову так, что ее тут же сковала боль. – Ты больше свои штучки не смей выкидывать!

Помощники Жана подходили ко мне со стороны, и я, к большому огорчению, не могла отбросить их, как ни пыталась.

– Впереди десерт! – В голосе Жана слышалось предвкушение моих дальнейших страданий. – Самое вкусное напоследок...

Моя душа ушла в пятки, а холодные, неприятные мурашки волной пробежались по спине. Что этот псих сделает со мной, как будет мучить? А если боль будет нестерпимой, и я все-таки не сумею сдержать крик?

Но крик раздался не от меня, а с неба. Гортанный, булькающий и чуть скрипучий, он приближался к нам стремительно, становясь все громче. И звук был не один. Казалось, все ущелье наполнилось странным трескучим многоголосием.

– Это гаргульи! – заорал Жан испуганно.

Его хватка ослабла и я подняла голову вверх, чтобы уви-

деть тех, кто летел прямо к нам. Те самые огромные летучие мыши, с которыми я так неожиданно знакомялась по утрам, подлетали к моим врагам, схватили их когтистыми лапами, унося ввысь.

– Нет! – заорал истошно Жан, видя, что прямо к нему летит гаргуля, наметившая его своей целью.

Он направил пистолет на это существо, но я, сконцентрировав в себе всю свою силу, взглядом отбросила Жана в сторону, а пуля не задела мою спасительницу. С громким бульканьем гаргуля забрала последнего из помощников Жана и направилась с ним в сторону гор.

С трудом разрезав веревку на руках о лежавший неподалеку острый камень, я постаралась как можно быстрее избавиться от пут на ногах. Подобрыв упавший пистолет, я подошла к своему врагу, не подающему никаких признаков жизни. Жан находился лицом к земле в скрюченной позе, и я не видела, чтобы он дышал. Настороженно я смотрела на него, размышляя, что с ним делать. Оставить его здесь, не убедившись, что он мертв, было нельзя. Но никакого желания трогать Жана, чтобы услышать, бьется ли его сердце, у меня не было, и уж тем более выстрелить в лежащего беззащитного человека я не могла .

Решив понаблюдать за ним со стороны, я отошла к реке и брызнула на лицо ледяную воду. От пережитого мои руки до сих пор тряслись. И хотя в ущелье становилось все холоднее, от адреналина и представления о том, что могло бы быть со

мною, если бы не гаргульи, меня бросало в озноб.

Я присела на свой рюкзак, все еще не понимая, как действовать дальше. Жан так же, как и раньше, лежал на земле, то ли мертвый, то ли притворяющийся, что он мертв. И все же нужно выстрелить в него. Опасно оставлять Жана здесь, не зная, что он может предпринять опять.

Я больно закусила губу, вспоминая языки пламени и лицо Дорри в окне, и взглянула на Жана. Никогда не встречала таких обезображенных злобой людей, способных переступить через все человеческое в своей душе... Как он дошел до такого состояния?

Линия раздела добра от зла пролегает не между людьми, а в их сердцах. Это очень сложное понятие, на осмысление которого нужно долгое время. Но иногда бывает так, что в силу каких-то огромных потрясений, это сложное понятие понимается и принимается сразу, мгновенно и навсегда. Сейчас я понимала: нужно искоренить зло, потому что, если этого не сделать, пострадаю не только я, но и много других людей.

Я поднялась, взвела курок пистолета, и уверенно направилась к Жану. Дверь, отделявшая меня от прошлой жизни, закрылась еще на одну щеколду. Я стояла рядом с Жаном, целясь из пистолета в его голову. Сейчас или никогда... Да будет сейчас!

Но произошло нечто другое. Чьи-то мокрые и холодные пальцы обхватили мое горло и сжали его так сильно, что стало невозможно дышать.

– Бросай пистолет! – приказал хриплым голосом мужчина и не дал мне возможности что-то предпринять.

Он сильно толкнул меня вниз и, когда я упала, придавил ногой к земле. И я потеряла сознание... Мое сознание бродило во тьме, и я почти отчаялась искать дорогу к свету, когда увидела светлячка. Среди мрака он летел куда-то вверх, и, это невероятно, я тоже летела вслед за ним, и очнулась.

– Надо было убить ее сразу, – раздался хриловатый голос рядом со мной.

– Ну уж нет! Она еще долго будет жалеть, что не умерла в той машине.

Голос Жана было трудно не узнать. Я пожалела, что не нажала на курок раньше, чем кто-то из его помощников, кого не унесли гаргульи, меня схватил. И опять мое положение стало незавидным. Где-то рядом потрескивал костер, но не согревал. Я лежала на холодной земле с завязанными глазами, а в руки и ноги вновь впиалась жесткая веревка. Труссы! Боятся восемнадцатилетней девушки, связывают ее и хотят замучить до смерти. Вот теперь точно пора прощаться с жизнью. Живой отсюда мне не выбраться. Но можно потянуть время, не давая им понять, что я очнулась. Если только я смогу сдерживать дрожь, ведь я так замерзла.

Что-то холодное коснулось моего лица раз, потом другой, третий... Что это такое? Неужели эти нелюди приступили к пыткам? Но если это так, то мне совершенно небольно...

– Снег пошел, – сказал Жан. – Надо бы поскорее убирать-

ся отсюда. Если начнется метель, сложно будет поднять машину в воздух.

– Что с рыжей будем делать?

– Сейчас поужинаем и приступим к десерту. Жаль, она не все попытки выдержит, слишком хрупкая.

Я догадалась, что десертом буду я. Как жаль, что идет снег, а я не вижу его, и уже не увижу никогда. Я так мечтала его увидеть, а оказалось, мне не суждено это сделать. Бедная Леона лежит на земле, наверняка, превращающейся в белый ковер, но не видит его. Мечта увидеть настоящий снег так и останется мечтой до конца моей жизни. А конец жизни мне уже подготовлен, скорый и жестокий. Нет! Я не согласна, не хочу, совсем не хочу этого!

Мысленно я обратилась к Духу Леса, горячо прося о помощи. Но кто мне может помочь? Вновь гаргульи? Вряд ли.

– Просыпаемся! – крикнул мне Жан и кинул в меня чем-то твердым, попавшим по ноге.

Я дернулась, несомненно выдав этим движением тот факт, что я очнулась. Нога пульсировала от боли, но я упрямо сжала губы, решив, что не буду обращать внимания на это.

– Не спишь?

Судя по звукам, Жан и его помощник подходили ко мне. А я, не настолько храбрая, чтобы не трястись перед тем, что предстоит, взмолилась Предвечному: "Не оставь меня! Помоги! Это выше моих сил!" Но шаги все приближались, и надрывный голос приказал:

– Вставай!

В этот раз я повиновалась. Встав в полный рост, я высоко подняла голову, последнее, что могла сделать, чтобы эти нелюди знали: им никогда не победить добро. Даже если они сейчас насмеются, даже, если считают себя сильнее, им никогда не понять, что такое милосердие и бескорыстная любовь, что такое сострадательное сердце, которое бьется в груди, распространяя в крови одну лишь доброту. Им, жестокосердным и себялюбивым, никогда не раскаяться. Их не волнуют чужие страдания. Они не достойны жалости, потому что в их крови лишь острая ненависть ко всем вокруг. И из этого противостояния я выйду победительницей, поскольку приму свою смерть с достоинством, а справедливость когда-нибудь восторжествует. Добро всегда побеждает зло, рано или поздно.

– Иди вперед! – велел мне Жан, и я шла вперед, еле передвигая связанными ногами.

– Вы думаете, что если убьете меня, все прекратится? – спросила я его и сама же ответила: – Нет, южане все равно перестанут быть рабами у северян.

– Все сказала? А теперь остановись и слушай меня, – зловеще произнес Жан, сжав мне плечо. – Ты стоишь на краю пропасти. Еще один только шаг и ты упадешь и разобьешься. Но прежде я поведаю тебе, как убил твоего Уилла...

– Нет!

– Да, девочка. Рассказать тебе, как Николас слезно просил

не трогать его, но я все равно выстрелил ему в самое сердце?

Ах, вот какие пытки мне предстояли... Они оказались не телесными. Сокрушительное отчаяние обрушилось на меня. Слова Жана были нескончаемой мукой, терзавшей мою душу.

– Десерт удался?

– Я вас ненавижу, – проговорила я сквозь зубы. – Вы убиваете все хорошее, что есть в этом мире.

– Что поделать, если вы не взорвались в той машине... Вообще-то там должны были погибнуть Николь и Джеспер, но вы нарушили все мои планы!

– Зачем вам это было нужно? – устало спросила я, чувствуя, что еле стою на ногах.

Я не знала, верить или нет, словам Жана. То, что он способен на такие поступки, было ясно. Но вдруг он говорит ложь, ведь он не стал мне показывать картины с убийством Уилла и Николаса...

– Затем, что это был мой шанс стать правой рукой Владыки, заменив Джеспера. Но теперь мои планы разрушились, и все виновники понесут наказание.

– А когда понесете наказание вы за все, что сделали?

– Никогда! – Жан засмеялся страшным смехом, а затем сказал: – Сделай шаг вперед! Все закончится быстро.

Я не могла самостоятельно сделать этот шаг, даже после всего, что мне поведал Жан... И тогда он с силой толкнул меня вперед. И я думала, что полечу в пропасть, но всего лишь

упала на землю. Громкий смех раздался рядом со мной. Моим мучителям было смешно наблюдать, как я, ожидавшая падения с большой высоты, все еще находилась рядом с ними. Снег все так же тихо падал мне на лицо, а я уже не хотела его видеть. Какая разница, какой он на самом деле...

Я все еще лежала, когда послышались выстрелы, эхом прокатившиеся по ущелью. Жан рядом со мной вскрикнул, а его помощник заверещал, как раненый зверь. Я замерла, не зная, верить ли своему счастью, или новые невзгоды подбирались ко мне в лице кого-то другого.

Теплые руки обхватили мое лицо и сняли повязку с глаз. В серых сумерках, посреди белых хлопьев снега, едва ли можно было разглядеть лицо того, кто был рядом со мной. Но еще до того, как повязка была снята, я сердцем почувствовала, *кто* оказался рядом со мной.

– Николас, – со слезами на глазах проговорила я, а он прижал меня к себе так сильно, будто боялся потерять.

– Больше никогда не покидай меня!

Глава 19

Видя перед собой Николаса и Уилла, я не смогла сдержаться и заплакала. Но это были уже слезы радости, слезы любви. Они живы! И каким-то чудом нашли меня, хотя я так старалась уйти от них, самонадеянно думая, что они будут в безопасности, а я сама со всем справлюсь. Какую ошибку я совершила, чуть не поплатившись своей жизнью за нее! Лучше держаться вместе, видеть их рядом, помогать друг другу,

чем бояться за их жизнь, когда и на расстоянии от меня они могли погибнуть.

Николас осторожно резал веревки на моих руках и ногах, а Уилл занимался пленными. Помощнику Жана пуля угодила в ногу, и он лежал на земле, корчась от боли. Ранение Жана было посерьезнее, судя по тому, что он не шевелится, а кровь из раны делала снег около него красным.

– Как вы нашли меня? – спросила я, вставая на ноги.

– Мы просто шли за тобой. – Николас бережно провел рукой по моей щеке. – Зачем ты оставила нас?

– Не хотела, чтобы вы пострадали.

– Но пострадала ты!

В голосе Николаса было сосредоточено все напряжение последних дней, все муки переживаний за меня. Мне стало стыдно за те страдания, которые принесла ему. Но все же он должен был понять, почему я ушла!

– Что будем делать с ранеными? – спросил Уилл, подходя к нам.

С тяжелым сердцем я взглянула на него. Как сказать про его семью? Как сообщить то, что узнала, обрушив на него лавину безутешного горя?

– Уилл, – начала я и замолчала, не в силах открыть такую суровую, жестокую правду.

Жан, связанный и все так же лежавший на холодной земле, застонал. Снег перестал идти, хотя я даже не заметила, в какой момент это произошло.

Внезапно перед моими глазами появились картины все так же горящего дома, но теперь я видела его изнутри. Родители Уилла, сосредоточенные и без тени волнения на лице, и плачущая Дорри с куклой в руках... Они все спускались куда-то вниз, то ли в подвал, то ли в погреб. А там, как какое-то чудо, была потайная дверь, которую они открыли... Они спаслись! Я видела, как они шли в темноте по неведомому мне пути, а за ними бежал их рыжий кот.

Я хотела бы увидеть подтверждение, что и разбойники сумели избежать ужасной гибели, но передо мной возникла другая картина. Передо мной появился Жан, сидящий в своем кабинете и любующийся чучелом единорога. В руке у него была чашка, и он неспешно помешивал ее содержимое чайной ложкой. Видение расплылось, как в тумане, а затем я увидела Жана в моей комнате, но в кровати лежала совсем другая девушка. Она мучительно долго кашляла, прежде чем забрать из рук Жана чашку с напитком. Эту девушку я помнила, потому что она уже была в моих видениях. Рианна, возлюбленная Уилла, непостижимо красивая и уже мертвая.

– Выпей целебный чай от Бонни, – спокойно произнес Жан, приглаживая спутавшиеся волосы девушки. В его движениях проскальзывали отголоски нежности, но в серых глазах был лишь холод.

– Спасибо, – настороженно произнесла Рианна.

– Ты уж прости, что так получилось. Я не думал, что

ты заболеешь после наказания.

– Ничего, это всего лишь простуда. Я поправлюсь.

– Конечно, поправишься! – подтвердил Жан, криво улыбувшись. – Ты точно решила не принимать моего щедрого предложения?

– Точно, – решительно проговорила Рианна, с опаской взглянув на собеседника.

– Ну что ж, выздоравливай, – сказал Жан, выходя за дверь и с нескрываемой злобой смотря на то, как девушка пила из чашки.

И я все поняла... В чашке был не целебный напиток от Бонни, там находился яд. Рианна умерла не от простуды. Ее отравил Жан!

– С тобой все в порядке? – спросил Николас, не понимая, почему я замолчала и странно смотрела перед собой.

– Все нормально. Уилл, я только что увидела... Рианна умерла не от простуды, ее отравил Жан!

Уилл замер, глядя на меня внимательно и напряженно. Прежде, чем до него дошел смысл сказанного мной в полной мере, Николас рванул к Жану и резко перевернул его. Тот застонал и, чуть приподнимаясь, прошептал:

– Дорогой племянничек, рад тебя видеть. Помоги!

– Неужели?

– Ник, да помоги же мне! Меня ранили в плечо...

– Это сделал я.

– За что? – прохрипел Жан, искренне удивляясь тому, что

только что услышал.

– За моих родителей! Ты убил их.

– Я? Нет! Что эта рыжая тебе наговорила? Зачем ты ей поверил?

– Потому что это правда! – Николас присел рядом со своим дядей и произнес ему, глядя в глаза. – Все сходится. Ты присвоил себе деньги моего отца, решил с помощью Николь подобраться поближе к Владыке. У тебя были грандиозные планы, но заверяю тебя, они не сбудутся.

Николас встал и сжал кулаки. Наверное, сейчас он всеми силами сдерживался, чтобы не ударить раненого Жана. А вот Уилл не сдержался. Оцепенение спало с него, и он явно утопал в ненависти к человеку, который убил его возлюбленную.

– Ты! – воскликнул Уилл, подходя ближе к Жану. Он схватив его за грудки и встряхнул. – Ты отравил Рианну! Почему?

– Да кто такая Рианна?

– Издеваешься? – Уилл схватил Жана за руки и поволок к краю пропасти. – Да кто ты такой, чтобы играть чужими судьбами?! Я хочу знать, почему ты ее убил!

– Я не уби... Ой!

Человек, который совсем недавно издевался над беззащитной девушкой, сам стал беззащитным, боялся, что жизнь его оказалась на краю пропасти, в самом прямом смысле этого выражения. Уилл подвел Жана к самому краю и произнес:

– Если не скажешь, полетишь туда!

– Не надо... Я скажу! Рианна мне очень нравилась... Мне кажется, я ее любил, но она отказала мне. Что я мог сделать? Только отомстить за отказ! И теперь я ненавижу всех брюнеток. Они напоминают мне ее!

– Ты ее убил! – сдавленным голосом произнес Уилл, делая шаг вперед.

Жан завис над пропастью. Казалось, в минуты перед неминуемой гибелью человек меняется, осознает, что сделал неправильного в своей жизни, и хочет искупления. Но не Жан. Его лицо, освещенное отблеском пламени, выражало лишь злобу. Уилл держал его одной рукой, а рядом угрюмо стоял Николас и ничего не предпринимал. Я подошла к ним, точно зная, что сегодня для Жана все закончится.

– Вы – неудачники! Никогда вам не удастся дойти до цели! Мой мир не изменится. Талабан будет принадлежать северянам, и никто не сможет этого изменить. Ты, рыжая, даже не пытайся! Потому что тебя ждет только смерть...

С этими словами Жан протянул руку ко мне, но не достал. Видимо, в темноте ему показалось, что я стою ближе, чем на самом деле. Николас, испугавшись за меня, толкнул его в сторону пропасти, а Уилл отпустил руку. Но и моя сила сейчас сработала без промедления. И Жан полетел вниз. Его любимая тьма приняла его так быстро, что крик через секунду заглох, уходя вместе с хозяином в беспросветную вечность.

Мы отступили от края. В этот момент каждый из нас со-

знавал, что стал причастен к выбору, который уже сделан. Но мы все уже дошли до точки невозврата, точно понимая, что-либо переступим грань и сможем защитить себя, либо в следующий раз погибнем сами.

Позади нас громко закричал помощник Жана, зовя на помощь. Мы обернулись. Перед нашими глазами происходила страшная трагедия. Существо, ростом со взрослого человека, похожее на змею, но почему-то с крыльями, которые переливались в свете огня, напало на раненого мужчину. Уилл с Николасом хотели броситься на помощь, но я их остановила.

– Это аспид. Он очень опасен, – сообщил нам Уилл на всякий случай, если мы не знали, что за существо перед нами. – Никто не заслуживает такой ужасной смерти.

– Этот мужчина один из тех, кто чуть не убил твою семью.

– Как? Что ты такое говоришь? – воскликнул Уилл.

– Жан со своими помощниками поджег твой дом. Но вся твоя семья чудесным образом спаслась. Этот человек заслужил все, что происходит с ним.

– Он это заслужил за одно только обращение с тобой, – произнес Николас, приобнимая меня за плечи.

Но даже после того, что я знала об этом человеке, мне было жаль его. Змей ловко подцепил клювом ногу кричащего мужчины и поднялся с ним в воздух, скрывшись в темноте. Тот, кого не забрали гаргульи, все равно повторил путь своих товарищей.

– Сколько здесь всяких тварей, – растерянно произнес Николас. Ему тоже было неприятно смотреть на то, что случилось сейчас.

– Но они, как ни странно, помогают нам. Это удивительно, – сказала я, дрожа не от холода, а от бесконечных переживаний. Николас, будто почувствовав это, обнял меня крепче.

– Почему они помогают?

– Может, они все тоже хотят смены власти, – предположила я, вспоминая все, что мне говорил василиск.

– Но они не на нашей стороне, – возразил Уилл, глядя на затухающий костер. – Они на стороне зла.

– Иногда противники объединяются, – задумчиво произнес Николас. – Значит, в нашем мире есть куда большее зло, которое нужно остановить.

– Видимо это так и есть. Нам пора убираться отсюда и искать место на ночлег.

С этими словами Уилл потушил костер и взялся за свой рюкзак.

– Где будем ночевать? – спросил Николас, нехотя отходя от меня, чтобы взять свои вещи.

– Можно поискать пещеру, но в темноте...

– Постойте! – прервала я Уилла. – У меня идея. Жан говорил, что они улетят на машине. Значит, она где-то рядом. Можем поспать в ней.

– А это отличная идея! – согласился со мной Николас. – Если еще и обогреватель включить... Кто-нибудь знает, как

там все работает? Слишком сложное управление. Говорят, летчики учатся несколько лет, прежде чем их допускают к полету.

– Я знаю, – поспешно сказал Уилл и добавил: – Я раньше летал на таких штуковинах.

– А работал простым водителем у нас? Почему?

– Потому что был склонен к вредным привычкам размышлять о жизни и говорить то, о чем другие помалкивали. Меня уволили.

– Я знал, что ты не так прост, как кажешься.

Николас похлопал Уилла по плечу. Только в этот момент я поняла, что они не препирались с тех пор, как меня похитили у реки, а общались вполне себе по-дружески.

– Как мы найдем в темноте машину? – спросил Уилл, освещая нашу дорогу фонариком.

– Может, пройдем чуть дальше и, если не найдем, соберем палатку? – предложила я.

Лишь бы уйти от этого места подальше, слишком жутким оно казалось теперь, после всего, что здесь произошло. Похоже, со мной были солидарны все, поскольку мы двинулись в путь очень быстро. Пока шли, мы успели рассказать друг другу все, что случилось с нами, когда были порознь. Оказывается, Николас и Уилл тоже встретились с гаргульями, но они не напали на них, а просто следили за тем, как они проходят мимо. Еще, около озера они раз за разом видели большую жабу, увешанную ракушками и водорослями, которая

противно кричала. Уилл посчитал, что именно из-за нее они сбились с пути, потеряв время на поиск входа в ущелье. Но, как ни странно, именно эта жаба, гремя ракушками при каждом движении, и привела их к месту, которое они искали. Я поняла, про какую жабу они рассказывали. Ее называли шелликоут, она любительница подшучивать над путникам, вводить их в различные заблуждения. Но в этот раз она, вопреки своим привычкам, сослужила Николасу и Уиллу добрую службу.

– Вот сейчас нам бы тоже не помешала такая жаба, – произнес Николас, запыхавшись.

Этот медленный подъем в темноте давался нелегко, хотя мы и прошли совсем немного. Я еле передвигала ногами, чувствуя себя измотанной. Слишком много всего произошло за этот день.

Неяркий свет наших фонариков выхватил серебристый гладкий край машины тогда, когда уже казалось, мы никогда не найдем ее. Она стояла посреди расширенной части ущелья там, где высота особенно чувствовалась.

– Нужно быть осторожнее, – прошептал Уилл. – Вдруг там кто-то есть?

К нашему счастью, никого внутри не оказалось. Зато были несколько сумок с едой и водой, а самое главное, место для сна. Уилл включил обогреватели и мягкий нижний свет. Мы могли видеть друг друга, но снаружи были неприметны.

– Обрато можем улететь на этой машине, – предложил

Николас, устраиваясь поудобней с чашкой горячего чая.

– Вначале нужно дойти до Края, – проговорил Уилл. – А так, да. Быстрее улететь.

Я крутила в руках свою чашку и смотрела в окно, в котором ничего нельзя было разглядеть. Спасти сегодня мне удалось благодаря чуду, иначе я это назвать не могла. А теперь мы сидим и пьем чай там, где когда-то сидели мои враги. Они побеждены. Но что ждет меня впереди?

Уилл выбрал место для сна рядом со входом в машину. "На всякий случай. Вдруг кто-то решит зайти", – сказал он прежде, чем отвернулся от нас. Но я-то поняла, что Уилл просто хотел оставить нас вдвоем, а самому остаться наедине со своими мыслями. Сегодня он узнал, как на самом деле умерла его любимая девушка. Сегодня того, кто был повинен в ее гибели и многих других злодеяниях, настигла справедливая кара. Здесь было о чем подумать.

– Тебе стало легче? – обратилась я к Николасу, сев рядом с ним, а он сразу понял, о чем я его спрашивала.

– Не знаю. Стало спокойнее от того, что Жан больше не причинит тебе вреда. Но не легче. Я ненавижу его! Если бы не он, мои родители были бы живы...

– Они были хорошими людьми, я это уже поняла.

– Да, – вздохнул Николас. – Но я не достоин их.

– Да ты что! Не говори так. Они гордились бы тобой. Не каждый может рисковать жизнью, чтобы спасти этот мир.

Николас перехватил мою руку и поцеловал запястье.

– Не каждая девушка в свои восемнадцать может быть таким храбрым бельчонком. – Николас задумчиво покрутил браслет на моей руке. – Он от твоего папы?

– Да. Теперь он своего рода амулет на счастье.

– Он обязательно поможет тебе.

– Надеюсь. Николас, ты знаешь, я ведь так и не увидела всей красоты снега.

– Мы идем в царство льда и снега. Мне кажется, ты еще насмотришься, – улыбнулся он и задумчиво произнес: – Получается, твои бабушка и дедушка по папиной линии северяне. Ты бы хотела с ними познакомиться?

– Возможно. Перед отъездом на Север я узнала, как их зовут. Но сейчас у меня нет возможности разыскать их. Со всем не до этого.

– И не до этого...

Николас нежно поцеловал меня в губы, а потом с грустью сказал:

– Я догадывался, что ты хочешь оставить нас. Но не верил, что ты на самом деле это сделаешь.

– Почему?

– Потому что я никогда больше не хочу отпускать тебя. Даже в мыслях.

Николас крепко прижал меня к себе.

– Лео, почему ты не называешь меня Ником?

– Не знаю. Привыкла обращаться к тебе на "вы", – отшутилась я, не замечая за собой того, что называла его полным

именем.

– Ну хорошо, хоть время индюка прошло, – улыбнулся Николас. – Давай спать?

– Давай, – согласилась я, а сама задумалась, почему так происходило.

Наверное, в глубине души я боялась сблизиться с Николасом. После предательства лучшей подруги трудно полностью довериться другому человеку и уж тем более признаться в любви. Конечно, после всего, что сделал для меня Николас, я хотела ему верить, но так боялась, что вдруг это окажется ошибкой. С этими беспокойными мыслями я и заснула, и сны у меня были полны беспокойства и напряжения. Видимо, в них отразились все ужасы прожитого дня.

Утром я проснулась от того, что Николас дул мне на волосы.

– Мм? – только и могла проговорить я спросонья.

– Смотри, – прошептал он, показывая в окно.

В утреннем свете медленно падал белый и пушистый снег, застилая все кругом серебристым полотном. Это было настолько красиво, что я затаила дыхание, наблюдая за полетом снежинок.

– Дай угадаю, ты хочешь выйти и посмотреть на все это не за стеклом...

– Да! – с восторгом отозвалась я, оглядываясь в поиске своих теплых вещей.

В машине, благодаря обогревателю, мы спали без курток.

Николас тоже принялся одеваться, глядя на меня с полуулыбкой.

– Что? – поинтересовалась я, надевая шапку на голову.

– Ты, как ребенок... Мы, северяне, настолько привыкли к снегу, что ничего особенного в нем не видим.

– Вот будешь на Юге, тоже станешь ребенком, когда впервые познакомишься с цветными облаками.

– У вас цветные облака?

– Иногда бывают. А еще песчаные дюны и драконы ростом с барашка.

– А еще рыжие девушки, сводящие некоторых северян с ума...

Николас наклонился ко мне и поправил шапку на голове. Это уже стало своего рода традицией. Мне захотелось быть с Николасом рядом всегда, чтобы таких вот традиций и ритуалов, объединяющих нас, стало еще больше.

Мы вышли из машины, оставив Уилла заниматься нашим завтраком, что, конечно, было немного эгоистично с нашей стороны. Но ведь вокруг была сплошная красота: казалось, весь мир стал кристально чистым и белым, а снег тихо падал, устилая пушистым ковром землю. Я подставила ладонь, и тут же на нее упали несколько крупных, но все равно таких невесомых снежинок. Невольно залюбовавшись их остроконечными гранями, я смотрела на них, тающих и превращающихся в воду, а на ладонь прилетали следующие.

– Это так... – восхищенно начала я и замолчала, стараясь

подобрать нужное слово и не находила его.

– Так красиво? – договорил Николас за меня, подходя ближе.

– Да. Это такая почти фантастическая красота! Нереальная реальность!

– Ты сама – нереальная реальность и фантастическая красота, – чуть дрогнувшим голосом сказал Николас.

Я знала, что сейчас не время... Нужно было собираться в путь. Но... Что же случилось этим утром? Неужели этот снег и эти слова Николаса навеяли такие несвоевременные мысли о том, чтобы как можно дольше длились эти мгновения?

Мы стояли среди снежного царства и не могли не ощущать величия и разнообразия мира. Сколько всего прекрасного рядом с нами... Север когда-то казался мне заклятым врагом, но именно здесь я встретила свою любовь. И глядя вдаль на снежные просторы, я могла с уверенностью сказать, что Север прекрасен в своей кристально чистой простоте, в суровом могуществе и обжигающем холоде. И что же все это значило для меня? А значило это только одно – я полюбила Север!

– Как насчет того, чтобы пролететь на машине почти до Края? – спросил Уилл, когда мы вернулись и сели завтракать.

– А ты думаешь, дальше будет место, где ее посадить? – ответил Николас вопросом на вопрос.

– Если не сможем, вернемся обратно сюда. Но я сверился

с картой. Там должна быть равнинная местность.

– Но если не будет, мы потеряем время, – произнесла я задумчиво, размешивая ложкой сахар в чае.

– Мы потратим несколько дней на преодоление этих гор. Если карта правильная, то дальше будет небольшая долина. И только потом опять горы.

– А ты справишься в такую погоду с управлением? – настороженно спросил Николас, глядя в окно.

– Постараюсь, – твердым голосом произнес Уилл. Снег усилился и все вокруг накрыла белая пелена.

– Давайте попробуем, – подытожила я, хотя понимала, что в такую погоду опасно лететь.

Через полчаса мы, благодаря профессиональным навыкам Уилла, поднялись в воздух. Было страшно, но сидя рядом с Николасом это чувство притупилось. Кроме того, я верила Уиллу. Если он сказал, что сможет летать на этой машине в непогоду, то он действительно делал это.

Мы поднимались все выше, так, что у меня заложило уши. Хотелось увидеть вершины гор, над которыми пролетала наша машина, но из-за снега ничего нельзя было разглядеть. Совсем скоро нам предстояло резкое снижение и посадка.

– Не бойся, – сказал Николас, беря мою ладонь в свою.

– Что если я не справлюсь? – внезапно даже для себя спросила я.

– Ты справишься, – уверенно заявил Николас.

– Ты не понимаешь! Если я не смогу добраться до Края,

начнется война. Мне сказал об этом Дух Леса. Там погибнет очень много людей.

– Бельчонок, ты доберешься до Края. Мы уже так близко!

– А если бельчонок хочет забиться в дупло и сидеть там?

Может, я хочу жить спокойно и не думать о серьезных вещах? – нервно воскликнула я и заплакала, уткнувшись в плечо Николаса.

– Лео, да что с тобой?

Только через несколько минут, когда машина начала спускаться, я смогла ответить Николасу, что со мной произошло. Мы пролетали Гору Сомнений, самую высокую из Северных гор. Теперь я понимала, почему она так называлась. Страшно подумать, что было бы со мной, если бы я в одиночку совершала ее переход.

Машина без всяческих происшествий приземлилась на заснеженную долину. Позади нас остались Северные горы, а впереди ничего нельзя было разглядеть из-за разыгравшейся метели.

– Ничего не разглядеть. Может, переждем? – предложил Уилл, и мне так хотелось согласиться с ним, но одновременно с этим, я боялась, что беспокойство и неуверенность в собственных силах вновь нагрянут ко мне, как неожиданные гости.

– Нужно идти, – кратко сказала я, и первая ступила ногой в глубокий снег.

– Что дальше совсем непонятно. Идем медленно и осто-

рожно, – предупредил Уилл, обходя меня. Как и раньше он решил идти первым.

– Хоть бы указатели расставили, – пошутил Николас.

– И что бы ты сейчас разглядел? – поинтересовалась я у него, улыбнувшись.

Какое-то время мы шли молча, потому что говорить в такую метель было невозможно. Снег с сильным ветром, бьющие в лицо, не доставляли никакого удовольствия.

– Кто-то хотел увидеть снег, так вот мечты сбываются! – прокричал мне Николас, совсем не радуясь такой непогоде.

– И все равно очень красиво! – тоже прокричала я, а сама уже ничего не различая.

– Мне кажется, хватит! Ты уже вполне себе налюбовалась Севером!

И неожиданно все прекратилось. Ветер перестал завывать и бить в лицо, а темные снежные тучи быстро убегали прочь, оставляя место просвету.

– А ты не мог раньше сказать что-то такое? – спросила я, глядя на кусочки голубого неба, проглядывающие из-под облаков.

– Вообще-то мог, но не хотел. Тебе же так нравится снежная буря, – с иронией в голосе произнес Николас.

– Стоп! – приказал Уилл, и мы немедленно остановились.

– Что? – спросила я, разглядывая открывшуюся равнину, утопающую в серебристом снеге.

– Вы слышите? – напряженно спросил Уилл, вглядываясь

вперед.

И мы действительно услышали странный шум, будто где-то с силой течет вода. А потом в метре от нас поднялась вверх мощная струя воды, обдавая нас горячими, обжигающими каплями.

– Что за...

Николас не договорил, потому что позади нас тоже поднялся столб водяного пара, и распространился ужасный сероводородный запах.

– Бежим! Это кипяток! – закричал Уилл, и мы последовали его совету.

Было похоже, будто долина играет с нами в догонялки. То тут, то там вырывались из земли вверх струи очень горячей воды, а мы боялись, что это произойдет рядом с нами. Мы бежали изо всех сил, иногда падая в снег, почти задыхаясь от противного запаха. Мы почти добежали до холма, когда все затихло. Ни ветерка, ни шума воды, только наше сбившееся дыхание, которое так трудно было восстановить.

– Ух, жарко стало! И это все? – громко спросил Николас, оглядываясь назад.

– Не гневи природу, – сухо заметил Уилл, но тем не менее улыбнулся тому, что все закончилось.

Только сейчас я поняла, о чем предупреждал Интарион. Сбросив с себя рюкзак, я села прямо на него. Значит, Край действительно где-то рядом. Скоро мы дойдем до него, и тогда все изменится.

– Поднимемся на холм на всякий случай? – предложил

Николас, предлагая мне руку, чтобы я встала.

– Да. Лучше подальше отсюда, – согласился Уилл.

Мы с трудом одолели подъем на, казалось бы, невысокий холм. С него открывался вид на горную долину. Где-то там остались горячие струи воды, а впереди было видно одинокую темную фигуру, резко выделяющуюся на всем белом. Я не успела удивиться тому, что этот человек двигался в нашу сторону. Я лишь успела услышать посреди леденящей тишины танец льдинок. Этот звук был мне знаком.

Глава 20

"Стой, где стоишь, ведь отступить уже поздно, да и некуда", – говорила я себе, глядя, как мужчина приближался к нам. Рядом замерли Николас и Уилл. Не было слышно привычной иронии Николаса, советов Уилла. Они словно окаменели.

А тем временем, в моей голове все отчетливее звучали льдинки, бьющиеся между собой. Вслед за своими друзьями я превратилась в неподвижную статую, в смятении смотря на Главного. Внутри меня происходило сражение. Неудержимое желание послушаться и застыть перед тем, кто умело околдовывал все живое, соперничало со стремлением противостоят. Я должна бороться! Иначе проиграю не только я, но и весь наш мир. Отбросить его в сторону – вот чего хотелось мне больше всего, но каждая попытка не удавалась.

– А ты далеко забралась, – произнес Главный, приблизив-

шись ко мне почти вплотную.

– Вы тоже. Что вы сделали с моими спутниками?

– Догадайся.

Его темные глаза ничего не выражали, но я понимала, что он изучает меня. Равнодушно посмотрев на неподвижных Николаса и Уилла, Главный вновь повернулся в мою сторону.

– Нравится Север?

– Да!

– Хочешь изменить Талабан?

– Этот мир называется по-другому, – твердо сказала я, видя, как в глазах Главного промелькнуло едва заметное удивление.

– И как же он называется?

– Скоро узнаю.

– Ты себя переоцениваешь. Какая-то слабая девчонка не может изменить целый мир.

– Тогда почему вам не удастся загипнотизировать меня?

Только сейчас я сумела разглядеть бешеную злобу, так хорошо спрятанную до этого внутри него. Лицо Главного исказилось, обнажая всю уродливость того, кто управлял нашим миром.

– И почему мои люди до сих пор не смогли справиться с тобой?

– Потому что добро сильнее зла.

– Да? Значит, я в твоём понимании представитель зла? А

кто тогда твои спутники? Один годами был в забвении, потеряв все, к чему стремился. Другой предаст тебя, так же, как и твоя подруга... потому что он с самого начала работал на меня!

– Я не верю вам! Николас не способен на такое! – воскликнула я в почти полной уверенности в своей правоте.

Но что если... Я взглянула на Николаса. Нет, такого не может быть! Я доверяю ему, но ведь я доверяла и Ренате...

– Сама подумай, почему ты оказалась в доме у Жана, почему Николас пошел с тобой. Все просто!

– Но зачем он спасал меня?

– Слишком скучно жилось. Захотелось поиграть с тобой.

Я вновь услышала постукивание льда, но сейчас этот звук становился громче, превращаясь в треск, а затем в невыносимый сильный грохот.

– Отступи. Тебе никто не поможет!

Зажав ладонями уши, я пыталась сопротивляться. Умом я понимала, что Главный нашел брешь в моей броне, и теперь умело пользовался этим. Но в душе я переживала... Если и вправду Николас обманул меня, если он притворялся, а я напридумывала себе любовь, которой никогда и не было!

Снег под ногами превратился в тонкий лед, и зловещий треск, напомнивший выстрелы, раздался рядом со мной. Холм оседал вместе с нами, и слишком трудно было сохранять равновесие. Я упала на колени, а Владыка стоял высоко надо мной с торжествующей улыбкой. Он сделался опять

таким идеально красивым, в его темных глазах хотелось тонуть...

– Лео, – раздался голос Николаса откуда-то слева, и я нехотя посмотрела в его сторону.

Зачем он отвлекает меня от любования Владыкой? Подумаешь, стоит на льдине, а под ней бурлит вода. Не буду ему помогать! Он обманул меня. Теперь я буду доверять одному лишь Владыке...

Я взглянула себе под ноги. Под тонким слоем льда было видно, как стремительно текла вода. Отчего-то мне показалось, что она совсем не холодная, а наполнена теплом.

Лед таял слишком быстро, он ломался и с треском погружался под воду. "А ведь Николас не умеет плавать!" – вспомнилось мне, и я вновь посмотрела на него. Льдина, на которой он стоял медленно погружалась под воду, а вслед за ней уходил и Николас. Что-то дрогнуло в моем сердце, и холод прокатился по спине от осознания, что на моих глазах он утонет, а я ничего не сделаю, чтобы его спасти. Я решительно сделала шаг по направлению к тому, кого любила.

– Зачем ты его спасаешь? Он ведь предал тебя! – недоумевал Главный, понимая, что я хотела сделать.

Мне было не до ответа, потому что в одну секунду Николас ушел под воду, а я не успела дойти до него, скользя по прозрачному льду.

– Ник! – испуганно проговорила я, чувствуя, что теряю драгоценные секунды.

– Стой! Ты умрешь, спасая его! – закричал Главный мне в спину.

Но и на эти слова я не отреагировала, ныряя вслед за Николасом в быстро текущую воду. Не сразу я поняла, что она действительно теплая, почти что горячая. Сообразив, что Николаса относил течением, я изо всех сил поплыла за ним. Казалось, мне не хватало дыхания, но я упрямо двигалась вперед, желая лишь одного – спасти Николаса, даже ценой своей жизни. Плыть было тяжело, одежда намочила и тянула на дно. Наконец я увидела его впереди и сумела крепко схватить за руку. "Никогда больше не отпущу его! Никогда!" – думала я, поднимаясь с ним на поверхность, боясь потерять сознание от нехватки воздуха. Через мгновение мы выплыли.

А еще через какое-то время я поняла, что все это лишь привиделось мне. Николас все так же стоял рядом с Уиллом, и они выглядели, как статуи, неподвижные, как тяжелые глыбы льда, которые никогда не сдвинуть с места.

– Я и не думал, что ты такая глупая, – сказал Владыка, прищурившись от внезапно вышедшего из-под туч солнца. – Ты спасла того, кто тебя предал. Я не понимаю... Зачем?

– Потому что люблю его. И вы лжете. Николас не предатель!

Главный посмотрел на меня внимательно и долго. В его глазах мелькнуло странное, своеобразное сочетание презрения, недоверия и любопытства.

– Ты видишь там реку? – спросил он, показывая вдаль.

– Да, – ответила я, только сейчас замечая ее. Она текла вдоль горы, как будто опоясывая ее и защищая от чужих вторжений.

– А мост видишь?

Я присмотрелась. Река в лучах солнца сверкала поразительной синевой, а где-то посередине через нее проходил небольшой деревянный мост.

– Да, вижу.

– Где? – тут же спросил Главный, а в его глазах блеснула неистовая ярость.

– А вы не видите? – догадалась я.

– Нет. Но ты мне сейчас покажешь, где он находится, – сказал Главный, больно хватая меня за руку.

– Вам туда нельзя, – возразила я, чувствуя, что он тянет меня за собой.

– Мне можно везде! Я владею этим проклятым миром! Сейчас они увидят, кто я такой, и забудут свои идиотские легенды...

– Они?

– А ты ничего не знаешь, да? – хмыкнул Главный, забавляясь моим непониманием. – Духи Леса тебе ничего не сказали...

– Я знаю самое главное. Если вы не видите мост, значит, вы не должны проходить по нему.

– Я хозяин всего, что ты здесь видишь! И даже тебя.

– Нет! – твердо заявила я, зная, что ни один из нас не имеет права владеть человеком, его мыслями, словами, и уж тем более его судьбой.

– Да кто ты такая? – возмутился Главный и тут же возобладав над собой, успокоившись. – Не проведешь меня по мосту, я убью его! – С этими словами он достал пистолет и направил на Николаса.

– А я убью вас! – воскликнула я, выхватывая тоже пистолет из кармана куртки, и целясь в Главного.

– Не посмеешь!

– Мы можем проверить.

– А вдруг меня пули не берут?

– А если берут?

– Упрямая девчонка! Да что тебе стоит провести меня по мосту?! – рывкнул он и неожиданно вздрогнул от грозного рева, прокатившегося по долине.

Мне тоже стало страшно, рев был исполинским. Появившись из-за белоснежной горы, к нам летел самый настоящий дракон. Невольно я залюбовалась тем, как это огромное существо, бросавшее тень чуть ли не на половину долины, вопреки всем законам, парило в высоком небе, словно птица, и солнце отражалось на его коже. Это был очень красивый, завораживающий полет. Я и сама не знала, почему совсем не испытывала страха.

Главный, стоящий рядом со мной, что-то тихо пробормотал и отпустил мою руку. Он спокойно наблюдал за полетом

дракона и сделал шаг назад лишь тогда, когда в долине раздался еще один могучий рев. Если тот, кто стоял рядом со мной не боялся дракона, я предположила, что тогда стоит бояться мне, поскольку это громадное существо – союзник моего врага.

Дракон опустился на землю в нескольких метрах от нас, отчего снег вихрем поднялся вверх. Главный тихо выругался и внезапно толкнул меня вперед. От неожиданности я упала, а когда подняла голову вверх, увидела прямо перед собой отливающую серебром морду дракона. Он с любопытством смотрел на меня своими льдисто-синими глазами, а потомдохнул каким-то прозрачно-серым воздухом. Стало так холодно, будто вся я покрылась тонкой корочкой льда, а затем, через мгновение, сделалось опять тепло.

– Почему ты не заморожена? – ошарашенно спросил Главный, а я неотрывно смотрела на серебристого дракона.

Так вот что он хотел сделать! Я должна была превратиться в лед? Или он, так же как и василиски, проверял меня? Набравшись храбрости, я поднялась, убрала пистолет обратно в карман и коснулась морды дракона. Мысленно я обратилась к нему: "Неужели ты не понимаешь, что мне никогда не превратиться в лед? Я растоплю все, что меня сковывает. Потому что, я уже знаю – подо льдом тепло". Дракон, как бы соглашаясь с этим, прикрыл глаза, но лишь на секунду, потому что тут же открыл вновь. "Отходи в сторону", – пронеслось у меня в голове, и я послушалась, продвинувшись к

Николасу и Уиллу. Дракон ударил своим мощным хвостом по снегу, и холм с жутким треском раскололся напополам. Главный остался один, а тем временем дракон взлетел над ним и окутал его своим ледяным дыханием. Ничего не произошло, хотя мне и очень хотелось, чтобы Главный застыл как ледяной столб. Было видно, что он старается загипнотизировать дракона, но ничего не выходило. Летающий ящер подлетел к Главному и сбил его с ног хвостом.

– Да что вообще происходит? – раздался рядом голос Николаса, и я поняла, что дракон пробил изрядную брешь в броне Главного.

Мои друзья перестали быть неподвижными статуями.

– Это же дракон! – изумленно воскликнул Уилл, протирая глаза ладонью.

– Вы проспали самое интересное, – многозначительно сказала я, наблюдая, как Главный кубарем скатывался с того места, что осталось от холма.

– Стой! – закричал он дракону, пытаясь подняться. – Ты не можешь меня убить. Животные вроде тебя не должны идти против Владыки этого мира. – Главный встал на ноги и громко произнес: – Талабан был моим и останется таким навеки!

Страшный крик пронесся по долине. Это кричал дракон. Он со всей своей силой ударил хвостом по льду, так, что тот раскололся, и рядом с ним показалась быстро текущая вода. Дракон взмыл вверх, к рваным облакам, и улетел. Через се-

кунду раздался оглушительный треск, и Главный медленно, словно время было уже неподвластно ему, упал в воду. Его лицо исказилось от неподдельного ужаса, когда он осознал, что все для него кончено. Пальцами одной руки Главный пытался цепляться за лед, но тот был скользким и неуловимым.

– Ты! – прохрипел он мне, а в темных глазах мужчины показалась бездна, зовущая его за собой. Она увлекла Главного на глубину, мрачную и бездонную

Я все еще не могла оторвать взгляд от воды, утянувшей моего противника на дно. Николас подошел ко мне и приблизился, чтобы поддержать.

– Я рад, что ты не поверила Владыке, – произнес Николас наконец.

– Ты слышал? – удивилась я.

– Да. Все, что вы говорили. Вот только сказать ничего не мог. И ничего не видел, одна сплошная снежная пелена.

– Леона, про какой мост говорил Владыка? – спросил Уилл, закрывая ладонью глаза от яркого солнца.

– Мост... – вспомнила я и быстро взглянула туда, где он виднелся. – Нам нужно скорее двигаться к реке.

Мы надели чудом уцелевшие рюкзаки и осторожно, чтобы не провалиться под воду, пошли к реке. Мост никто из моих друзей не видел, и я сделала вывод, что им тоже нельзя пройти по нему. Дальше я должна была идти одна.

– Но как ты справишься? Мы должны идти с тобой! – запротестовал Николас, узнав о моих планах.

– Я скоро вернусь.

– Ты уверена, что там уже не будет ничего опасного? – спросил Уилл, с беспокойством глядя на меня.

– Вот и проверю.

Я уже хотела сделать шаг вперед, как Николас привлек меня к себе и быстро поцеловал теплыми, несмотря на холод вокруг, губами. Он отстранился, а в его голубых глазах виднелась неприкрытая тревога.

– Будь осторожна!

– Буду, – пообещала я Николасу и взошла на мост.

Интересно, как это выглядело со стороны... Если Николас и Уилл не видели мост, значит, им казалось, что я иду по воде? Осторожно прошла я по деревянному, чуть обледневшему по краям, мосту и как только преодолела этот путь, увидела вход в пещеру. Я шла по длинному, извилистому коридору, освещенному пылающими факелами. Огонь в них трепетал и танцевал красивыми тенями на стенах. Было тепло, несмотря на то, что я, вполне возможно, добралась до Края Севера. Почему-то мне казалось, что здесь должно было быть обжигающе холодно, но я ошибалась.

Я свернула влево, следуя по изгибам коридора и вслушиваясь в нарастающий шум воды. Пройдя еще немного вперед, я уперлась в стену. Это было неожиданно, ведь я ожидала чего угодно, только не тупика. И что мне теперь делать? Неужели идти назад? Столько всего пережить, чтобы упереться в стену? Ну уж нет! Я попробовала взглядом убраться

преграду, мешающую мне дойти до цели, и, о чудо, стена растворилась в воздухе.

Я попала в просторное помещение, похожее на природный грот. Не знаю, что меня удивило больше всего: стена водопада, под которой я стояла, ощущая брызги воды на лице, или стена огня напротив. Вначале мне показалось, что там подвешено много факелов, но приглядевшись внимательнее, я увидела, что она вся была в огне.

Все в гроте казалось волшебным: и всполохи огня, до которых не долетали капли воды, и теплое свечение лучей солнца, играющих в потоке воды. А потом, появившись буквально из величественного водопада, пройдя сквозь шумный поток воды, в гроте показались три старца в белых просторных одеждах. Фигуры их были высокими и крупными, а черты лица утонченными и гармоничными. В глазах старцев читался весь прожитый опыт многих поколений людей, было всезнание, размышление, мудрость. Лоб у всех троих выглядел красивым, округлым, немного выпуклым над густыми прямыми, как у глубоко мыслящих людей, бровями. А волосы, длинные, белые и очень густые, даже не намokли после мощных вод водопада. Почему-то я даже не удивилась этому.

– Леона, рады тебя видеть, – произнес тот, кто стоял ближе всех ко мне. – Твой путь был долог и труден. Но ты сумела дойти сюда.

– Кто вы?

– Мы те, кто охраняет ваш мир, – ответил первый старец.

– Мы те, кто вобрал в себя все знание мира, – сказал второй.

– Мы те, кто хочет помочь людям стать более возвышенными и совершенными, понять, где добро, а где зло, – произнес третий.

От старцев исходило спокойствие. Я чувствовала, как их собранность и неспешность переходят и на меня. Двое из тех, кто стоял в отдалении от меня, не говоря ни слова, скрылись в водопаде.

– Это Край? Я добралась? – спросила я, глядя в теплые лучистые глаза старца, стоявшего рядом. Чем-то он напоминал мне Интариона.

– Да. Ты справилась.

– Но почему именно я? – Вопрос, давно мучивший меня, не мог более сдерживаться внутри. – Ведь я, наверняка, не единственная девушка, в которой есть северная и южная кровь.

Старец покачал головой и сказал:

– Ты не одна. И шанс изменить мир дался не только тебе. Но... – старец вздохнул и с лёгкой грустью взглянул на своих собратьев. – Но только ты сумела им воспользоваться.

– Я не понимаю. Как это?

– Другие девушки тоже пытались, но ни одна из них не сумела дойти до Края. Только ты.

Потребовалось какое-то время, чтобы я сообразила, что

именно говорит старец. Другие девушки... Значит, я не одна являлась избранной. Значит, кто-то еще пытался добраться сюда, но это по какой-то причине не удалось...

– Почему? – поинтересовалась я.

– В этом мире слишком много соблазнов, слишком много грехов.

– Их убили? – выдохнула я, вспоминая, что и сама столько раз ходила по краю пропасти.

– Некоторых да. Другие сами выбрали безопасный путь. Кто-то струсил, кто-то, получив силу, решил использовать ее не по назначению, а кто-то и вовсе примкнул ко злу.

– А если бы никто не дошел сюда?

– Этот мир движется к краху. Даже сейчас, лишившись своего бесчеловечного лидера, мир продолжает разрушаться.

– Но ведь я здесь! – воскликнула я, и раскатистое эхо повторило мои слова.

Старец укоризненно посмотрел на меня, и в его взгляде, помимо укора, я сумела увидеть едва уловимую улыбку. Да, я так и не изменилась до конца, все еще горячо реагируя на разные ситуации.

– Леона, это еще не весь твой путь. Тебе предстоит дойти до Южного Края.

– Да, я помню. Но зачем? Того, кто держал в рабстве южан, больше нет.

– Есть и другие, – мягко сказал старец. – Когда есть власть

и деньги, рядом всегда находится зло. А еще больше зла сосредоточено в Бездне. Чтобы спасти этот мир, нужно ее уничтожить.

– Но как?

– Сжечь. Я знаю, ты сейчас скажешь, что это может сделать каждый. Но нет, Леона. Только человек, который верит в хорошее, у кого доброе сердце, и ему не чуждо сострадание даже к тому, кто сам творил зло, может сделать это. Знаешь, что это за огонь? – Старец подошел к пламенеющей стене и провел рукой по ней, словно это была обычная каменная поверхность. Я помотала головой, в недоумении глядя, как на указательном пальце старца танцевал огонь. – Это неугасимый огонь. Его могут касаться только те, кто действительно достоин этого. – Старец достал свободной рукой из кармана кольцо и коснулся огненным пальцем его. Пламя исчезло внутри. И я не успела сообразить, как старец надел это кольцо на указательный палец моей правой руки. – Оно твое.

– Неужели я достойна? – спросила я дрогнувшим голосом. Я залюбовалась тем, как языки пламени, выгравированные на нем, танцевали посередине.

– Никто к нам не приходит, пока мы не призовем. Ты нашла нас, потому что тебя здесь ждали. Своими поступками ты доказала, что достойна неугасимого огня. Надеюсь, что будешь достойна и дальше.

– Но я...

– Тебе страшно? – перебил меня старец, глядя мне прямо

в глаза.

– Если честно, то да. Я столько раз могла погибнуть...

– Пойдем, – требовательно сказал мой собеседник и повел меня к стене водопада. – Проходи.

Ни секунды не колеблясь, я сделала шаг вперед. Вода не намочила меня, не ударила по моему телу. Ее как будто и не было. Я оказалась в другом гроте, уже поменьше, чем первый. Но наверное мне это лишь казалось, потому что все его пространство занимала огромная библиотека.

– Посмотри сюда, – сказал старец, подходя к неровной стене грота, на которой была нарисована картина. И я ее узнала.

Когда-то на Юге, казалось, что это было давным-давно, я читала книгу, в которой была точно такая же картина. На ней изображены два дракона, смотрящих друг на друга. Один с Юга, другой с Севера.

– Посмотри на них внимательно, Леона. Думаешь ли ты до сих пор, что они сойдутся в смертельной схватке?

Я внимательно разглядывала картину, вспоминая о том, что в последний раз, когда я ее видела, действительно гадала, кто из двух драконов победит. А теперь... Теперь мне казалось, что, если начнется битва двух исполинов, никто не победит. Но если приглядеться к ним пристальнее, то можно заметить, что они и не хотят драться. Драконы смотрят друг на друга вполне миролюбиво, сейчас в их взгляде мне виделось спокойствие.

– Они не хотят сражаться, – ответила я после минутного

молчания, пребывая в растерянности от того, что я только что открыла для себя. – Как же я сразу не увидела этого?

– Ты была не готова. Нужно было пройти через многое, прежде чем понять смысл. Людям, за исключением немногих, нельзя передавать знания в чистом виде, поэтому они и даются под видом легенд, сказок, аллегорий и символов.

– Многие не верят в Духов Леса, а они так помогали мне в пути...

– Твоя вера помогала тебе. Если бы ты не верила, все могло бы быть иначе. Но и Интарион верил в тебя. Как только рождалась девочка смешанной крови, ее посещал Дух Леса, чтобы посмотреть на ту, которая могла бы стать спасительницей мира. Знаешь, как ты смогла убедить Интариона, что ты справишься? Еще в младенчестве ты схватилась за его бороду, и тогда он понял, что эта девочка сможет многое. Интарион верил в тебя восемнадцать лет.

Старец замолчал, давая время мне подумать о том, что только что поведал. Теперь я знала, что вера способна творить чудеса.

– А моя сила... Это Интарион одарил меня ею?

– У него нет таких полномочий. Это мы. От одного ты получила способность видеть то, что другие видеть не могут. От другого умение защищаться одним взглядом. Но есть кое-что еще. То, что передал тебе я.

– Что-то третье? – с огромным удивлением спросила я.

– Это умение откроется тебе позже. Тогда, когда оно по-

надобится.

– Вы не скажете?

– Нет. Но я могу тебе кое-что показать. В своих видениях ты можешь видеть только других, но сейчас ты должна увидеть, как все начиналось. Закрой глаза.

Я послушно закрыла глаза. И передо мной замелькали картинки прошлого. Лазурное Побережье... Мама и папа, такие молодые, такие счастливые, сидят на пустынном песчаном пляже. Ветер раздувает мамины волосы, а папа то и дело поправляет их. Потом я вижу маму в слезах у окна, рядом пожилая женщина, лежит на кровати. "Это моя бабушка, мамина мама", – догадываюсь я. Папа сидит рядом с ней, а она трясущимися руками передает ему браслет, который сейчас находится на моем запястье.

– Это от моей мамы. Она тоже была северянкой, – говорит бабушка папе, а тот потрясенно смотрит на нее. – Сохрани его для моей внучки. Она остановит вражду между Югом и Севером. О, Предвечный, я так хочу верить в это!

Стоя с закрытыми глазами, я чувствовала, как мое сердце наполняется нежностью и пронзительной печалью. Я никогда не видела свою бабушку. Она умерла до моего рождения, но каким-то образом бабушка знала, что я появлюсь на этом свете.

Вдруг светлые краски картин, которые я смотрела, разом померкли. Звук гудящих моторов раздался у меня в голове, и я увидела много серебристых машин, поднимавшихся

в воздух. Серыми птицами они летели в голубом небе, разгоняя оранжевые облака. И звук работающего мотора был предвестником смерти...

Наверное, я наблюдала Великую войну, которая происходила так давно... Страшно было видеть все воочию. И я отчаянно желала лишь одного: чтобы такое больше никогда не повторилось!

– Открой глаза, – произнес старец, прерывая мои пугающие видения.

Теперь передо мной стояли, как и прежде, три старца. Лица их были сосредоточенными.

– Тебе пора. Слушай меня, Леона. Чтобы уничтожить зло, которое находится в Бездне, тебе нужно бросить кольцо туда. С неугасимым огнем не справится никто и ничто! Но тебе нужно поспешить! Твои друзья ждут тебя у водопада. Прыгайте вниз, и вы окажетесь в Лесу. Оттуда начинай свой путь к Краю. Иди же! И пусть Предвечный поможет тебе!

Старец коснулся моего лба и благословил тихой и краткой молитвой. Я прошла в проход, на который он мне указал, и тут же вход закрылся. Ничего не напоминало том, что там, за стеной, находился грот и старцы. Чуть пройдя в сторону, я очутилась наверху скалы. Сбоку от меня, практически под ногами, шумел водопад, переливаясь теплым оранжевым светом в закатном солнце.

– Лео! – радостно раздалось за моей спиной, и я обернулась на знакомый и любимый голос.

– Ник!

Он поднял меня в воздух и закружил. Счастьем озарилось его лицо, и эта радость передалось и мне.

– Ну что, справилась? – спросил Уилл, подходя к нам.

– С этим да.

– С этим? А есть что-то еще?

– О, да! Все только начинается, – ответила я удивленным Уиллу и Николасу и поинтересовалась: – Как вы сюда попали?

– Нас привела знакомая жаба, – иронично ответил Уилл.

– А мы ей даже “спасибо” не сказали, – веселым тоном добавил Николас, подходя за мной к краю скалы.

Оттуда открывался невероятный вид. Вода, стремительно падающая вниз, была золотистого цвета, а брызги напоминали искры огня.

– Что там было? – спросил Николас, стоя рядом со мной.

– Позже расскажу. А теперь нам надо прыгать.

– Куда? – ошеломленно спросил Уилл.

– Мы идем на Юг. Вы мне доверяете?

– Да, – твердо произнес Николас.

– Я с вами, – после секундного колебания сказал Уилл.

Холодный ветер дунул мне в лицо. Словно предвестник перемен, он вселял надежду. Последний раз я оглянулась, чтобы вобрать в себя всю красоту Севера, и прыгнула в огненный водопад. Мои друзья последовали за мной. Нас ждал Юг.